

ДОНБАСС
ДОРОГА
ДОМОЙ

МЫ НАШИ
выпуск 1

**КНИЖНЫЕ
ПРОЕКТЫ
АЛЬМАНАХА**

ПОЛЫНЯ

ДОНБАСС ДОРОГА ДОМОЙ

МЫ НАШИ

Выпуск 1

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

Д67

Донбасс. Дорога домой. Серия «Мы наши», выпуск 1. Книжные проекты альманаха «Полынья» [под редакцией Юлии Карасёвой] — ИД «Полынья», Санкт-Петербург, 2024 — 303 с.

ISBN 978-5-521-24243-6

Авторы и составители этого сборника обращаются к теме войны, что идёт на Донбассе уже десять лет. Многие из них стали свидетелями или участниками драматических событий, происходящих в Новороссии: это граждане двух донбасских республик, волонтёры, военкоры и воины российской армии. В каждом рассказе сборника заложена золотая крупница правды о современной войне. Эти крупницы составили её мозаичную картину.

12+

ДК 82.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)

© Ю.В. Карасёва составление, 2024

ISBN 978-5-521-24243-6

© Наталья Голоконникова, художник, 2024

ИД Полынья ©

Авторы и составители этого сборника неслучайно обратились к теме войны, что идёт на Донбассе уже десять лет. Когда живешь в мирном городе, в уютной квартире, трудно осознать весь драматизм происходящего в зоне боевых действий. От ракет и беспилотников противника вновь и вновь погибают мирные жители в Донецке, Горловке, Белгороде и даже далеко от линии фронта. Банальный поход за водой, которой кое-где нет в кранах уже давно, может закончиться трагически. О них, об этих людях, страдающих от бесчеловечной политики киевского режима, о тех, кто их защищает, сражаясь на фронте, перенося невероятные тяготы и лишения, ежечасно рискуя жизнью, рассказывается в сборнике «Мы наши».

Многие россияне присоединились к движению помощи Донбассу, к поддержке наших бойцов под старым проверенным лозунгом: «Все для фронта — все для победы!». Писатели России, используя всю силу своего таланта, обращаются к душам и сердцам сограждан. На страницах сборника они пишут о героизме простых людей, добровольцев, жаждущих лишь одного — ускорить победу, водрузить знамя Победы над логовом кровавого национализма, вернуть мир на эту землю.

Многие авторы сами являются свидетелями или участниками драматических событий, происходящих в Новороссии: это граждане двух донбасских республик, волонтеры, военкоры и воины российской армии.

А Юрий Ковальчук, два рассказа которого вошли в этот сборник, к сожалению, уже не доживёт до победы. Ополченец первого дня, он скончался от последствий пыток в застенках

современного украинского гестапо, куда попал в результате поистине предательской глупости некоторых российских чиновников.

Юрий Ковальчук, не единственный из авторов сборника, кто участвовал в боевых действиях. Сражалась с нацистами на фронте и Олисава Тугова, чьими рассказами открывается книга. Очень трогательно живыми и яркими красками повествует она о геноциде в Киеве в рассказе «Бронзовая девочка», соединяя прошлое и настоящее — трагедию Бабьего Яра с происходящим на Донбассе в наши дни.

В каждом рассказе сборника заложена золотая крупица правды о современной войне. Эти крупинки составили её мозаичную картину: страдания людей — женщин, детей, стариков, героизм воинов — живых и павших на полях сражений. Авторы обращаются к сердцам людей, ко всем тем, кто еще не в полной мере понимает, что пожар войны полыхает на крыше нашего большого многонационального дома.

Нет сомнения, что Победа будет за нами. Но какой ценой и в какие сроки? Да, идет война, о которой мы вправе сказать — народная, священная война против современного нацизма. Во всяком случае, после прочтения сборника «Мы наши» никаких сомнений на этот счёт не должно оставаться.

*Сергей Рац, член Союза писателей России,
кандидат политических наук, историк спецслужб*

Олисава Тугова

БРОНЗОВАЯ ДЕВОЧКА

Наша прихожая маленькая и тёмная. Когда закрыты все двери, она похожа на шкаф. И в этом шкафу сидим мы с сестрой. Сидим уже часов пять или шесть и будем сидеть, пока не придет эсэмэска от мамы, что прилёты закончились, или пока не придет с работы сама мама. Хорошо, что она поехала на велосипеде, а не на маршрутке. Если прислониться спиной к стене, то можно почувствовать, как под обоями подрагивает бетонная плита — сегодня укропы снова бьют по центру Донецка.

Лампочка в треснувшем плафоне под потолком не горит, и от этого обои кажутся грязно-серыми. Если бы горела, то стали бы видны рисунки сестры. Она часто поднимается на цыпочки и рисует карандашами так высоко, как только может дотянуться. Она почему-то думает, чем выше рисунок, тем он важнее. Поэтому я встал на табуретку и нарисовал отца, маму и нас с ней — мы держимся за руки и никогда их не расцепим — хотя бы на рисунке. Потому что отец в ополчении. Я иногда ему звоню. Чаще всего мне отвечает электронная девушка-робот и говорит о том, что аппарат абонента выключен. Но иногда я слышу тяжелый и тихий голос отца. Он всегда спрашивает одно и то же: «Как сам? Как мама? Как сестра?» И не слушает моих ответов — ему, как и мне, важно просто услышать звук родного голоса: значит, живы.

Сестре пять, она родилась, когда уже шла война, и почти всю свою жизнь сидит со мной в шкафу-прихожей. Когда мне было пять, мы ездили в Киев. Там цвели каштаны, вдоль ярких домов ходили новые блестящие трамваи. Сейчас мне тринадцать, и я до сих пор почему-то помню эти трамваи,

рассказываю про них сестре, и она рисует их на пожелтевших обоях, сильно вдавливая карандаш так, что остаются глубокие борозды...

— Дима, налей водички, — просит сестра. Ей не поднять большую пятилитровую канистру, которая поблёскивает в углу гладкими боками. И я осторожно наливаю ей в чашку воды. И смотрю, как она пьёт глоток за глотком... Без воды мы умрём. Иногда воду дают, она шипит в трубе, тогда я откручиваю кран на максимум, чтобы набралось в ванну как можно больше, но струйка тонкая, и много всё равно не насобирать.

Сестра поднимает руки, одной упирается в стену, во второй сжимает карандаш и тянется повыше — хочет рисовать, но темно и не разобрать — красным она рисует или чёрным.

— Вика, — зову её, — ты знаешь, в Киеве есть памятник. В парке. В Бабьем Яру. Мы там гуляли с мамой и с папой под плакучими ивами и тополями. Было такое солнце. Ярко-ярко, и много цветов на клумбах. И я бежал по аллее. Очень быстро бежал, радостно. Я так быстро давно не бегал. Разве что когда от магазина услышал, что где-то совсем рядом с нашим двором прилетело — вот тогда я тоже домой нёсся, потому что ты болела и со мной не пошла, одна сидела, и я испугался, что ты могла во двор выйти... А там в Киеве, вдруг — раз — и памятник... Там бронзовая девочка-кукла с поднятыми руками, вокруг неё сломанные игрушки. А она одна и совсем некому её защитить. Ни мамы. Ни папы. Потому что всех фашисты убили. Это давно было. Ещё на старой войне. Мирным сказали, что их отвезут из оккупированного города. Они поверили и пришли. Семьями. С детьми. А там овраг, и в нём ещё рвы раскопали. Громко играла музыка. Вальсы, польки — так, чтобы не слышно было криков и выстрелов. Людям велели оставить все вещи, лечь в ров лицом вниз шеренгами — и расстреливали. Много-много людей. А потом прямо на трупы укладывали новых. А для детей — особый ров,

отдельный. Кто кричал, тех били прикладами по голове, затаптывали каблуками сапог...

Сестра не слушает, она замерла и стоит, как будто превратилась в бронзовую девочку, только медленно-медленно водит карандашом по стене. Она рисует мёртвую кошку. Когда в соседний дом прилетело на второй этаж, то разворотило балкон, а внизу, у скамеек, лежало большое, бесформенное тело человека. Сложно было понять, мужчина это или женщина. Тело увезли и не заметили, что прямо на клумбе, посреди махровых астр, ещё одно — кошачье. Маленький рыжий кошачий труп — из-под него вытекла небольшая лужица чёрной крови. И некому было убрать. Мы с пацанами зарыли эту кошку только вечером, прямо на этой клумбе. Видимо, сестра запомнила и теперь рисует.

Я смотрю на часы, фосфорные стрелки мерцают в сумраке. Мама уже должна приехать. Но её нет. Мне начинает казаться, что её тело лежит где-то у остановки, под искореженным профлистом, а рядом валяется велосипед с оторванным колесом. И мне становится сложно дышать. Так сложно, будто бы во всей прихожей вдруг закончился воздух. Но тут же шуршит в замке ключ.

— Я вам яблок привезла, — говорит мама.

Я вскакиваю, улыбаюсь и смотрю на рисунок под потолком. Нарисованная семья улыбается тоже. Сестра радостно смеется и перестает быть похожей на бронзовую девочку с киевского памятника.

Олисава Тугова

ДЕНЬ ПРОЖИТЫЙ

«На Пасху огонь был особенно плотный. Стрельба не прекращалась с обеих сторон...» Хорошая фраза для начала рассказа. Руководитель литературного объединения непременно сказал бы, что слишком пафосная. Надо бы записать. Правда, записать некуда. От яркого солнца на экране мобилы ничего не разглядеть, а тонкий походный блокнот в нагрудном кармане кителя совсем отсырел, да и карандашный огрызок я где-то потеряла.

— Вот и вот, — боец с позывным «Моцарт» тычет пальцем в посеченные стволы деревьев, срезанные ветки, подтверждая свою мысль про активный огонь на Пасху.

Мы совсем не похожи на героев моего руководителя литературного объединения. Герой его последнего романа решительно и красиво уезжает в ночном автобусе на Донбасс. А мы шаримся в окопах под Авдеевкой. На моих берцах застывшая, потрескавшаяся глина, штаны в серой земляной пыли. И башка люто чешется при одном воспоминании о горячей воде. Я лезу под каску и скребу всей пятернёй. До линии обороны укропов метров триста, и прилёты на тропе до блиндажа свистят регулярно — после минных разрывов на ярко-зелёной весенней траве остаются дымящиеся чёрные ямы.

— Воздух! — командует Моцарт, который топает впереди, и тут же технично складывается и перекатывается набок. Я так не умею, грузно падаю под хлопок разорвавшейся где-то слева мины, ударяюсь коленом, локтем и пару секунд смотрю на почти прозрачные от солнца стрелы травы, пронзающие небо.

Дальше по тропе до блиндажа мы сосредоточенно бежим.

— Польские миномёты у них появились, — уже на месте объясняет Моцарт, он складывает на земляном выступе крошечный шалаш из палок, разводит костерок, ставит рядом жестяную закопченную кружку, — у них выхлопа нет. Обычно — секунды две, чтобы сориентироваться: «вжух» и где-то долбанет, а эти — без предупреждения, мощные прилёты, хлёсткие.

Я отпыхиваюсь на дне окопа — бегать в броне не самое приятное занятие. Окопы знатные, глубокие, бетонированные, их взяли совсем недавно, немного подправили под себя. На бревно насажена каска-обманка. Калмык гладит облезлого и тощего кота-шпротика. Кот от людского внимания тарыхтит, как БТР. Интересно, окопные коты и к укропам также приходят, а те их гладят и подкармливают тушенкой? Если буду писать рассказ, то по литературным канонам Калмык в систему персонажей не вписывается. Сюжет не двигает, тему не раскрывает. Зато он приехал на передовую делать репортаж, потому что настоящий военкор, не то, что я — безвестная и безымянная. «Твоя проблема в том, что ты слишком любишь своих персонажей», — говорил руководитель литстудии. И поэтому я сейчас внимательно смотрю, как Калмык гладит кота, чтобы непременно об этом написать. Сколько раз этот военкор уже мотался через границу, чтобы привезти такую нужную для добровольцев снарягу...

— Эй, Буковка, тебе тридцать семь. Тебе давно пора дома сидеть и борщи варить, — говорит Моцарт.

— Борщи — это тема, — соглашаюсь я.

«Буковка» — мой несуразный, слишком длинный позывной, в эфире он сливается в Букашку, Буку, Кафку...

— Когда укропы в плен сдавались, их борщом кормили, пирожками, аж зло берет. Нас не кормят, — продолжает свою мысль Моцарт. Он весь какой-то породистый, точеный, ладный, как офицер из советских фильмов. И тут же разъясняет:

— Да я всё понимаю, зачем это, — чтобы они в плен пошустрее сдавались. Но всё равно зло берёт.

Подошедший Старый поправляет ремень автомата, прикуривает у костерка согнутую дугой сигарету, вздыхает:

— Ночью за двухсотыми на поле пойдем, месяц уж лежат. Не по-людски это.

— Наши? — интересуется Калмык.

— И наши, и не наши, — отвечает Старый. У него на макушке свернутая по краям валиком шапка-плевков. Как у Змея из сериала «Спецназ».

— Кто за нас воюет, тот и наш, — поясняет Моцарт.

— Да мы и укропов выносим. В мешки складываем и выносим. Была договоренность, чтобы телами обмениваться, но с их стороны не срослось что-то, — сетует Старый, — приходится закапывать...

— Тоже люди. Жалко, — проносится грустным эхом. — Там не только укропы. Итальянцы точняк есть и поляки.

— А мне свои руки жалко, — ворчит Моцарт. — Убиваешь их, убиваешь, ещё и закапывать.

— А у нас в Сирии так и было: ты убил, ты и закапываешь, — улыбка Старого похожа на гримасу, — там же жара, не закопаешь, к вечеру будет беда.

— Заминировано там? — спрашивает Калмык.

— Уже нет, наши сапёры сработали, — Моцарт отхлёбывает из чашки и прикрывает глаза. — Простреливается хорошо.

— Там ближе двух метров не подползти. Дух такой. Давно лежат, — развивает тему Старый.

Моцарт дергает плечом. Я чую, как подступает тошнота, хотя вокруг по-прежнему пахнет только землей, дымом и травой.

— Фиг знает, как их вынести, — размышляет Старый.

— Крючком зацепить за броник? — предлагает Моцарт и тут же сам себе мотает головой, тупанул.

— Ну и дотянешь только то, что в бронике застрянет, а остальное как по полю собирать? — хмыкает Старый.

— Да... что делать — поблюём, но своих забрать — это вопрос чести.

Они спокойно едят консерву, а я смотрю в глубокое, живое, кобальтового цвета небо. На днях на КПП рыдала женщина, мать одного из тех, кто лежит сейчас в том поле, она вцепилась тонкими крючковатыми пальцами в плечи Старого, и её легкие, пушистые седые волосы топорщились, как перья — она была похожа на птицу Сирин и кричала тоже по-птичьи:

— Почему ты живой, а он нет? Сдохни тоже! Сдохни!

— Она мать, — так подытожил потом Старый.

Я верчу между пальцами найденный в кармане алый обломок скорлупы крашеного пасхального яйца, щелчком отбрасываю его в фисташковую траву и думаю, что если я закончу так рассказ, то это будет, конечно, символично, но слишком нарочито. Мой сын тоже через пару лет пойдет в армию. И это страшно, но правильно. Это тоже вопрос чести. А моя жизнь вообще бессмысленна. У меня не получится даже написать нормальный рассказ об этом дне. Зато я могу его прожить.

Олисава Тугова

ПЯТЬ ЛЕПЕСТКОВ

— Пять лепестков! — девушка-сержант в тёмно-зелёной «горке» прикоснулась к цветку, обхватила всю гроздь рукой в тактической перчатке, притянула к носу. Донецкая сирень напилалась дождём, с неё срывались крупные, холодные капли.

— На, загадай желание и съешь, — отдала на раскрытой ладони пятилепестковую звездочку мальчишке-сержанту. Они курили одну сигарету на двоих у корпуса военного госпиталя в Петровском районе, ждали, когда выйдет дежурный и даст отмашку, чтобы можно было затаскивать внутрь разложенную на ступеньках гуманитарку: бутылки физраствора, бинты, салфетки, воду, сгущенку и что-то ещё, утрамбованное в картонные коробки.

Мальчишка следил, как девушка дышит дымом, как улыбается обветренными губами, как у неё появляется и исчезает ямочка на щеке. Взгляд то и дело привычно убегал вверх, в молочное небо, высматривал беспилотники и возвращался назад, к светлым девичьим локонам, выбившимся из причёски.

Прилетело куда-то совсем рядом, разнеслось протяжно и гулко. Оба вздрогнули, но не двинулись ближе ко входу, только посмотрели на навес крыльца, в дырах которого давно сквозили облака. Под навесом парень в чёрной футболке с белой буквой Z говорил громко и махал тонкой рукой, из второго рукава высовывалась толстая культяпка, обмотанная бинтами. Караульный слушал, скрестив руки под висящим на шее автоматом.

— И что, нам на завтрак стакан чая дали, на обед компот

дадут, на ужин чай — и всё. А воды нет, на свои её в магазине покупаем, а ты цены видел? Вообще ничё нет. Меня с передка привезли, одежду разрезали нафиг... Очнулся: ни мобилы, ни связи, ни денег. Ни одного номера наизусть не помню. Командир обещал родным сообщить, где я, да я уж второй месяц тут, а он всё не сообщил, верно...

— Эй, диктуй адрес, я напишу твоим, сегодня возвращаюсь на «Большую землю», — девушка достала из кармана блокнот, карандаш и повернулась, чтобы подойти поближе к раненому. У неё был шеврон с Чипом и Дейлом: «Слабоумие и отвага».

Потом они носили бутылки, упаковки, коробки. Мальчишка старался выбрать потяжелее. Девушка хватала, что придется. И пили в ординаторской чай с мятными пряниками, обнимали ладонями горячие кружки. Два маленьких сержанта. Они казались дежурному врачу братом и сестрой: тени под глазами, тонкие черты лица, у неё — медовые волосы, у него — медные.

Возвращались к машине весело, вдруг почувствовалось, что праздник — День Победы.

— Давно ты ездешь? Часто? — он смотрел и уже не мог отвлечься, даже для того, чтобы взглянуть в небо.

— С самого начала ездю. Когда могу, тогда и еду. Я так-то на оборонке служу, не всегда бывает время, — она улыбалась ямочками на щеках, — а ты откуда такой взялся?

— Да попросили тебе помочь разгрузиться. Я в распоряжении возвращаюсь. В отпуске был. В Забайкалье, — он ёжился от дождливой прохлады.

— Ого! Как же тебя сюда занесло?

— У меня два брата погибли. И я не мог не пойти... — во дворах зашлась лаем собачья стая и визгливо заматерилась женщина. Бездомные и свихнувшиеся от обстрелов собаки часто нападали на людей.

— А родители?

— Да... Тяжело им, понятно. Я приехал к ним, а на родной улице со мной некоторые соседи даже здороваться не хотят, говорят «оккупант проклятый».

— Мне тоже такое говорили, — она прищурилась и стала похожа на лисицу, — а я отвечаю, типа, да, я оккупант, бойтесь меня, суки, ходите теперь и оглядывайтесь. И бояться ведь. Пусть бояться.

— А у меня всё подразделение погибло, только два трехсотых, да я остались, — мальчишка не ожидал, что так легко произнесется то, что не мог сказать даже родным, — и я такой злой был, мне всё равно было, хоть теперь к вагнерам, хоть куда, только бы мочить укропов побыстрее и туда, где погромче...

— Давай шевронами поменяемся, — всё-таки она была немножко пониже ростом.

— Давай, — согласился мальчишка и принялся отрывать свой, снайперский. Шеврон прилепился намертво. Тогда он снял всю куртку и накинул на девушку, получилось, будто бы обнял, — забирай сразу все. На память. И чтобы не замерзла.

— Правда что-то похолодало, — она шмыгнула носом и не торопилась вылезать из объятий. Пришлѣпнула ему на кепку «Слабоумие и отвагу».

Они стояли у машины и смотрели друг на друга. Забыли про войну, прилѣты, «оккупантов», госпиталь, про «птичек» и про стаю собак.

У мальчишки вспотели руки и быстро-быстро забилося сердце:

— Можно я тебя поцелую?

Она хихикнула и наклонила голову набок. От нее пахло табаком, железом и почему-то сиренью. Они чуть прикоснулись сухими губами. На поцелуй она отвечала осторожно, напряженно и неумело, и это было хорошо, потому что он тоже, оказывается, не умел. На них из окон смотрели раненые.

— Ты же уезжаешь прямо сейчас?

— Да. И тебе тоже ведь надо в распорягу.

— Подбросишь до остановки в центре?

— А давай по городу покатаемся. Праздник же, — она

достала с заднего сиденья красное знамя и вручила мальчишке, — садись, высуни в окно и держи.

Машина завелась не сразу, но гнала бодро. Полотнище пламенело и трепыхалось, пластиковое древко гнулось и выворачивалось из рук. Встречные машины сигналили. Мальчишка подумал, что если по ним наведутся и прилетит по капоту, то вспыхнет моментально и они не успеют выскочить и сгорят, но всё же никто в Донецке не пристёгивается, надеются — а вдруг. А он даже хотел, чтобы вот сейчас прилетело — и тогда они умерли бы вместе. Потому что ничего другого вместе сделать у них не получится.

Когда он вышел на остановке, то долго смотрел вслед её машине. А потом включил гимн России и высоко поднял руку с телефоном. На него неодобрительно и даже злобно поглядывали люди. Но мальчишка-сержант не отпустил руку, пока гимн не доиграл до конца.

Александр Савченко

ЧП МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Терлеев выбивался из этой компании. Не только по возрасту. Ему после ранения разрешили навестить семью в Ставропольском крае. Срок отдыха закончился. В военкомате подсказали, как лучше добраться до своей части, поэтому прибыл в Ростов, чтобы отчалить с очередной партией мобилизованных. Как рассчитывал — не получилось.

Практически весь народ укатил два дня назад на поезде. Теперь приходится трястись в автобусе среди случайной компании. «Всякой твари по паре», — определил с усмешкой Терлеев. Из-за какого-то хмыря, оказавшегося «пятисотым», долго проваландались возле лазарета. Другой болел больше недели, наконец, приволок справку, что стал здоровым. Ещё один вернулся с похорон отца, вроде уважительная причина. У двоих никак не могли найти нужные документы для отправки. Даже попался гаврик, которого задержала местная полиция, поддал после встречи с молодой женой и вляпался в совершенно случайную драку. Трое суток питался баландой в камере, кое-как после вмешательства военкома парня выпустили на все четыре стороны. Он и здесь, в автобусе выглядел орлом. Украшал солдата крупный нос, залатанный лейкопластырем.

С места выехали поздно. Возле окна оказался парень лет двадцати пяти. Как сел, так сразу закрыл глаза — задремал. Впереди сидел старлей Ткаченко с намечающимся просветом в середине макушки головы — он сопровождал последнюю группу пополнения до места назначения.

Когда садились, Терлеев, проходя мимо офицера, спросил: — В Каменск-Шахтинском остановимся?

Старшой с гонором отмахнулся:

— Это не рейсовый автобус. Где надо, там и остановимся...

Терлеев понял, что человеку уже обрыдло сопровождать таких хлопцев до линии фронта. А сейчас мало ли что у него за душой. Может, ребёнок заболел, может, от роду ревнивый. Сидит и думает, с кем дома баба его...

Неожиданно тот, что сидел у окошка, открыл веки и, повернувшись вполоборота, осветил Терлеева ясным взором:

— А я Глазырин. То есть Володя. Давайте познакомимся. Может быть, придётся еще вместе служить...

Терлеев не особо собирался вступать в дорожный разговор. Кроме того, в курганской «Авроре» не просто укачивало, а тянуло в настоящий сон. Какие могут быть тут разговоры... Но ответил, как можно приветливо, даже дружелюбно:

— Конечно. Мало ль чего..., — и протянул широкую пятерню соседу, — Терлеев. Валентин.

Разговорились. Словами обменивались сначала вяло, вроде как ни о чем, но вскоре образовался диалог.

— Я тебя по говору уловил, ты парень сибирский... — заметил Терлеев.

— Это как?

— У вас там настоящий русский язык. Поверь, как старому любителю филологии. К тому же много покатал по стране.

Помолчал. Потом продолжил:

— Вообще-то, хорошо, что так на Руси повелось. Люди живут за тыщи километров друг от друга. А случайно встретились, разговорились и полная яснота... Ты думаешь, что все китайцы понимают друг дружку? Сильно ошибаешься. Выручают иероглифы... Правда, не всех, а только того, кто в них знает толк.

По-прежнему впереди клонил голову старлей Ткаченко. Наверно, ничто в этот момент не напрягало его мозги. Человек понимал, что у него сволочная работа сопровождать очередную партию мобилизованных до места постоянной

службы. А это, может, до самой линии фронта. Поэтому и на этот раз Луганск будет только промежуточным пунктом, а мотать дорогу надо будет ещё много часов... И дорога там: один километр за десять здешних...

— Вы, Валентин, тоже первый раз? — поинтересовался Глазырин.

Терлеев коснулся пальцами уголков губ:

— Володя, с этой секунды никаких «вы». Я тебе не министр обороны, и ты не в моем подчинении.

— Понял, товарищ генерал!

— Вот это другое дело!

Старлей Ткаченко, посапывая и не оборачиваясь, подал голос:

— Не надоело буробить? Дайте хоть минутку прикорнуть...

Слова старшего понизили градус разговора. Терлеев тихо:

— То, что из Сибири, уловил. А, конкретней, с каких мест?

Глазырин еще тише:

— Из Кузни. Слышал? Кузнецкий бассейн, в смысле угольный. Окончил библиотечарский техникум. Работал в главном заведении Новокузнецка. Библиотека имени самого Николая Васильевича Гоголя. Дошёл почти до главного библиотечаря отдела. Вроде при деле был, а большой радости не имел.

— Как так?

— Двумя словами не выскажешь, а травить целую речь нет смысла. Ты сам знаешь, кто и что читает теперь. У нас в отделе на полмиллиона жителей города, знаешь, сколько читательских формуляров? Отвечу: с гулькин нос. Остальное добываем собственными костылями. Знания и прочую информацию разносим в формате, нетрадиционном для былых времен. Ходим по учебным заведениям, в дома престарелых, к металлургам, шахтёрам. Сеем вечное и доброе на местах... А книги — хоть и источник знаний, но больше это «энзэ» на случай, если крякнет мировая компьютерная паутина.

— Как оказался на тропе войны?

— Как только услышал о мобилизации — сходу в военкомат: «кто последний?» А мне мужик из окошечка, будто из амбразуры «покажи повестку!». Я ему: «больше ничего другого показывать не надо?» Разобиделся чудак, от глубины своих чувств стал меня игнорировать, я его тоже, естественно, в ответ. Хорошо, мимо проходил какой-то майор, влез в наши дрызги. Когда понял, что я не шучу, к тому же оттянул в армии положенный срок, дал распоряжение разобраться со мной...

— Ты молодец, Володя. К тому ж, вижу, парень идейный. У меня было похоже, но чуточку другой коленкор.

Терлеев рассказал, как в начале операции у него в станице объявили набор контрактников. С лучшим корефаном подал заявление на службу в армии.

— Тогда с нами здорово не чикались. Да и мы не зажимались. Себя и других торопили. Думали даже, что не успеем пострелять. Помнишь, как наши взяли быка за рога. Киев, Харьков и далее по списку. Шороху десантура навела. Короче, вскоре оказался в учебке. Туда прибывали парни от двадцати до тридцати пяти лет. Все позитивные. Не помню, сколько нас было, но сплошь бывшие дембеля. Были и такие, кто раньше служил по контракту по пять-семь лет.

Терлеев замолчал, потрогал «отсидевшее» колено. Глазырин поправил шторку, у которой от долгого движения автобуса появился просвет. Ткаченко строго предупредил, что открывать шторки категорически нельзя, тем более, глазеть на мир через окна.

— А у меня, как у всех, — поддержал разговор Глазырин. — Заявление, значит, и отправка в центр военной подготовки под Омск, там большой полигон. Знания вдалбливали по полной программе. Сначала отдельно стрелки, миномётчики, пулемётчики, гранатомётчики, даже снайперы были. Чтоб автоматизм выработать. Потом из нас подразделения складывали. Друг дружке знания передавали. Знаешь, как здорово! Условия для службы хорошие и кормили

прилично. К нам даже батюшка из храма приезжал. Кто некрещёный — он его покрестил. Кто хотел причаститься — и это к твоим услугам, священнослужитель причащал прямо на полигоне. В конце обучения офицеры сказали: «Ребята, всё хорошо, вот вам контракты, расписывайтесь». Нам раздали коробки, туда положили военные билеты, контракты и другие бумажки. Мобилы вернули, их в самом начале у всех отбирали. Я матери сразу позвонил. Так, мол, и так. А кому ещё?

Мой земляк решил разузнать у командира роты, будет ли доставлено домой для нормальных похорон его тело в случае гибели. Капитан начал было отшучиваться, а потом красиво ответил: «Желаю тебе, рядовой Рахманов, долгих лет жизни!» То есть он прекрасно понимал, что ответственность за добровольцев несут воинские части. А задача учебки конкретная — собрать нас, подготовить и отправить в часть.

Терлееву тоже захотелось высказаться. Сосед ему казался всё более симпатичным. Видать, пожил на свете, кое-чего нюхнул, соплей на кулак успел намотать. Такому не грех довериться.

— У нас было похоже, но чуток по-другому. Одинаково и не могло быть. Бросилось только в глаза, что наставников маловато. Старослужащего теперь днём с огнём не найдешь. Рулил у нас огневой подготовкой один майор. Очень взрослый мужчина, бывший спецназовец, подтянутый, высокий, статный и фамилия выпуклая — Светловодов. Со стороны будто офисный сотрудник или бизнесмен какой. Но за его плечами два военных конфликта и на тельняшке куча наград. Короче, прошаренный мужик. Он нам даже показывал видео, как себя надо вести. Мы слушали с открытым ртом — до такой степени было интересно. Доносил правильные вещи.

«То, что, — говорил, — забудете или не так поймете, будет стоить вашей жизни». Таких людей, Володя, мало на свете.

Снова ехали молча. Кто-то в середине их ряда травил анекдоты. Когда доходило до искренней ржачки, старлей Ткаченко, не открывая век, слёзно требовал:

— Ну, дайте хоть досмотреть нормальный сон. Чего ржёте, как жеребцы?

Голоса весельчаков утихали. Но ненадолго. А Ткаченко сладко всхрапывал, словно сто лет не спал, а тут выдался неожиданный момент отвести душу.

— Где служил, Валентин? В Донбассе?

— Не. Направили меня в стрелковую часть недалеко от Херсона. У меня, кстати, мечта была такая — попасть туда, я тебе об этом отдельно расскажу. Город на самом Днепре — а у него приток есть под названием Ингулец. В общем речка не сильно широкая, но, как выяснилось, рыбная, и раки в ней, по крайней мере, водятся. Наши ребята их «пауком» брали, из приманки одна макуха. Что у нас кроме хлеба может быть?

Когда впервые добрались до места дислокации, время, помню, катило к ночи. Я выпрыгнул с кузова автомобиля. И, скажу так: просто офигел, увидев, где я оказался. Дичайшая темень, местность обесточена, лязг гусениц, взрывы, выстрелы. Это всё совсем близко, слышно, как будто у соседа этажом выше перекрытие взрывают. Мужики с фонариками шарятся, ругаются, просят водителей не зажигать фары! Беспилотники и летальные аппараты врага могли в это время летать, засечь нашу суету. А там «пряник» или «птичка» прилетит... Ну и, сам понимаешь, крышка...

Как только мы появились, местные пацаны конкретно предупредили: «Ребят, та сторона стабильно начинает стрелять с пяти вечера». На второй день решил сам проверить. Точно, начинают, как по часикам. Сначала в семнадцать двадцать, потом в девятнадцать двадцать. А ночью, бывало, без всякого графика — накладывают, накидывают, накидывают. То там жажнет, то с другой стороны. Для первого раза все, правда, обошлось. Зато сна лишили заразы. На следующую ночь попали под настоящий обстрел. Но все целы остались. Некоторые ребяташки, признаюсь, не выдержали напряжения, стали искать причины умотать обратно. Про таких там говорили, мол, «запятисотилась»

братва.

— Ну а сам-то как акклиматизировался? Остались впечатления?

— Теперь задним умом соображаю, что, когда оказался в районе боевых действий, ничего сверхъестественного не произошло. Это у всех так. Особенно, если нормальный коллектив и у тебя хорошее начальство — тогда сложностей быть не должно. У нас было своё обеспечение, горячая кухня. Когда кухня не срабатывала, выдавали сухпайки. Ещё баня полевая. Короче, можно было жить — не тужить. Моментов, о которых мог сказать, что это мой второй день рождения, не помню. Всегда был уверен, что у меня всё будет хорошо. Я морально устойчивый человек. Но страх накапывал часто. Страшно бывает каждому человеку. Если кто-то тебе скажет, что ничего не боится, то, точно, соврёт...

Глазырин слушал, впитывая каждое слово своего нового знакомого. Значит, и ему придётся пережить все то, о чём поведал Валентин. Спросил Терлеева:

— Внутреннее напряжение растёт, накапливается. А в такой ситуации, тем более. Усталость в какое-то время появляется. Что в результате?

— Одной фразой отделаться не могу. Все складывается из мелочей. Условия, по крайней мере, для войны были терпимыми. Чтобы спать, я имел спальный мешок, в рюкзаке теплая одежда, сменное бельё. Так что было ни холодно, ни голодно. Через три дня мы уже привыкли ко многому. А через неделю даже первородный страх стал пропадать, в том числе и у «пятисотых». Часто приходилось спать прямо на земле. Кучей в палатках до крайности опасно. У бойцов была пенка и коврики утеплённые — как коврик для йоги, только специально для нашего брата. На Ингульце пришлось крепко задержаться. Укры повадились на нашем участке проводить разведку боем. Мы, естественно, обламывали им ласты по полной программе. Но приказа наступать не было. Поэтому почти все отделения соорудили себе «бунгала» — блиндажи

для размещения личного состава. Так месяц, второй, третий.

Тяжко было смотреть, как стоит вдоль дорог наша побитая техника. Это уже были не шуточки, не раскрашенная бутафория на учениях.

Однажды снаряд разорвался в десяти метрах. В такие моменты начинаешь думать не о себе, а о родных. Я — о матери в первую очередь. Как она переживёт мою гибель...

Терлеев долго смотрел себе под ноги, будто что-то там потерял и теперь разыскивает глазами.

— Однажды нас срочно перебросили в другое место. На той же стороне Днепра, но расположились мы почти у самого Антоновского моста. Помню, готовились к атаке. И вдруг начался обстрел наших позиций. опередил нас враг на минутку. Это, Володя, всегда очень плохо! Такого, чтоб тебя опередили, допускать никак нельзя! Снаряд разорвался близко... Многих тогда посеколо осколками, а двое наших и вовсе погибли. Я отчего-то присел на корточки и не сразу сообразил, что ранен. Дошло, когда из рукава кровь хлынула ручьём. Оперативно помог мне боец с роты, разрезал ткань, вколол промедол, наложил жгут.

Буквально через несколько минут появились ребята из санбата. Меня и ещё троих быстренько из опасной зоны эвакуировали в первичный пункт помощи. Часа через три вообще увезли из зоны боевых действий. Сознание я, когда ранило, не терял, да и боли практически не чувствовал. Позже прилетела вертушка и забрала раненых в госпиталь. Снова посидел Терлеев, сжав скулы, как бы выискивая в памяти самое главное.

— Врачи сказали, что я потерял много крови. Определили у меня осколочное ранение мягких тканей правого плеча, частично задета кость. Такое у них считается легким, но у меня начались всякие осложнения. Даже собрался консилиум решать: не отнять ли мне руку. А оно мне надо?

Сначала лечили в Питере в хорошем госпитале, потом в Ставрополь поехал долечиваться. Короче, меня ладненько

нацбатовцы уцепили. Вот, видишь?

Терлеев задрал правый рукав. Глазырин увидел длинный бугристый рубец в розовой окантовке, тянувшийся вдоль всего предплечья.

— Мне стало лучше, и я, наконец, позвонил матери. Она взяла трубку и не сразу могла слово выговорить, не знала, что я в госпитале, почти совсем рядом. Было слышно, как она сильно переживает. Я ей сказал, что немного поскользнулся и упал. Она очень обрадовалась. А потом всё равно отказалась верить. Настаивала, что я обманываю ее. Хотела, чтобы признался, что нахожусь в плену или лежу без ног. Велела позвонить ей по видео. Но этого не получилось. Вскоре я добрался до дома, отправили, значит, в отпуск ровно на восемнадцать дней.

Все были рады, когда я приехал. Мать встречала меня со слезами. Обнимала, целовала. Даже с истерикой — и слёзы, и радость. Девушка моя тоже плакала. Долго не хотела отпускать от себя, ходила везде со мной, как привязанная. Куда я — туда и она. Призналась, что до этого начала уже уверовать, будто я погиб или бросил её... Вот такой жизненный оборот, Володя.

В своем длинном рассказе, похожем на исповедь, Терлеев рассказал, что почти всё своё время проводил с родными и с подругой, но тайно ждал, что в назначенный срок будет новая отправка. Только об этом никому ни единого слова.

— На новости в интернете сознательно не натыкался. И телевизор не смотрел. Знал, если придет время, все новости узнаю от источников. В наши дни интернет, я тебе доложу — зло.

— Ты искренне хотел вернуться туда? Все ж-таки не Сочи...

Терлеев знал, что имел в виду Глазырин под словом «туда». Туда, значит, в район проведения СВО. А для него — на передовую. Поэтому ответил просто:

— И не только из-за обещания, которое дал товарищам, да и

не потому, что хотел получить адреналин. Привыкаешь быстро ко всему. Я к войне привык, стал считать её образом жизни... В России, когда приехал на излечение, даже порой страшнее было — тишина пугала. Я, понимаешь, в каждом порыве туда снова стремился, потому что люди там настоящие. Там человека, которого ты знаешь совсем недолго, можешь назвать настоящим другом. А это для меня очень важно.

И опять долго смотрел в выбранную им точку на носке своего берца.

— Еду помогать пацанам. Нашим пацанам. Они там с начала спецоперации. Многие устали. Но долг есть долг. И еще меня, Володя, грызет давняя печалька...

Терлеев глубоко вздохнул и начал излагать то, что его сильно мучило.

— Для кого-то это, может, смешная лирика, а для меня почти дело жизни... Понимаешь, в Херсоне у матери родители похоронены. Мои дед с бабушкой лежат на Камышанском кладбище, есть там такое. Мать, как окончила институт, так и оторвалась от родителей. Потом замуж вышла, позже я родился... Дед мой великим человеком был, орденосный ветеран войны, кавалер двух орденов Славы, лично расписался на рейхстаге. С бабушкой в конце войны познакомился. Она родом из-под Херсона, есть там местечко такое Голая Пристань, местные зовут Гопри. Долго не мог запомнить это названьице, а потом уловил, что когда-то Ленин с Горьким встречались на Капри, а моя бабуля родилась в Гопри. Я пацанёнком каждый год в Херсоне с весны до поздней осени обитал. Дед-механик на текстильном комбинате всю жизнь отбарабанил, хорошая у них квартира на Черноморской была... А в конце девяностых сначала бабушка скончалась, потом дед ушёл в одночасье. Я всю сознательную жизнь мечтал побывать на их могиле. Осознаю долг свой. Почти рядом уже оказался, когда у Антоновки стояли... Да всё вышло не так... Вот и тянет меня скрытая сила в ту самую сторону. Уверен, Володя, что положу еще цветок на дедову могилу,

когда Херсон будет наш... Сильно уверен!

Движок автобуса гудел ровно, мягко шуршали, касаясь асфальта, новые японские шины. Терлеев отошёл от своих воспоминаний.

— Не знаю, почему, но стал не таким эмоциональным, как раньше, больше рассудительности и хладнокровия появилось. Понял, что к смерти в боевых условиях надо относиться философски — другого выбора у тебя просто нету. И всё-таки лучший исход — это додавить врага и самому остаться живым... Вот такие дела, Володя.

Глазырин смахнул со щеки невидимую пылинку. Он долго молчал. За это время даже ярко представил боевого деда своего нового друга — седой крепкий старик с косым рядом разных орденов и медалей на пиджаке.

Терлеев тоже ехал молча, с закрытыми глазами. Наконец, Глазырин нарушил молчание:

— В голову пришли стихи Нади Дубровской. Моя землячка из Кемерово. Нравятся её тексты. Пишет актуально для сегодняшнего дня. Вот, например, такое... Одно из последних.

Парикмахер чёрной краской
Красил волосы войны.
Думал он, что всё прекрасно
И не видно седины.
Но застыла капля боли
И все тени невпопад.
А земля в своей юдоли,
Как Малевича квадрат.

— Как тебе?

— Понимаешь, прошлось по телу, даже замурашило. Продолжаю думать... На передке и в самом деле у тебя перед глазами только один квадрат черной земли...

Терлеев молча достал из кармана брюк мобилу. Хотел было набрать чей-то адрес, но раздумал. Сунул телефон на место.

Повернулся к Глазырину.

— Эта штука в наш век — опасная игрушка. Хотя и на кнопках, но не баян. Когда ты её включаешь, то прямо в неё может прилететь птичка, понимаешь, какая... Поэтому сотовыми там пользоваться строго запрещено. Опасно не только для твоего здоровья, но и для здоровья твоих товарищей. Доберусь до места и в рюкзак его на самое дно... До радостной минуты.

— Ты до сих пор, вижу, рядовой?

— Тянул у себя во взводе на сержанта. Уже приготовил на погонах место под лычки, — криво усмехнулся. — Шутка, понимаешь. А тут это, в смысле, ранение. Но я не о лычках жалею. Жалко, что пацанам в трудную минуту не помог, подвёл всех... Наверняка, кого-то из них уже нет...

Снова поехали молча. Только иногда всхрапывал старший лейтенант Ткаченко, откинувшись темечком на мягкий подголовник. Перед Каменск-Шахтинским вроде как очнулся.

— Товарищи солдаты, останавливаемся ровно на сорок минут. Обед заказан на каждого. Прошу за расчётное время справить свои личные дела! — и снова откинулся ровно до того места, где притормозил автобус.

По-быстрому отобедали в кафешке, расположенной на стыке двух невзрачных улиц.

Солдат, из-за которого задержались возле госпиталя, сыто поглаживал впалый живот.

— Н-да, жаль! Это последняя наша халява, — посмотрел на соседа с недоуменным взглядом и добавил, — имеется в виду гражданская пицца... И чепок, товарищи бойцы, останется для вас легким воспоминанием.

Большинство знало, что «чепок» — это обычная солдатская кафешка на территории воинской части, а «заправка», например, — ларёк за пределами территории. Люди по части покушать здесь были в какой-то мере бывалые, сполна хлебнувшие солдатской каши.

... В Луганск прибыли почти в семь вечера. Ткаченко

побежал оформлять документы. Через несколько минут вернулся злой-презлой. Не обращая ни к кому конкретно, отвел душу:

— Ну блин, порядки! Уже позабыли, что такое война! Через час только доставят кладовщика. Загрузимся и дальше. К темноте будем на месте. Иначе куковать здесь до самого утра...

Напоследок сплюнул и нематерно ругнулся:

— Безголовые!

— Товарищ старший лейтенант! — из заднего ряда обратил на себя внимание парень с рыжими усиками. — Мы вообще-то сегодня до места доберёмся? Или будем спать в автобусе?

— Рядовой... Как тебя?

— Пёрышкин.

— Рядовой Пёрышкин, ты должен знать, где находишься. Здесь спят, где придётся... Люли у тебя теперь долго не будет. Вот так, пехота!

Глазырин про себя слабо улыбнулся, ещё во времена, когда он тянул солдатскую ляжку, так называли обычную кровать для спанья. Поспать — вообще постоянная мечта служивого человека. Не зря столько слов и выражений связано у солдат с этим святым делом: отбиться, вырубиться, задохнуть и даже придавить массу...

Часа через полтора появился долгожданный прапорщик. Вылез из помятой легковушки. Осветил приезжих улыбчивым взором.

— Чё так рано севодня? Додумались бы еще прикатить в час ночи. Дело, конешно, важное делаете. Но и, надо понимать, я при хозяйстве один нынче. Мой напарник доброволкой на передок подался... Короче, забирайте товар, только побыстрей.

Старлей дал команду своим хлопцам вытаскивать ящики с патронами, строго предупредил:

— Очень и очень осторожно! Тут вам не турецкие помидоры!

Спросил у прапорщика, указывая взглядом на груз:

— С собой можно взять? Малость не успеваем. На месте разберёмся...

— Нее... Теперь упаковка у нас на учёте, — показал лукавые глаза, потом вроде как подумал, добавил, — я тебя помню. Половину забирай целиком, а другую пускай ребятишки укладывают в магазины. Ящики на обратном пути забросишь.

Ткаченко дал команду, автобус прошел через охраняемые ворота, подъехал к обшарпанному кирпичному зданию.

Терлеев сообразил, что упускать момент нельзя. Протолкнулся с автоматом вперёд, попутно шепнул Глазырину:

— Тащи свои рожки. Здесь с открытым ртом ходить не положено. Фронт рядышком, Володя.

Сам тем временем пробился к двум патронным ящикам, которые солдаты вынесли и положили на бетонный парапет. Ткаченко не терпелось побыстрее отвалить и ехать дальше. Терлеев глянул в его сторону:

— Значит, эти можно всковыривать?

— Давай! — порубил ладошкой Ткаченко. Только побыстрому! Знаешь, как?

Терлеев отработанным движением рук откинул крышку ближайшего ящика. Крикнул носатому парню, разглядывающему маркировку на другом ящике:

— Чё стоим? Делай, как я!

Парень начал повторять движения Терлеева.

Под крышкой каждого ящика находилась пара герметически закрытых коробок — цинков, в которых в свою очередь были уложены картонные коробки, в каждой по двадцать патронов.

— Теперь, кто забыл, совершаем следующий манёвр. Внимательно и осторожно, — Терлеев потянул конец белой ленты, предназначенной для удобного извлечения цинков. — И еще, ребят, заряжаем магазины «маслятами»

вот таким макаром.

Он взял магазин в левую руку таким образом, чтобы его выпуклая сторона оказалась направленной в сторону от тела. Четырьмя пальцами плотно прижал рожок к ладони, одновременно большой палец расположил так, чтобы он свободно перемещался над магазином. Понятное дело, его дальнейшая роль — проталкивать патроны на свое место. Правая рука хватко брала патроны и по очереди надставляла их над магазином. Пока большой палец пихал патрон в магазин, правая рука уже летела за следующим «маслёнком».

— Намного удобней и экономит время.

Глазырин тоже раскупоривал картонные пачки и набивал патронами свои магазины. Ткаченко, широко разведя руки, потянулся. Ему нравилось, как умело орудует с боеприпасами рядовой Терлеев. Троица говорливых солдат, те, что ехали в самом задку автобуса, отошла подальше, решила покурить. Прапорщик оказался зорким, по-хозяйски прикрикнул:

— Чё, мужики, совсем оборзели? В школе не учились или близорукие? По-русски ж написано, что здесь смолить запрещено!

Парни, сминая в ладошках сигаретки, посрамлённо попытались отхлынуть в сторону КПП. Но Ткаченко знал своё дело, всем троим дал команду занести два ящика с патронами в автобус. Водитель, увидев деревянные ящики, в сердцах заметил:

— Опять мусор возить по стране? Не иначе, как кто-то на дерьме сливки снимает! — и плюнул себе под ноги.

Когда все оказались внутри автобуса, Ткаченко неожиданно нахмурился и приказал всем надеть бронежилеты и каски.

— Товарищ старший лейтенант, жарко же! — пробурчал парень с подбитым носом, — и так вспотели...

— Разговорчики прекратить! — оборвал Ткаченко, — вы на войне, а не у Проньки за столом! Помните: только мёртвые не потеют!..

Выехали, наконец, на главную дорогу. Через десяток

километров стало ясно, что начинается по-настоящему прифронтовая зона. Дорога во многих местах покрыта свежими латками из асфальта. Но не вся. Отдельные выбоины и царапины от осколков снарядов дорожники не успели заделать. По «встречке» в основном шёл порожняк. Промелькнуло несколько «скорых», пронесся «Икарус», натужно гудели грузовики с зачехлёнными кузовами. Обогнала заляпанная грязью иномарка с нарисованной буквой «Z». Позади маячили две легковушки и «шишарик» — ГАЗ-66. Начинало смеркаться. Встречные фары заметно убавлялись. Проскочили одно селенье, потом другое, третье. Глазырину они показались похожими на разграбленные садовые участки, которые на склоне горы возле Новокузнецка стояли до начала нулевых. В стороне остался городок с редкими огнями в окнах. Дорога обогнула разбитый вдрызг посёлок — будто по нему прошёлся великан с огромным плугом, всё перепахано снарядами.

Километров через восемьдесят водитель повернул голову к Ткаченку:

— Идём прямо или сократим пару десятков километров?

— А сам как думаешь? — насторожился Ткаченко.

— Мне думать не положено. Не по моему окладу. Главное, чтобы поскорее отсюда убраться.

— Ну, тогда смотри.

Ещё проехали километров пятнадцать. Остановились у развилки. На обочине главной дороги стоял знак, обозначающий примыкание второстепенной дороги справа. Возле него торчал мятый щит с намалёванным объявлением. Водитель остановил автобус, вылез, закурил и пошёл почитать текст на оранжевом листе. Не успел он приблизиться к обочине, как между ним и передком автобуса громыхнул взрыв. Огромное лобовое стекло, иссечённое осколками железа, брызнуло внутрь автобуса.

Ткаченко выхватил у сидящего рядом солдата автомат, бросился к двери:

— Все из автобуса! Оружие, патроны с собой! К бою!

С левой стороны дороги послышалась приближающаяся стрельба. Терлеев ухватил одной рукой свой рюкзак, другой — руку Глазырина:

— Граник бьёт! Скатываемся в кювет!

Глазырин не сразу уловил, что произошло. Но догадался, что речь идёт о стрельбе из гранатомета. И почувствовал, что это уже не игрище, а настоящая война. Выпрыгивая из распахнутого проёма, успел заметить, как на земле, широко раскинув руки и запрокинув голову, бездвижно распластался старший лейтенант Ткаченко. В доли секунд Глазырин зафиксировал, что из шеи старлея, чуть выше плеча, прерывистыми толчками выбивается кровь... Случай, когда помогать совсем бесполезно.

— Все, ложись! — крича изо всех сил, дал команду Терлеев, он понял, что теперь тут за старшего.

Кто-то мгновенно припал к земле, кто-то ещё выскакивал из автобуса и старался убежать дальше от места начавшегося боя. Парень из тех, что пытались покурить возле складских помещений, прижимая к телу пустой автомат, низко пригнувшись, побежал влево.

Глазырин не знал, что делать дальше. Над ним, взвизгивая, проносились не разгневанные осы, а боевые пули, внутри каждой находилась туго спрессованная смерть. Он лежал на земле, чуть приподняв голову. Потом торопливо вытащил из патронной сумки три магазина, запихал их за ворот куртки под бронежилетом. Металлические углы готовых к бою рожков больно вдавились в тело. Но Глазырин не обращал на это внимание. Рядом часто и с хрипотцой дышал Терлеев.

— «Дээргэ», Володя. Диверсионно-разведывательная группа укров. Не меньше, как человек семь-десять. Сейчас начнут зажимать нас. Я ухожу подальше вправо, чтобы псы не обошли нас с фланга. А ты, — он обратился к большеносому парню, — ползёшь за мной. Только без палева! Иначе мамка увидит тебя потом только на фотке.

Глазырин вдруг почувствовал особую ответственность в этом первом для него бою. Понял, что другого выхода нет, тут ни за кого не спрячешься, ни у кого не попросишь совета...

— Володя, попробуй удержать оборону на этом рубеже, — тараторил Терлеев, словно прощался, одновременно пытаюсь скрыть свой взгляд. — Надо продержаться не более получаса. Понял? У них на нас большего времени нет. Надеюсь, кто-то из тех, что шурует позади нас, уже сообщил, куда надо...

Терлеев по-кошачьи пополз вдоль насыпи, напарник — за ним, стараясь не обнаружить свое перемещение. Глазырин заметил, что в нескольких метрах от него из-под полотна дороги выпирает железобетонный оголовок водопропускного канала. Подобрался к нему вплотную и увидел, что сюда укры могут свободно проникнуть с той стороны.

«А зачем ждать гадов?» — подумал он и решил действовать на опережение. Осмотрел оголовок и убедился, что по узкому тоннелю можно не только проползти, но и, низко пригнувшись, одолеть весь путь.

Глазырин посмотрел в глубину подземного перехода. Где-то далеко на другой стороне дороги маячило мутное пятно. «Метров пятнадцать» — определил Глазырин, представив ширину проезжей части. Прислушался. С той стороны по-другому, более глухо, слышались приближающиеся редкие выстрелы. Дых... дых...

— Ты что, туда? — спросил с некоторым страхом в голосе парень в очках с металлической оправой. Он угадал намерения Глазырина.

— Ухожу на ту сторону. Теперь ты остаёшься за старшего. Понял?

— Так точно! Буду за старшего!

— Тут, друг, по факту получается два стрелковых отделения. Почти взвод. Обязаны не допустить, чтобы вас повязали голыми руками. Не сбивайтесь в кучу. Растянитесь цепью по всему фронту. Ты лично наблюдай за этим проходом. Если буду возвращаться, запомни мой пароль «Кузня». Если

не отвечу или назову другой, стреляй без промедленья. Усёк?

И Глазырин полез, низко сгибая ноги в коленках. Когда оказался на противоположной обочине дороги, отметил, что одиночные выстрелы из автоматов не прекращаются. Более того, даже усиливаются, значит, приближаются и, казалось, раздаются почти рядом.

«Вот гады... Наступают, экономя боеприпас» — отметил Глазырин.

Неожиданно его охватила глубокая, безысходная одиночность. На этой стороне дороги опереться было совсем не на кого. Мелькнула мысль, что он — Глазырин — приближается к последним минутам своей жизни. В какой-то миг вражеская пуля отыщет в нем слабое место. Не поможет ни каска, ни «броник». И все. В черном полиэтиленовом мешке свезут его этой же ночью до ближайшего морга, а там путь в Сибирь — «двухсотым» в багажном отделении попутного самолета...

Но тут Глазырин как бы стряхнул с себя тяжесть сволочных мыслей, костяшками пальцев протер глаза, поправил сбитую на глаза каску, внимательно осмотрелся. До него дошло, что он находится под защитой — на дне водоспускной канавы, которая тянется сюда откуда-то сверху. Лежать удобно, но ждать, что появится кто-то сверху и прикончит одним выстрелом, Глазырин не мог. Нахлынувший до этого страх и мысли о смерти внезапно отступили.

Почему-то вспомнился боец Александр Матросов — человек из совершенно другой эпохи. Тот парень-точно так же вышел на верную смерть, не надеясь на чью-то подмогу и команду. Знал своё дело и целенаправленно шел вперед до последнего своего вздоха. Глазырин понял, что проклятая «дээрэгэшка» — это дот на его личном счету, и он, во что бы то ни стало, обязан выйти на него и уничтожить. Ни второго, ни третьего не дано.

Глазырин почувствовал накатившуюся волну мести за старлея Ткаченка, захлебнувшегося в собственной крови,

и за недокурившего сигарету водителя автобуса в камуфляжной форме.

Автоматные выстрелы приблизились вплотную. Только приподними голову — и увидишь скребущегося к дороге противника. Глазырина даже передёрнуло от мысли, что бандеровцы уже сумели обойти его, и кто-то из них хозяйничает в подбитом автобусе. Нет, такого оборота его ребята допустить не могли!

И в это мгновение левее, почти рядом с краем сточной канавы раздался взрыв, жахнуло намного сильнее, чем был хлопок на дороге возле автобуса. Глазырин еще плохо отличал взрыв пушечного снаряда от взрыва мины, но понимал, что в эту минуту никакое орудие не могло прийти ему на помощь. Значит, рванула мина. До него долетели мелкие комки земли и грунтовой гальки — они противно ударили по каске, бронежилету на спине и по икрам ног. Вскоре в свежем полевом воздухе докатился кисло-приторный запах тротила от взорвавшегося снаряда.

И вдруг почти перед собой он услышал голос. Глазырин замер. Но не от страха перед чужими людьми, а от того, какое слово произнёс тот голос.

— Вовчик, осторожней!

Всё перемешалось в душе Глазырина. Когда из темноты кто-то назвал его Вовчиком, он чуть не ответил: «Я всё делаю, как надо». Но Глазырин вовремя сумел разобрать последующие слова:

— Тут натканы мины. Слыхал, как Мыкола полёг на одной из них?..

Теперь он понял, что перед ним настоящий враг. Через несколько мгновений обозначился не только силуэт головы приближающегося человека, но и докатилось его тяжёлое дыхание. Кто-то полз навстречу ему.

Глазырин понимал: сейчас его обнаружат. Он машинально прилип скулой к металлической рамке приклада. Целиться бесполезно. Мушка на конце ствола утопала в сгустившейся

темноте.

Из глубины ложбины, видимо, тот самый Вовчик подал скрипучий голос. Глазырин разобрал и эти слова. «Как там у тебя, Корень?»

Вместо ответа Корень, вероятно, тоже прицелил глаз возле своего автомата, стараясь разглядеть, что это темнеет в нескольких шагах впереди него. Стрелять Корень не мог, обнаруживать себя раньше времени было не с руки. У русни за дорогой могли быть ручные гранаты. Не хотелось нарываться на дурацкую смерть, как это произошло с Мыколой. Корень был обязан уничтожить всех, кто скрывался сейчас возле москальского автобуса...

В это время, не доезжая до места, где разгорался бой, с одной стороны — от Луганска, с другой — со стороны фронта скапливался транспорт. Видно было, как на расстоянии каких-то двух сотен метров прибывали одиночные машины, останавливались и мгновенно тушили фары. Но там, наверняка, не было никакой силы, которая могла бы помочь, вступив в завязавшуюся перестрелку. Это понимали приблизившиеся почти к самой дороге диверсанты. У них был свой расчет — за оставшиеся несколько минут уничтожить представляющий интерес транспорт, забрать ценные вещи, документы, вооружение и отступить в недостижимые места.

Глазырин старался угадать план наступающего врага. Он слился с землей и с автоматом. И краем уха уловил короткий звук, похожий на металлический щелчок, а, может, это был просто хруст сухой ветки. Глазырин медленно потянул на себя указательный палец, лежавший на курке. Он даже не осознал, что нажал на спусковой крючок.

Казалось, прошла вечность, как он безотчётливо поливал и поливал перед собой тёмное пространство пулями. И очнулся только тогда, когда понял, что у автомата опустел магазин. А ведь не прошло и одной минуты. Глазырин боялся, что не успеет перезарядить оружие, дрожащая рука нащупывала, но никак не могла ухватить новый магазин из тех,

что находились у его груди. Еле успев вставить новую обойму, безрассудно кинулся в сторону, где находились бандеровцы. И неожиданно увидел, как безжизненно замер, заломив руку, Корень. Его автомат лежал на земле, а голова в каске уперлась в деревянный приклад. Метрах в трёх за Корнем, раскорячившись, сидел парень по имени Вовчик. Его лицо скрывала чёрная балаклава с тисненой челюстью человеческого черепа. Вовчик обхватил руками низ живота. При появлении Глазырина попытался поднять руки — мол, сдаюсь. На обеих кистях и на рукавах были видны черные пятна крови.

— Не добивай, братишка! — простонал Вовчик писклявым голосом.

А недалеко справа, в сторону убегающих к лесу, но отстреливающих на ходу людей, летел заячьим скоком Терлеев. Он орал, охваченный радостью, словно больной, вырвавшийся из психлечебницы.

— За Родину! За Сталина! — кричал обезумевшим голосом Терлеев. — Бьем и гоним сучьё поганое до самого Берлина! Урр-ра!

Вслед за Терлеевым вприпрыжку бежал его большеносый напарник и тоже выкрикивал «ура, ура!», притормаживал, стрелял короткой очередью вслед убегающим диверсантам и снова с диким криком летел, стараясь не отстать от Терлеева.

Глазырин остановился. Понял, что дальше соваться некуда, более того, опасно. В эту минуту он увидел, как, рассекая возникшую напряжённость, со стороны фронта к их автобусу подкатила «бэха» — боевая машина пехоты. Из неё выскочили солдаты и в темпе перемахнули на эту сторону дороги. Глазырин даже не сообразил, как быстро первые из них оказались возле него.

— Ты чей? — спросил худой скуластый лейтенант, когда увидел возле ног Глазырина двух поверженных диверсантов.

— Я наш! Мы наши, товарищ лейтенант! — то ли от радости, то ли от неожиданности выпалил невпопад

Глазырин и, поняв свою оплошку, добавил. — Рядовой Глазырин, направляюсь из учебки к месту будущей службы!

— Молодец Глазырин! Считаю, что службу уже начал. Хорошая обкатка, — и уже своему подразделению, — стоп, ребята, теперь они рассеются. Наверняка, в лесу расставили растяжки. С утра сапёры займутся этим районом.

Подошёл, прихрамывая, Терлеев.

Увидев его, лейтенант вскинул брови:

— А тебя какой леший занёс в эти края? Ты ж вроде как по ранению...

— Вроде как да. Только пришёл срок возвращаться к своим ребятам. Как там, товарищ лейтенант, наши пацаны? Все целы?

— Задавай вопросы по моему званию. Я тебе не генерал Конашенков. Доберёшься — узнаешь из самых первых источников.

Постоял, подумал, добавил:

— Ваших парней сейчас наш транспорт заберёт, а у нас на «бумере» найдётся три свободных места. Не возражаете прокатиться?

Терлеев с теплотой посмотрел на Глазырина, потом глянул на носатого напарника с лейкопластырем на переносице и вроде как приказал ему:

— Гена, ты тоже поедешь с нами!

Вышли на дорогу. В кузове грузовика лежали тела Ткаченка, водителя автобуса и ещё двух солдат, которых ни Терлеев, ни Глазырин не знали. Старшего лейтенанта положили у самого борта. Лицо его было неестественно белым, веки плотно сомкнуты. Зато в губах появилось странное выражение, похожее на улыбку. Казалось, старлей был рад, что теперь у него никто на свете не перебьёт его долгий сон.

Женщина в форме сержанта медслужбы перевязывала ногу парня с рыжеватыми усиками. Попутно приговаривала:

— Потерпи, миленький! Потерпи! Скажи боженьке

спасибо, что так отделался. Через неделю забудешь, в какую ножку ранило.

— А что делать с патронами в ящиках? — раздался чей-то знакомый голос.

— Этот товар, считайте, мы экспроприировали! — заявил лейтенант с «бэхи». — Зарубин, организуй мероприятие!

Мимо в двух направлениях пошли редкие потоки машин. Протарахтел невесть откуда оказавшийся в этих краях строительный кран. Торопливо проскочили отставшие от «Авроры» машинёшки во главе с забрызганным вдрызг «шишариком». Водители и редкие пассажиры пялились через стекло — хотели получше разглядеть, какой сыр-бор здесь только что разгорелся.

Все спешили по своим делам. Из-за дурацкой стрельбы и заварухи им несколько минут пришлось проторчать на перекрытой дороге.

Наталья Литвиненко

НАЧАЛО ВСЕГО

... Что такое мир? Я вам расскажу, что такое мир...

Российская таможня. Возле самого здания, где стоят проходящие автобусы для всяких манипуляций над ними, носятся ласточки. Мимо людей, между автобусов. К дождю? Зря я зонтик выложила? Да нет. Дело в том, что там установлен относительно низкий навес, и под ним прилеплена тьма-тьмущая ласточкиных гнезд, совсем низко. Рукой не достать, но можно смотреть фактически в упор. Я и смотрела, уронив челюсть.

Как же жаль, что нельзя заснимать на таможне! Уже стоим на выходе из здания, уже собираемся на автобус, вижу — на фонарном столбе сидит шото. Шото сидит гордо. Орел? Беркут? Привлекаю внимание других, кто поглазастее.

— Да ворона.

Да какая ж ворона, оно крупное. Мужик говорит:

— Дятел.

Не сразу в голове щелкнуло, что шутка. Начинаю лихорадочно перебирать варианты — как дятел? Желна? Дятел так не сидит!

— Да ворона, — опять же утверждает мужик.

Отшутилась:

— Сразу видно, что ворона на таможне работает, основательно так сидит.

Но там не только ласточки и орланообразная ворона, которая не дятел, не пугливые. Еще не подъехали к таможне, стоим, немного ждем. Смотрю в окно. О, трясогузка? Нет, цвета воробья, светлее и, кажется, с хохолком. Не боится — ну не больше боится, чем наши трясогузки. Деркачик?

Посмотрю в инете.

Степь, ввиду ее приграничного состояния, и давнего — непуганая, заповедная, и птица выходит к человеку. Синантропные птицы вон вообще — только что шапки с туристов не сбивают и гнезда в них не делают.

... А между двух границ, среди колючей проволоки — небольшой монумент со звездой, белым покрашенный, еще советского времени.

Хочешь мира — помни войну.

Мы въезжали в Россию, ерзая и волнуясь, 21 июня — накануне 22 июня...

80-летия начала войны.

Июль, 4, 2014

Неделю назад, вечером, на площади перед ОГА (Областная государственная Администрация) звучали жалобные крики. Голубенок, слеток — мы выросли, но мы хотим кушать и перелетаем за мамой от подоконника к подоконнику Белого дома, не особо считаясь со званием и должностью сидящих в кабинетах деятелей. Пока мама снесла яйца, высидела, выкормила его где-то там, на дальних высотах — три раза взяли ОГА, произошло баррикадное бутербродное сидение, началась война... А мама всё сидела, а потом кормила.

И вот теперь оно за ней бегают, игнорируя как историчность и необычность момента, так и положение «прынца Белого дома».

Просто бегают, перелетает и орет.

Апрель, 7, 2014

Про донецкую весну.

У нас вчера революция победила. К двенадцати на площади Ленина собралось где-то двадцать пять тысяч человек, часа два-два с половиной помитинговали (выступало много ветеранов силовых служб, вообще людей военных), сожгли чучело Таруты. Потом традиционно пошли посмотреть

на ОГА. Потом парни его внезапно взяли (внезапно для рядового митингующего) — отобрали щиты и пару шлемов у милиции, потом отдали.

Было заметно, что этот штурм, в отличие от двух предыдущих, готовился тщательно. Почти сразу привезли микроавтобус с портретом Сталина, покрышки, потом мешки с песком, потом опять покрышки. Витренковцы¹ оперативно развернули озвучку. Собрали денег и сходили толпой, купили еду. Мужики по очереди сгоняли по домам, переоделись и поели, и вернулись дежурить. Люди понадевали маски на лица.

Сейчас вроде бы милиция учит ребят ходить со щитами.

Губаревцы² с утра пораньше сходили — взяли СБУ. Это уже... или третий, или четвертый раз.

Была в перерыв на ОГА. Людей — море, флаги, хорошее настроение, плюс погодка поёт, и тепло. Слушала советский гимн — ну в конце-то концов услышала мелодию, под которую хочется стоять прямо, и которая волнует. После него жажнули Интернационал — революция же, без него никак.

Объявили независимость Донецкой республики.

На ступенях баррикады, обвитые колочей проволокой. Вынесены стулья, на них сидят, еще какие-то подушки и что ни попадя разложено по парапетам, и тоже сидят люди.

Хорошо!

С БЛАГОВЕЩЕНИЕМ, ДОНЕЦК!

Дальше должны быть только хорошие новости.

¹ Витренковцы — от фамилии Витренко Н.М., главы Прогрессивной Социалистической Партии Украины (2014 г.).

² Губаревцы — от фамилии Губарева П.Ю., политического деятеля, одного из самопровозглашённых лидеров ДНР в 2014 г., «народного губернатора» Донецкой области.

Про ночь с 15 на 16 апреля 2014

Инет — зло. Начиталась всякого про Краматорск и Славянск, решила, что без меня никак, рванула на ОГА — выяснять, будет ли автобус ополченцев на Славянск. В конце концов оказалась внутри — так поняла, что будет. Рванула домой, в спешке собрала рюкзак и переоделась. У меня в доме и так особого порядка не наблюдается, плюс ввиду всех военно-политических событий времени хоть минимально имущество раскидать нет — но тут я превзошла саму себя и оперативно устроила в спальне полный разгром. Потом, уже утром, слегка разгрехала... Да, масштабный труд меня ожидает после нашей победы. Попугайчик уехал к соседям, кошек было обещано кормить. Рванула обратно к ОГА. Восемь-полдевятого вечера: народу на улице — море. Подходя, встретила Крестный ход: от пятидесяти человек, а то и все сто; шла до нужной дорожки вместе с ним. Выяснилось, что автобуса то ли не будет, то ли уехал без меня. Учитывая мою исключительную боеспособность и женский пол — неудивительно. Осталась дежурить: сначала было разместили на седьмом, потом переселили вниз на первый. Там ночь и провела.

Кроме меня, ещё одна девушка. Народ опытный, не первый день дежурит — по неделе. Слева от двери, на расстоянии ступеньки, на них навалена небольшая баррикада из мебели. Перед ней сложена одежда, пожертвованная гражданами. Там периодически кто-то что-то ищет. Баррикада отделяет как бы маленькую комнату, это и есть расположение небольшого отряда, который буду считать своим. У стены — одеяла, на них народ размещается спать-отдыхать. Стоят два или три банкомата стайкой, нерабочих, вокруг кресла, стол, стулья, огнетушитель даже, лежит-висит снаряга: каски, дубьё, броник. Бивуак гусар летучих...

С вечера обсуждали вопрос о том, трудно ли брать медведя на рогатину — комплекция некоторых мужиков располагает к таким обсуждениям. Что с нас взять, с москалей — сразу про

медведей. Один из них (из мужиков, не из медведей) участвовал в операции «Анадырь»³ — отца моего не вспомнил, знаком не был.

У лестницы на верхние этажи — медицинский пост с лекарствами. Спросила у них что-то от пропавшего голоса, взяла «Лизак» — спасибо неизвестному кому-то, кто его принес! Большой телеэкран — слушаем по 112 каналу, какие мы сепаратисты и как нас уже победили. На стене — портретик Януковича, на нем шарфик с символикой ПР⁴ — похоже на икону, покрытую рушником. Висит большой флаг губаревцев, по бокам советские плакаты. Вообще, по стенам много чего навешано уже в холле — распечатки, листовки, сканы.

Сооружен ужин — бутерброды в ассортименте, рыба, кофе. Одноразовые чашки-ложки. «Кто последним встанет из-за стола, тот и убирает». На самом деле переточили пищу только к утру. Периодически забредает какое-нить огорченной тело: нету ли зарядки к такой-то марке телефона? И её или нет, или она внезапно есть. Потом следует ответный визит — зарядку-то отдайте

Чем ближе находишься к месту событий, тем менее волнительно и менее страшно: народ в ОГА исполнен спокойного оптимизма и здорового пофигизма. Три часа ночи: работает телевизор, народ бродит, кушает и треплется, на входе регулировщики грамотно разводят людей — вход и выход по очереди. Народу с дубьём и трубчатым боевым металлоломом в холле толпится много, мебель представляет собой некоторую защиту, входящих обыскивают и смотрят в сумки.

Около пяти-полшестого уже из динамиков гремит «Русский

³ Операция «Анадырь» — кодовое название операции по тайной доставке ядерного вооружения на Кубу, что привело к противостоянию СССР и США, едва не завершившегося войной.

⁴ ПР — украинская политическая сила, партия регионов.

марш». Бедные жители окрестных домов — если можете, простите нас! Звуки с улицы внутри слышно плохо. Кто спит, кто бдит; выяснилось, что в кресле дремать неудобно. Камрад⁵ чинно следует бриться-умыться, потом начинает уборку в нашем углу расположения. В мешок уходят тарелки, объедки и пакеты из-под семечек.

По улице мимо палаток медиков ползет мусоробирательная машина со щетками — ей освобождают дорогу: поднимают переноску или какую-то длинную белую веревку. На столике в красной палатке уже лежат газеты.

Мыслила выйти во вторую смену — получила по шее от начальника.

Попугайчик вернулся из непродолжительной эмиграции.

Июль, 7, 2014

Первые похороны донецкого страйкбола.

«Вчера в районе Луганска (по моим данным, с местом могу ошибаться) попал в засаду и был расстрелян боевиками правого сектора наш боевой товарищ Кортес, вечная память тебе Костик пусть земля тебе будет пухом», — пишут мужики. «Вчера» в этом тексте — это 4 июля. Похоронили 6-го.

Поминайте Константина (в страйке «Кортес»). Вспоминаются ежегодные «вьетнамские» игры.

Август, 24, 2015. 22:11:00

Человечность.

Не раз и не два видела в поселке поилки для животных. Около ДК на Смолянке, под магазином, ещё где-то. Рядом с расположением тоже есть своя общепоселковая собака — сама подливаю воду в такую поилку. «Цыганцыганцыганцыган, на».

И вот какое соображение выскажу. Начну издалека. Еще задолго до войны в кругу моего общения была мысль о том,

⁵ Камрад — обращение, то же, что товарищ.

что ЧТО-ТО будет — вскоре или потом, но будет. Каждый готовился в меру своего разумения и возможностей. В сетке читались выживальщические сайты, их советы учитывались. Накупите консервов, почините зубы, учитесь стрелять — желательно с левой и правой изготовки. В квартире, дома, стоит угольный самовар с трубой, угольный утюг и т.п. как памятник того периода в моей жизни.

И вот постапокалипсис настал...

Нет, меня все-таки Бог помиловал: зимовка у печки, дрова и уголь, есть довольствие, относительно редки обстрелы (не бубухалки постоянные, а именно по нам прилеты). Кто-то в городе вообще жил как жил, с центральным отоплением. Вот когда зимой в Углегорске люди сидели по холодным подвалам без еды — вот это был постапокалипсис! Но там советы выживальщиков вряд ли помогли бы. Там выживать без проблем, наверно, только некий лютый спецназовец бы смог, а не бабулька под тремя одеялами.

Из рукопашки пригождается только умение падать. Из страйка и рекона⁶ — форма, я в ней и сейчас хожу. Привезла из дома штаны «на партизана» на Великую Отечественную, любовно подобранные и купленные в Инете, и партизанила в них всю зиму. Навык работы автоматом с двух рук парни, вышедшие живыми из-под Ямполья, а до того сидевшие в Славянске, откровенно высмеяли. Добро пожаловать в реальный мир... Великое знание о том, как правильно штурмовать лестницу снизу, подчерпнутое из Инет-роликов, не пригодилось. Как и знание о штурме лестницы сверху.

Вообще все эти советы не учитывают такого просто реала, как обстрелы. Накупил ты правильной еды, фонариков на солнечных батарейках и т.п. и сидишь на сундуке сокровищ... И тут прилетает снаряд — и все твои запасы идут прахом и дымом. Хорошо, если сам жив. И зубы опять наверняка чинить придется.

⁶ Рекон — реконструкторство или что-то, с ним связанное.

Со здоровьем вообще творились чудеса. Я, хронический гайморитчик, постоянно замерзая, порой в мокрых носках сутками — за всю зиму не заболела ни разу. Уже ближе к весне посвистела носом... Зубы болели, до крика — выключались только по молитве. Но выключались, я свидетельствую.

В целом, все оказалось так и не так. Возможно, у каждой горячей точки или даже местности свое лицо... Так что не надейтесь только на чужой опыт — все будет так, да не так.

Но главное, чего я, собственно, разговорила и завела, перейдя с собак на выживальщиков, во многих книгах, на сайтах речь шла о том, что люди непременно озвереют. Почитайте того же «Мародера» Беркема, классическую книгу этой темы. Вроде и события в Новом Орлеане на то намекали...

Они ошиблись.

Мы остались людьми.

Об этом каждая бродячая собака в поселке знает.

...Возвращение? Ты ушёл в ополчение в одной стране, пришёл в другую и теперь осторожно разбираешься с бытом. Супермаркет — большой, яркий, громкая музыка, и... и я забыла, какие полки в каком порядке. Забыла, где искать. Обрато привыкаешь к продуктам...

Вообще, много чего забыла после ополчения. Стою на антикварной барахолке и смотрю на портсигары — там Илья Муромец с богатырями и т.п. и не могу вспомнить, какого они временного периода! Реально! Потом уже вспомнила, что послевоенные.

...Продолжила разгрести зал в квартире, начала спальню. Наведу порядок, вернусь домой...

Попробовала воду. Вода есть! В ванной только горячая, в кухне только холодная. Ааааа!

Я забыла, какие у меня были проблемы до войны! Подумала даже, что надо бы купить новые краны.

Газ не пробовала.

Вкрутила пробки — свет! В ванной зажегся, в зале.

И вот я вся в трудовом процессе, и тут мне позвонили, что сделали паспорт ДНР! Ура! В конце-то концов, подала 11-го декабря, сделали 27-го апреля. Ещё чуть-чуть и полгода...

Но тема же в том, что можно, получая паспорт ДНР, сразу подавать документы и на Россию! Все нужные бумажки уже получены, даже в целом сложены, нужна только справка о том, что я работаю вот там-то.

Забрасываю уборку! Звоню на работу, мне сбрасывают телефон отдела кадров, там девчонки обещают сделать справку, как только начальство придёт с планерки. Говорю им, что люблю все человечество и начинаю с них!

Рванула на работу за справкой и прочими документами, которые тоже лежат там. Хватаю все, чухаю в миграционку. Жду под дверью. Получаю свой паспорт!

Но тут заминка, уже с российским. Дело под вечер, и уже никто не хочет браться начинать сбор документов на российский. Одна сотрудница против, вторая...

Подала на российский третьей. Я фамилий не меняла, мужьями не обзавелась и т.п., папочка документов куцая. Забрали оные, выдали квитанцию на оплату — я хочу и загранич, ибо неизвестно, что и как пойдёт за эти пять лет. Мне сотрудница сказала, что позвонит после — ибо уже поздно, и заполнить все бумаги явно не успеваешь — чтобы я донесла ксерокопию свежего паспорта ДНР и оплаченную квитанцию.

Все.

Наружу выхожу только что не вприпляску.

Решила все-таки добить поставленные задачи в тот же день. Пошла платить наверх, в главное отделение банка. Там до четырёх... Вернулась сделать ксерокопию. Вернулась, потому что рядом с миграционкой есть лабаз, в котором «все для подающего документы»: фото можно сделать, купить папочки всякие и тут же поесть можно. Ксерокопиист там знает, как ксерить именно на паспорт России и знает все

требования. Сделала копию нового паспорта.

Про 30 апреля

Потом вниз, в миграционную службу — отдала им ксерокопии новенького паспорта и квитанции об оплате. Моё время еще не наступило, и женщина, которая данные обрабатывает, опять сказала, что меня вызовет.

Вечерню по ТВ смотрела.

По одному из каналов идет фильм про хоббитов. Как в ту ночь на Пасху в 14-ом году, смотрели. Сейчас другой фильм, новая, снятая позже серия. Приквел про вора. Там есть такое место, где Беггинс вдруг сходит с дерева и идёт спасать главного гнома. Вот этот момент, вот это ощущение и музыка... То есть когда простой человек вдруг понимает, что кроме него некому. Не воин, не ...в общем, не подходит для военного дела, но... Или ты здесь и сейчас, или кроме тебя некому, больше никто и никогда. И идёт. Кому не все понятно про ополчение — смотрите этот отрывок до полного понимания.

Звонят про паспорт, внезапно. Приезжайте распишитесь, все такое. Сговорились, что после двух буду.

У них в паспортном вообще-то выходной, но, как я поняла, они как раз дорабатывают документы.

Что делали? Они мне распечатали какие-то бумажки, надо было проверять, все ли точно вписано, проверять паспортные данные. Реально цифири с двумя паспортами и свидетельством о рождении сверяла.

Дальше больше. Две бумажки нужно было написать от руки. Кажется, это называется декларации, но я не уверена. В первой надо было написать, что мой паспорт Украины просроченный и вклеить новую фоту нереально в связи с боевыми действиями. Во второй надо было написать, что я в паспорте Украины Наталия, а в свидетельстве и паспорте ДНР Наталья, и в паспорте России хочу быть Натальей. Перерисовывала по образцу, и прямо сотрудница мне

диктовала. Понятно, что такая ситуация не у всех, и не всем придётся такое писать. Кто-то будет писать что-то другое. Пишется, кстати, строго чёрной ручкой.

Не спешила, все делала внимательно, тыкала пальцем в каждую цифирь, никто и не торопил. Когда мне сказали: все, можете идти — даже какого-то восторга не испытала. Устала, наверное, с бумажками бороться. И они затурканные, усталые, несколько человек сразу ведут.

Про 18 июня

Решила выдвинуться за деньгами и заплатить коммунальные. Стою около банка. Очередь вроде большая, но рассуждаю, что не больше, чем на полчаса.

Позвонили про паспорт! Внезапно. Обратились по имени-отчеству, спрашивали фамилию, спросили дату рождения, я отвечаю — 75, она спрашивает — полностью, я отвечаю — 1975. Реально не сообразила, что полностью дату, с днем и месяцем. Стояла в банкомате, и вот...

Меня пригласили на 19-е, а у меня ж на 19-е два мероприятия, и меня категорически зовут на них, уже всё оговорено. Прошу, можно на следующей неделе? Нет, гряд, максимум в понедельник. Нормально — пусть понедельник, на 5.30 в Куйбышево. И тут же немедленно падает смс от миграционки, с инфой о том, куда, когда и на сколько.

Понедельник, 21 число. Усмотрела в этом знак — Михаила Архангела.

...И вот сижу за столом, на кухне, какой-то пустой... Вообще-то, я запасливая, и на той еде, которая всё ещё хранится в квартире, можно уверенно держать осаду от коварных марсиан несколько месяцев. Но я не могла найти сахар! Открываю банку — гречка, другую — гречка, там — пшёнка... Да что такое. Еле нашла.

Теперь не проспать бы.

...Понятно, что все сложено заранее — рюкзак, одежда... Долго бродила по дому, заснула около 12 ночи... Планировала — встану часа в три ночи, одеваться-собираться...и никакого кофе. Лучшее, чем себя искусственно бодрить, отоспаться в автобусе.

...Просыпаюсь, вижу рассвет, смотрю на часы — 4.30.

Ааааа!

Опаздываюууу!

Ну я плохонькое военнотружущее, но через 9 минут, больше/меньше, я уже и кеды надела.

Выскочила без минуты пять.

Народу относительно немного, но подьезжают, подходят, нас все больше и больше. Автобусы все время прирастают в числе — один, два... шесть...

На автобусах не написано, какой куда поедет — кроме одного, белого, небольшого, без признаков повышенной комфортности, но и не совсем уж древнего. Я комфортных автобусов боюсь — у них центр тяжести выше. А ну как гололед, поворот? Возле того белого и стала, и правильно сделала. Вдруг выдвинулась хрупкая барышня со списком, говорит: кто в Куйбышево, айда за мной.

Мы организованно набились внутрь и поехали.

Проехали Донецк, проехали Макеевку, потом степь, потом Зугрес... Потом довольно скоро — таможеня со стороны ДНР! Уже? Так близко? Так быстро?

Паспорта таможеннику подавать желательно раскрытыми на той странице, где лицо. Не спеша собрал паспорта, убыл. Водитель грит — не расслабляться, а то влезет впереди нас большой автобус, тогда беда. Главное — скорость!

Ждем-ждем-ждем... Раздали паспорта, поехали. Вскоре приехали на российскую сторону и, благословляемые ласточками, зашли в здание. В три потока у нас проверили паспорта. Сразу видно, что Россия — государство многонациональное: мой паспорт невозмутимо проверял

какой-то хлопец совершенно бурятского вида.

Стоим у рамки, ждем. Заходит водитель, кричит — проходите. Потом — стоять тут, никуда не выходить. Не курить! Стоим, считаем ворон, которые имеют вид беркута.

Переехали границу — сразу подал голос Водафон, пришла смс: драстуйте, вы в роуминге, и мы с вас в этом самом роуминге намерены содрать таких и таких денег. Нет, спасибо, кушай сам. Феникс сразу исчез.

Чуть проехали — начался какой-то населенный пункт. Не сразу дошло, что это, наверное, и есть Куйбышево.

Запомнился дворец культуры. Точнее, его фронтон — герб советский и что-то вокруг, и все это яркое и разрисованное.

Миграционка через дорогу. За решетку пропускают по одному, причем досматривают.

Ну и тут до меня очередь доходит. А у меня ж в сумке чего только нет! А у меня в рюкзаке чего только нет! А у меня по карманам чего только не натыкано! В правом — типа аптечка: жгут и бинт. В общем, много на меня времени ушло.

И кстати. Все ваши любимые тесаки и колбасорезы для нарезания противника на колбаса — оставьте дома. Не надо убеждать сотрудника миграционки, что топором вы просто бреетесь и вот забыли побриться с утра. Я понимаю, что некоторым это очень тяжело и необычно — быть вообще без ножа. Сама это ощущение помню — быть без оружия. Ну уж потерпите как-нибудь.

В общем, пропустили нас внутрь, в комнату ожидания, точнее, две комнаты. Зашел начальник их подразделения: кондиционер включен ли? Все ли хорошо? А вот ТВ — там ролики про то, как СНИЛС получать, как на Госуслугах в детский сад дитё записывать и т.п.

Дальше все идет вот так. Вызывает человека барышня, имея в руках вашу фамилию. Пройти вот туда. Вот там сотрудник в перчатках откатывает пальчики и дает посмотреть паспорт — все правильно? Нигде не ошиблись?

Потом проверенный вами паспорт вбивает в базу. Мой чуть не ошибся — чуть не вбил «НаталЮ». Я сколько с этой буквой намаялась. Поправил. На руках, спрашивает, примет, каких-то порезов нет? С интересом смотрю на свои руки — да нету вроде. Вот, двойная линия жизни на одной ладони есть. Но его это не заинтересовало. Еще надо было расписаться, на каком-то устройстве типа сканера — подпись отсканировать.

Перемещаемся в другой кабинет. Там барышня дает подписать, прочитать, проверить еще бумаги, карточки какие-то. И уже тогда вы в руки получаете ПАСПОРТ. В моем случае — два: обычный и загран. Но это еще не конец истории, и об этом потом.

А до росписей и прочтений между двух кабинетов надо подождать. И тут вдруг начальник их отряда меня зовет в свой кабинет, который там рядом, и в котором мы потом будем приносить присягу. Позвал меня как ополченца — я же в форме. Спрашивал. Рассказывала. Что это не форма такая у ополченцев, что мы в чем пришли, в том и были. Честно сказала, что в бой не ходила — тумбочка и забор, забор и тумбочка. Периметр охраняла, переформулировал он. В общем, оказали мне внезапную честь, это было очень приятно и смутительно.

Потом, когда набирается некоторое количество людей — надо идти на присягу! В тот самый кабинет, куда меня пригласили тогда. Там два флага Родины, герб, портрет Путина. Надо маски. Всем раздали присягу — крупными буквами написанную, чтобы и подслеповатый пенсионер мог прочесть. Выстроились у стенок. Читаем вместе с офицером и хором — так приносить присягу можно, если все согласны. Мы были согласны. Сначала говорим первую фразу, потом каждый называет фамилию-имя-отчество, потом дальше. Как будто мы подпольщики и приносим клятву бить гада-фашиста до последнего. Торжественно всё так.

И еще — начальник много говорил хороших слов,

утешительных, ободряющих, отвечал на вопросы. Говорил, что со всех частей России приехало триста, кажется, человек личного состава, которые и занимаются только миграционными делами, чтобы не грузить этой работой сотрудников, которые вот тут постоянно на местах.

В общем, нам дали понять, что мы тут в России, нужны, что нас ждут. Ощущение осталось приятное и окрыляющее — после огромного количества злых слов, которые доводилась слышать и читать по поводу. Спасибо им всем огромное!

Выходим за ворота. Сразу — садиться в автобус! Ни погулять, ни в магазин, ни за карточкой, не говоря уже про СНИЛС. Мои шикарные планы и мечты уверенно накрываются медным предметом, отчетливо напоминающим таз.

А флагом в повышенных чувствах помахать? А сфоткаться на память на фоне автобуса со скорченными зверскими рожами? Не-а. Мужики докурили — и в путь.

... А пока мы садились и отъезжали, причаливал огромный синий автобус повышенной комфортности. Я его по улице Фёдора Зайцева запомнила. Миграционщики за воротами предусмотрительно выставили два столика для досмотра.

... В степи носятся ласточки, которые российскую таможеню не прошли.

Опять проходим проверку паспортов. Таможенник аж привстал — ему из-за барьера не было видно смешного вояку.

И тут, еще до прохода таможенника, у нас произошло волнение и спор. У одних на 19-ой странице стоит печать и что-то интересное в ней написано, а у других нет! Карраул! Забыли поставить!

...Выяснилось: у тех, кому выдали загран — вот этот загран отметили в обычном паспорте. И всё. То есть, если такой печати нет, это не страшно. Это означает, что вам не выдавали загран, только и всего. И мы успокоились.

Едем обратно. То ли солнце включили по полной, то ли

автобус перегрелся, но ехать было трудно. Ехали в каком-то полусонном, а то и спящем состоянии.

И приехали мы на Фёдора Зайцева.

Ура.

Поползла я домой. Доложилась во дворе бабулям. Воды! Переодеться, помыться... Соседка увидела, пообщались, и я, наверное, имела бледный вид, ибо она немедленно угостила меня пюре с мясом и присыпкой.

Ещё восстанавливалась двумя мороженными... Так и заснула у телевизора, под канал «Культура» — там про какой-то замок рассказывали...

Даже утром было ощущение, что не я ехала, а на мне везли. Раньше в страйкбол бегала каждые выходные, а теперь просто поездка — и все, воин сдох. Надо срочно улучшать физуху.

Только доходит, что я теперь российская гражданка. За всем этим марафоном ожиданий, справок, документов, анкет, нервов и т.п. — как-то возвышенность ситуации уменьшилась. Теперь сижу и думаю: я получила гражданство. Это круто. Это интересно.

Про 14 июля 21-го

Главная новость — СНИЛС! Уже под вечер, под конец рабочего дня, открываю ящик, а там — заветная ссылка. Я, как поэт и просто барышня, восприняла событие очень эмоционально. Тут же перешла по ссылке, ввела цифры из паспорта... Сразу проходит следующая смс и т.п. Пароль придумала и... в целом как-то быстренько регистрацию завершила. Номер СНИЛСа записала на бумажечку, вложила в паспорт. Всё.

Подала 26 июня, получила 14 июля под вечер. Даже меньше 20 дней.

С работы пошла пешком. Ну, успокоиться чтоб.

В целом ощущение — уверенность и опора. Когда-то давно, в 14-ом году, наш телевизор уже начал ловить Россию 24, и это был единственный российский канал, там среди новостей вещали не то про наводнения, не то про пожары где-то на другом краю России. Помню, тогда думала: привыкай, это не где-то в чужой стране, это у тебя залило или загорелось. Мы за время независимости Украины как-то привыкли, что мы отдельно. Провели границу в голове, не ассоциируем себя с огромной страной на Востоке. И вот когда получила СНИЛС, я и почувствовала отсутствие этой границы. Почувствовала себя целым со страной. Ощутила опору у друзей-россиян.

Про 18 августа

Увожу из бывшего расположения, из сторожки, домой барахло.

Уехал эльфийский костюм.

Уехал афганский костюм на душмана — на следующий день после того, как талибы (организация, запрещённая в России) вошли в Кабул. Знакомый «афганец» печалится, вспоминает — там был, и там был, а в Кабуле и не был, из вертушки не выходили...

Уехали шерстяные плащи — они и на Афган, и на рекон Ирландию⁷. Единственно — и там, и там бахрома не нужна, но обрезать не хочется — потому что изначально это антикварные вещи.

Уехали частично платки, уехали как бы средневековые вещи.

Давно уехал Джон Сноу.

Ещё не уехало шитье — пошитая туника и непошитая лейне⁸.

⁷ То есть плащи годятся и на реконструкторство афганских душманов, и на реконструкторство жителей Ирландии 9-11 где-то столетий.

⁸ Средневековая горская шотландская рубаха.

Про 6 сентября — домой...

Легко переловила кошек и закинула их в две переноски. Кошки мяукают, кричат, волнуются.

Остаточное барахло распихали по багажникам двух легковушек. Не влез советский плакат о том, как личному составу ехать в вагоне, и посох Деда Мороза.

Торжественно выехали караваном. Камрад говорит: сначала тащи наверх кошек.

Выгрузились. Закинула наверх. Естественно, по закону подлости света в подъезде не было. Лифт не работал.

Ощущение? Какое-то волнение, беспокойство. Как будто ещё куда-то бежать надо.

Очень тяжело кошки перенесли перевозку. У Хвосты стресс.

Про 7 сентября

Из дома — на работу.

Днём коллеги меня ушатали позвонить мастерам — чинить холодильник.

Пришли. Покрутили аппарат так и эдак, залезли внутрь. Вердикт — релюха сгорела, её менять. Потом посмотреть, запустится ли, будет ли морозить. Если всё плохо — менять фреон и искать протечку. Придут завтра с деталюхой.

Как он, переезд в целом?

Особого чувства — вот кошмар, вот рубикон, вот новая жизнь! — его нет. Была уже так затуркана переездом, что ждала просто, когда всё это кончится. Устала очень.

Ну и вообще—не Оймякон же, Смолянка⁹! Не в Сочи же из Магадана переехала ... и не в Магадан из Сочи, не за все деньги мира, не полдня лететь или неделя в поезде. Чтoб типа у нас ещё чинно фотографировались у памятника Маргелову, а у них уже особо суровых граждан патрули вежливо вылавливали из фонтанов. 15 минут — и в гости.

⁹ Смолянка — микрорайон Донецка.

Никак не привыкну, что теперь можно ходить везде и всегда.

Всегда.

Можно, например, задержаться на работе — отправить стихи.

Пространство вокруг — надо освоить. Ну вроде ж я тут работала, тут ходила опять же на работу — в чём проблема? Нет, теперь надо выяснить, в каком магазине покупается хлеб, овощи и т.п. Мною покупается, каждодневно! Не в целом — есть там-то и там-то, а где я это буду покупать каждодневно.

И в магазин бегаем не через дорогу в чем попало из гаражей, «на минуточку», а надо одеться по-человечески и выйти. Целое мероприятие — выход за хлебом.

Пространство — это ещё и дом. Его надо обжить — не говоря уже о том, что вымыть. Где чего у меня будет лежать тут, вот тут и тут. Дезодорант тут, планшет тут.

Выяснила, что не хочу цветы на окнах опять разводить...

Пространство — оно же и время, и не путать с Эйнштейном. Нужно прошлый распорядок перенести на новое место, скорректировать. Когда вставать, в каком порядке всё делать.

Отвыкла! Как быстро на газу жарится! И погорела картошка. Похрустела тем, что получилось, и пожарила ещё, ибо не наелась.

Про 8 августа 2021

Ремонтники пришли, полезли, заменили. Дано ЦУ: вот они включают, и мне надо ждать, выключится ли. Если за четыре часа максимум не выключится, тогда ой, выключать и их звать. В хорошем случае — должен выключиться максимум через два с половиной часа.

И он выключился!

И включился, уже сильнее как-то.

Холодильник — работает.

Слава Богу.

Начинаем жить.

...Убрала с кровати великое множество перин, спать на них было невозможно. Не помню, когда сняла с руки намотанную молитву. Постепенно перестала спать обутой.

Про понедельник 1 февраля 2022-го

Пошла к врачу. Здорова, грю! Врач кричит: да сходите завтра тест на ковид сдайте, бесплатный, я вас выпишу.

На почту ходила по посылке, шутила и балагурила в очереди. Потом у камрада купила сетевую карту, простенькую, для моего антикварного компа.

Ещё купила у барышень-торговок всякое съестное.

Про 2 февраля

Перспективы были манящие. В четверг намечался один праздник на работе, в пятницу следующий.

В общем, без спешки с утраца отправилась я в больничку.

Иду на тест. Сесть вот там, в стороне от врача. Распечатывают какую-то фигню, потом в нос тоненькой оной лезут аж до носоглотки. Неприятно, но терпимо.

Сижу, говорю: теперь в коридор, 15 минут подождать?

Не надо, говорит врач. А что, грю, и так понятно, сразу?

Сразу, кричит врач.

У вас ковид.

Опа.

Ну вот не перепугалась, не зарыдала, удивилась скорее, заинтересовалась. Журналистский рефлекс — проверить на себе. Она мне даже показала на этой пластиночке тестовой две полоски красные, которые и означают. Одна потолще, другая потоньше. У неё навалом инструкции на тест лежали, которые к нему прилагаются, я одну на память взяла.

Нужно посидеть в коридоре. При попытке сесть рядом сразу честно говорила: у меня ковид, рядом не садитесь. Женщина на меня мгновенно наехала: что ж вы, мол, тут сидите?! Невиноватая, грю, я, только что выявили. Другая меня защищала. В общем, длинная лавочка, на одном конце я, на

другом — уже люди.

Отзвонилась там и сям — на работу. Сижу, думаю: а с кем я пересекалась вчера — им звонить? Да ещё и с почты звонят: вам посылка.

Ладно. Пришла врач. В кабинетике на первом этаже пообщались. Сатурацию померяла, послушала. Самоизоляция. Свободна.

Ну и как талончик металлический в гардероб отдать? Меня утешает гардеробщица: вот, я протру! Да я привитая!

А хорошо, что на мероприятия не пошла, и на прививку в понедельник, и к Русанову...

На почту-таки зашла, стояла в уголку. И до неё, и от неё шла огородами, ну то есть не напрямую через базар, а переулками.

...В принципе, к изоляции готова. Еды навалом — гречки, сечки, вермишели. Песок котский кончается — оставила денег соседям. Не уверена, что корма животине хватит.

Сказала соседке. Она вымыла коридор с хлоркой.

В тот же день, если не путают, заминировали, с кавычками или без, школу соседки-подростка.

Начала с того, что прочла акафист «Слава Богу за все» коленопреклоненно.

Про 7 февраля

Видела таракана! Давно их не видела.

Возвращаются постепенно...

Про 15 февраля

Была у врача. Кровь на другой день.

Что такое ковидное слабоумие — я вам расскажу. Нам получку, фиг знает, когда дали, надо денег забрать и начать бороться с ними, с тараканами. Денег надо снять 14000. Набираю: 14, два нуля. Мне на руки вываливается кусок и жменя пятидесяток... Стою думаю... В общем, со второй попытки сняла.

Бабульки сидят, солнце светит, грачи и голуби вместе

по двору гуляют.

Тихо, никто не уезжает, дороги уезжающими машинами не забиты, деньги есть — не пустой банкомат.

Песок покупала живности. Общались — вот, с той стороны знакомый звонит, они там волнуются... Решили мы, что фиг нас выкусят те, кто волнуется.

В общем, побродила после великого ковидного сидения много.

Про 18, пятницу

Я вышла на работу! Ура!

Дали аванс, внезапный, раньше, чем обычно. Шутим: это чтобы гулять на них, или чтобы было на что бежать?

У нас на одной из станций вроде бы готовят поезда для эвакуации женщин и детей в Россию. Сегодня планерка была, рассказывали.

Проверяли сирену в конце рабочего дня, долго выли. Днем бубухали. Вчера весомо бубухали. Бубухали — в смысле громко слышно в центре города.

Ощущение тревожное.

Решила, что-таки пора разгрузку купить. а то мою командиру отдала ещё в 14 году — так в нашем местном инет-магазине уже все закладки, что я купить собиралась, раскупили, и новых интересных не наблюдается. Народ выгреб всё.

Собиралась себе к 9-му мая гимнуху¹⁰ заказывать, так теперь держу эти пять тыщ и думаю пока помедлить, подождать. Реальность новой войны решительно мешает косплею¹¹ предыдущей.

¹⁰ Гимнуха — гимнастерка.

¹¹ Косплей — хобби, вид времяпровождения, состоящий в изображении героев фильмов, аниме, манги и пр., с пошивом соответствующих костюмов и в отыгрывании данных персонажей в различных контекстах.

В инете выложили выступление Пушилина тревожного содержимого.

Сирена вечером. Длинно, необычно длинно. Когда говорят, что будет проверка сирены — обычно короче.

Засиделась после работы. Когда вышли, решила с карточки вытащить все, если там что-то осталось.

Ощущение интересное. Окончилось время быта, началось время истории. Специфическое ощущение свободы. Вот было колесо, расписание, и вот оно потеряло смысл. Из колеса вышла вбок, прямо через стену.

Очередь в банкоматы большая. Ну-у-у, тут не поймешь, кстати, это по причине войны или авансы дали всем, а там вокруг бюджетников хватает, центр же города. Потом, в понедельник, выяснилось, что банкоматы-таки выгребли, в выходные было пусто.

В очереди встретила со знакомой, тоже ополченцем, бывшей в плену. Отлично провели время в очереди за воспоминаниями. Её муж отскакивал заправить автомобиль, но не срослось — очередун был огромный.

Бубух. Один. Странно. Потом выяснилось — машина на стоянке рванула. Я думала, что прямо возле нас.

На карточке нашла полторы тыщи. Сняла.

Пошла в лабаз. В первом республиканском — людей полтора человека, все есть. По традиции таких ситуаций — купила пять кг гречки и... к 23 числу. Мы ж договорились: кто-то приносит еду своего изготовления, а я, как криворукая, на салат продукты. Вот и пошла по списку.

Пришла домой, довольно поздно, около восьми. Соседка кричит: я тебя ждала; если б не пришла, пошла бы кормить котэ. Спасибо! Меня ждут... Хорошо-то как.

Про 19 число

На субботу были замечательные планы. В ДГМЦ должны были быть детские мероприятия — кукольный театр и мастер-класс; в «Крупской» намечался «Клуб любителей

фантастики». Потом должно было быть заседание в «Бариста» по поводу творчества Левитанского.

Да. Нас убивают, мы продолжаем танцевать.

Отзвонилась уточнить. В «Крупской» отменили заседание клуба фантастов ещё вчера. Переходим к реализму. Заседание поэтическое про Левитанского, которое в тот же день — пока нет. «Каждый выбирает по себе...» С трудом нашла телефон Русанова, спрашиваю: будет или не будет? А чего бы его отменять? — с благородным вызовом глаголет он. Чем меня немедленно возрадовал. Я среди своих, все такие хорошие...

Собираемся — выдвигаемся. Иду пешком.

И впритык прибегаю я в Баристу. Я там никогда не была, волнуясь. Нашла — стоят и курят товарищи спасатели и учёные на порожке.

Начали со стихов. Потом пошли барды. В общем, после часа или около того стихов пошёл стихийный концерт. Вдобавок у Горелика концерт отменили, и он тоже пришёл к нам. Он играл и сам, и вдвоём с Теркуловым.

Учитывая привлечённые и прибившиеся силы, концерт получился интересным и очень сильным. По порядку: Мулыгин, Горелик, Теркулов и... Кофман.

И Ревякина была. Вот наши люди, правильные: стало плохо тут — и она приехала из Москвы, чтобы быть со всеми. Не наоборот.

Уже около семи решила всё-таки пойти домой, хотя Горелик и ещё один замечательный бард как раз сели учинить что-то инструментальное.

— Я им всем говорю, что никуда не поеду — я в первом ряду, мне интересно, я хочу досмотреть до конца!

Это тов. Ревяков покурить выскочил за мной, уходящей. Его немедленно, как тут у нас все началось, «замучили» звонками хорошие люди из всех углов русского мира — что тут у вас? Едьте к нам пересидеть!

Киваю: закончилось время быта, началось время истории. Нет, грит: время бытия. Да, так лучше. Ну с ним про бытие

не поспоришь — он мастер по части категории бытия и периодически какие-то книжки выкладывает у себя в ВК на эту тему. Скачиваю, складываю... и когда-то прочту. Категория бытия меня реально интересует.

Про 21 февраля

Кажется, этим утром впервые за весну: «Наташ-ка, Наташ-ка». Голуби, горлицы, гургулицы...

Из-за всего этого происходящего парни не захотели отмечать праздник.

Дети коллеги перебрались к ней с новорожденным внуком, ибо они жили за вокзалом. Вот вырастет малой Мишка — ему расскажут, как начиналась его жизнь...

Сидела чуть ли не до полседьмого на любимом форуме, подпрыгивала: а провозгласил ли Владимир Владимирович наше признание? А теперь уже провозгласил?

Сидела у ТВ дома, а там говорят: вот сейчас выступит. Вот прямо сейчас! Даже передремнула или что-то вроде того сидя.

И вдруг сразу реально заговорил. Артистично даже. Должно говорил.

А потом не менее вдруг — ведущий телеканала даже сказать ничего не смог толком между, не успел — два наших и Путин подписывают. И ...и все.

И салют. Не видела, он с другой стороны.

Ура!

А вечером грустно было. Мы так долго ждали этого, что удивились, что можно не только ждать, но и дождаться. Мы так долго ждали, что уже нет сил радоваться. Ощущения 14-го года нет. Первобытной радости нет — вот этих вот слез, ааабнимашков, Аксенова в свитере...

Может, просто оно дойти должно. Это как с российским паспортом — дошло, что я гражданка России, только когда домой приехала и с паспортом вечером за столом сидела. Ну или когда за новогодним столом сидела и думала — а вот это речь говорит МОЙ президент. Не дружественный и не

соседский, а вот МОЙ.

...Зато утром поздравил коллега — настроение повысилось. Сама всех поздравляю на работе. Донбасс ошарашенно приходит в себя.

Посмотрела в календаре, в честь какого святого сей день. День св. Феодора Стратилата с утра.

И главное, наверное, понедельник — день св. Михаила Архангела в расписании на неделю, ну то есть все понедельники ему посвящены. Вторники св. Иоанну Крестителю.

Насколько же дни плотны!

Про 22 февраля

Парни грят: всё, будем отмечать! Ага. Мы ж ничего не готовили.

То местные новости по местным каналами давали, а теперь по государственным общероссийским.

Бубухи сегодня тоже были. Днями бубух был до полуночи, но решила, что дождь. Потом сильные в полтретьего. Походила, с кошкой на руках — они закончились, пошла спать.

Флаги. А вдруг помахать надо будет с чувством и вдохновением? У меня нету ни российского, ни ДНР. Российский был, ещё до войны, с ним митинговала. Потом, когда стал почти мир, его командир забрал, повесил в кабинете. И он куда-то делся... В общем, пошла в книжный по дороге за флагом. Российский уже забрали, купила флаг ДНР.

Про 23 февраля

Всем разослала эсэмэски поздравительные — бродила по телефонной книге и рассылала.

Звонили из кадров — насчёт мобилизации. Аж перепугалась — я опять все пропустила, день рабочий?!

Говорю: военника нет, только мобилизационка на 14 год. Не-а, не берут.

Вечером нормально акафисты пошли, а то два дня как-то времени не было.

Бубухали сегодня периодически.

Маршруток вроде больше стало. То прям стада паслись, а в воскресенье очень мало. Сегодня смотрю — опять три штуки.

А то кое-где ситуация стала тяжёлая: маршрутки забрали вывозить беженцев, и на трассу вышло мало. Коллеге пришлось расписание работы менять, чтобы хоть как-то добраться на работу.

О, не доходя 23.00, опять бубухи.

Про 24 февраля

...А ничто не предвещало.

Утром открыла Писание, читаю про сотворение мира.

Бубух. Не один.

Иду на работку. Бубухи. И тут такие звуки, как град. Не поняла. Спрашиваю у пацанов в форме, что около МЧС: Град? Ага, грят.

И тут выясняется!

Про ввод войск!

Мы тут утром только что танцы не танцевали.

Мобилизуют мужиков — коллег и родственников. Насколько я понимаю, никто их на передовую не собирается гнать. Слышала на этаже, что у кого-то ребенка мобилизовали, его страшно одного отпускать, так и отец его пошел. У нас могучего коллегу мобилизовали — он легко и непринужденно за швабру спрячется. Главное, чтобы он, стоя, из автомата стрелять не пытался — сдует отдачей.

У нас в центре города обратку слышно без пауз, почти все время бубухают. Аж стекла периодически трясутся, и ветер в дверь.

Вот так и сидим — бубухи слушаем, новости читаем запоем.

Про 14 марта

Утром после восьми «градов» от нас улетело до фи́га.

А потом откуда-то сзади стал не спеша нарастать рев. Мысль была: шото реактивное, и сейчас будет прилёт, надо бы от окон и вообще в коридор... Я как сидела, так и осталась, ибо далеко от окна, а девчата повскакивали.

Мы повскакивали — и видим самолеты! Два! Потом третий! Стоп, грю, это не самолет уже — это ворона. Мы обниматься...

Хотя, вообще - то не ворона, а голубь.

... А потом бубухнуло так, что аж тряхануло. Вот тут сразу стало понятно, что лютый, невероятный прилёт. Расчехлила большую камеру, начала заснимать. Было видно чёрный густой дым. Потом его ветром сдуло.

Потом пошла на балкон. Мне пацаны грят: ты куда, если повторный будет, прилетит — будут осколки. Но я пошла и засняла ещё.

Это что — каску на работу с собой брать и те четыре тыщи, что есть, пойти и на броник потратить? Ну, если я всерьёз намерена в таких ситуациях снимать.

Дым довольно быстро закончился — потушили.

Пошли первые фотографии и инфа с места. Сначала показали то, что у «Крупской». Я ещё грешным делом чуть ли не посмеялась: укропы едва по своему Шевченко не попали. Там памятник Шевченко стоит. Ещё и подумала: какие артиллеристы молодцы — упал на асфальт, чуть ли не на клумбу. Не попало ни в «Крупскую», ни в музей, ни в просто дома.

Потом начали писать, что люди погибли на остановке. Я не поверила. Остановка у «Крупской», середина рабочего дня — откуда там люди? До перерыва было минут 15. Студенты ж все по домам, что им в библиотеке или возле делать? Мероприятия тоже поотменяли. А потом уже выяснилось, что упало со стороны ОГА....

ОГА, или Белый дом в местной формулировке — это место, где мы митинговали и сидели в 2014 году. Сейчас это тоже

административное здание. Первая мысль была, что именно по нему и целили. Потом уже прошла инфа, что укрупы в пабликах пытались собрать солдатских матерей и т.п.

Потом выяснилось, что по нашему Союзу писателей тоже попало. Окна вылетели, отопительных контур порвало.

Написали, что я выиграла конкурс. Выяснила: точнее, стала дипломантом конкурса. И плохое, и хорошее рядом. На фоне всего — не зашло.

Шла домой. Город пустой. Магазины у дома закрыты. Обещали песок для животных, а потому и пошла — глянуть, открыта ли котятная лавка. Не-а. Остался открытым только овощной у дома.

...Сначала я попыталась плести сети. Дело сие разуму посильно. Комната, схемы, нарезанные рулончики. Была я там раза три — далеко, некогда.

Общались как-то летом с реконструкторами на форуме и в ВК. Ну общались и общались... В общем, в этот раз и глазом моргнуть не успела, как была сагитирована ехать на рекон на Самбек. Первый раз в жизни: всё время выходила в костюме на 9 мая, на иные праздники, но ездить никуда не ездила.

Собралась.

Добралась почти без приключений. И вот...

Пошли на само поле — торжественный момент. Парней почти сразу стали одергивать: мельче шаг! Медсестры отстают! Но катушку у связистки забрали немедленно — она её тащила только на самом реконе.

Постояли у края поля. Посидели и даже полежали. Спустились обратно в овраг.

Ждем. Наверху уже что-то происходит — шум, стрельба, комментатор рассказывает.

Ждем. Прибыл грузовик. Сели в грузовик. Будем ехать под прикрытием танка...

Будем, но недолго.

Парни, у нас плохая новость: придется аж целых сто метров бегом... Быстрым шагом двигаться к тем домикам, ну про которые мы вам уже рассказали. А потом отступаете, а потом все там гибнете, а потом надо лежать условно-убитыми и не двигаться! Ага.

Чувствовала ли я себя погруженной в прошлое? Ага, тут почувствуешь, при таких раскладах.

Приехали. Отбросили борта, нас тетенок принимали просто на руки. Парни через бока частично сами повыпрыгивали к тому времени.

Не забываем пригибаться! По возможности не отстаем. Добежала до какого-то окопа.

...Меня позвали: раненый, раненый! И, пригнувшись, поспешила к нему.

...Моим первым раненым...раненой...да и единственной пока, была девушка. Ранение в заднюю проекцию. Кровь была, кровотечения особого не было, мужчина остановил прижатием салфетки. А я стою и не знаю, что делать: про жгут на конечность читала, а не про такое. Потом позвала настоящих врачей, и барышню увезли на скорой.

...Прямо на глазах у меня прилетело в Крытый рынок. Даже легла, перележала бубухи. Потом побежала к рынку— у меня ж аптечка, надо же спасти! На рынке, там, где цветами торгуют, был пожар. Пытались спасти большую красивую машину, но не смогли. Огонь до неё постепенно добрался, и она загорелась. Другую машину сняли-таки с ручника, разбив стекло — да они и так треснутое было — и отогнали в сторону. Толкала вместе со всеми.

Приходишь домой, а от тебя пахнет дымом. Чувствуешь себя победителем.

— Выкинь этот щит.

Показала щит специалисту по Средневековью — грит, что никуда не годится, то есть только на косплей.

Внезапно и как-то тихо нормально заработала почта — в том смысле, что у нас теперь обычный адрес, а не многоэтажный, через Куйбышево, от которого сходит с ума «Али Экспресс». Первый раз приехало из России по почте. Приехал щцщит!

...И тут должно было быть мероприятие по Средневековью! Ринулась собирать костюм...

Полезла в шкаф по косплей. У меня в хате, конечно, лютый бардак, но костюмы упорядочены. Почему-то думала: вот прилетит сейчас, и так и упаду прятаццо с между парадкой, костюмом Джона Сноу и носом в костюм Бабы Яги, а сверху меня париками привалит.

Выяснилось, что забыла, в каком порядке какие тряпочки одевать и вообще из набора что брать!

Выяснилось, что не найду одни из сапогов! Что сапоги, какие нашла, на ногу неудобные. Еле нашла одни, зеленые, эльфийские...

Всё возвращается. Понимаете?

Марк Некрасовский

ЛУГАНСКИЙ ДНЕВНИК

Отрывки из книги «Кровавая пыль. Летопись войны»

6 апреля, 2014 год

Толпа собирается возле здания областного СБУ. Вчера СБУ «зачищала» Луганск. Арестованы и посажены в подвал многие потенциальные «зрадники» («предатели»). Кто в толпе? Родственники арестованных и равнодушные люди. Людей много. Много женщин и пожилых людей. Перекрыта центральная улица. Я коренной луганчанин и поэтому многих узнаю. С этими я учился на истфаке, с другими работал или пересекался когда-то.

Возле входной двери стоят крепкие ребята. Ударная группа. Это «афганцы», бывшие десантники, и «беркуты». Появление последних в числе недовольных меня ничуть не удивило. Майданутые пообещали им всем отомстить: вешать всех «беркутов» и членов их семей. Просто попугали? Нет, такие пугать не будут.

В киевском зоопарке майданутые проникли в вольер с хищными птицами и распяли птицу. Вся её вина была в том, что она была беркутом. Долбанутые. Что тут скажешь.

Штурмуют здание. Те, кто обороняют здание, не очень сопротивляются. Здание СБУ взято под контроль. Арестованные выпущены на свободу.

Апрель, 2014 год

Улица Советская напротив здания СБУ перекрыта для машин. С двух сторон линии обороны — это баррикады и колючая проволока. Ещё холодно, и поэтому горят костры —

металлические бочки с дровами. Чуть дальше в парке установлены палатки, на которых таблички с названиями городов и посёлков Луганской области. В них спят люди, они охраняют здание круглосуточно.

Стоит и военно-полевая кухня — готовят еду и горячий чай. Продукты подвозят равнодушные люди. Также приносят обувь и тёплые вещи. Людей много. Не протолкнёшься. Это защитники баррикад, сочувствующие люди и просто любопытствующие. Лица не закрывают. А это значит, что верят в победу и в свою правоту. Свобода или смерть. Потрясающие единение людей. Настроения радости, свободы, братства. Много знакомых лиц.

Возле входа в здание импровизированный митинг. Говорят о целях и задачах, которые стоят перед луганчанами; не дать кровавому перевороту в Киеве раздавить Луганск. Говорят, о братстве с Россией и о том, что она не бросит нас в беде.

1-16 июня, 2014 год

Первые украинские солдаты воевать с жителями Донбасса не хотели. Когда их танковые колонны останавливали старики, старухи, женщины, то они бросали технику и уходили домой. Так появились первые танки у «сепаратистов». Но потом всё изменилось. Я хорошо помню новостной репортажный ролик по телевизору: дорогу украинскому танку перекрыло мирное население и какая-то древняя советская легковая машина с водителем за рулём.

Танкист вылез из люка, и ему кричат: «Остановись. Мы братья». А он им в ответ: «Вы мне не братья» и танк едет на машину и давит её (водитель чудом успел выскочить). Для меня этот эпизод является одним из ключевых начала войны. Перешли грань, позиция Каина — мы для них не братья.

14 июля, 2014 год

Утром спорю с женой: уезжать или нет. Жена кричит: надо ехать к её родителям. Они живут в маленьком шахтёрском

посёлке Южная Ломоватка под Брянкой. Там войны не будет. Я возражаю — война будет везде, и в маленьких посёлках, и в городах. И как я могу бросить своих родителей? Мой папа болеет и с трудом передвигается по квартире. Что же говорить о переезде? Когда жена нервничает, она занимается уборкой квартиры, — это её успокаивает. Жена моет полы, но рот не закрывается — надо ехать, надо ехать, надо...

Её рассуждение прерывает взрыв. Первый, второй, третий... Сначала эти взрывы не пугают — они не рядом с нами. Но настал и наш черёд — два снаряда разрывается возле дома с двух сторон. Десятиэтажный дом зашатался. Вот-вот рухнет от взрывной волны. Смотрю на жену — такой я её ещё не видел — лицо блее снега, нижняя губа трясётся... В доме оставаться страшно — он может сложиться как карточный домик. Собираемся и выходим на улицу.

Людей на улице много. Все они, как и мы, в страхе покинули свои квартиры. Идём по кварталу Мирный. Звучит, как насмешка. Квартал Мирный совсем не мирный — горит автостоянка, кафе «Корефан». Понимаю, есть погибшие — сторож автостоянки вряд ли уцелел. Впереди нас стоят люди, рассматривают что-то, лежащее на земле. Подходим ближе — на земле бездвижное, окровавленное тело молодого парня и перевернутая вверх колёсами детская коляска. Люди переговариваются между собой — парень погиб, прикрывая своим телом ребёнка.

Мать вытащила своего ребёнка из-под погибшего и побежала с ним на станцию Скорой помощи. Благо, она рядом. Слава Богу, ребёнок только ранен, а не убит. Парень просто прохожий, а вот пожертвовал своей жизнью ради ребёнка. Идём домой — какой погожий день. День для жизни, а не для смерти.

Июль, 2014 год

Много брошенных собак и кошек. Породистых. Дорогих. Любимцы. Гордость хозяев. Для них особые парикмахерские,

гламурные ошейники со стразами, фирменная одежда, чтоб не мёрзли, и элитные корма. Но война изменила их жизнь. Райская жизнь кончилась. Хозяева их просто бросили. А как вы хотели? Если человек бросает в опасности свой город, своих знакомых и друзей, своих родителей, то бросить домашнего питомца, в котором он «души не чаял», — не проблема. Такая вот «душа» у человека. Хотя и назвать его человеком — язык не поворачивается.

Как-нибудь выживут. Мы ведь скоро вернёмся. Раздавят сепаров, и вернёмся. Найдут еду на мусорнике. А что на нём найдёшь, когда еды у людей нет? Поймать себе на обед птичку или мышку могли бездомные кошки. А что поймают те домашние кошки, которые ели только «сырую куриную печёнку»? Или чем питаться собакам? Для ловли мышей и птиц они не приспособлены. А вода? Страшная жара. Воды нигде нет.

Сначала еда была — свет отключили, и мясо в холодильниках испортилось. То, что люди не успели съесть, портилось на жаре. Гнилое мясо выбрасывали на мусорник и голодные животные его ели. Это раньше воротили морду от дорогого вискаса, а теперь — голод не тётка — за гнильё дрались, отбирая его друг у друга. Затем начался падёж. Умирили самые слабые и самые маленькие.

Несмотря на войну, животных разбирали по домам и делились с ними последним куском хлеба. Работал приют для домашних животных. Не все люди сволочи. Приют «Помоги другу» собирал раненых и брошенных животных.

Вот как рассказывает о том времени его хозяйка Галина: «Очень многие жители, у которых были домашние животные, в те дни покинули город, бросив своих питомцев. Например, в одном из частных домов ротвейлера оставили на цепи. Отстегнуть его соседи не успели, он так и погиб от взрыва мины. Множество кошек и собак остались запертыми в квартирах и умерли там от голода и жажды».

Я помню рассказ моей знакомой, которой оставили ключ от

соседской квартиры с элитной кошкой. О еде хозяйка, впрочем, забыла и денег на неё тоже не дала. Квартира под стать кошке — с ремонтом и дорогой мебелью. Только мина — слепая сила — не выбирает, чья это квартира — сепара или украинского патриота. Осколками были разбиты стёкла в окнах. Кошку моя знакомая забрала к себе в квартиру, а дыры в окнах закрыла картоном. Когда через год соседка вернулась, то она забрала кошку. Ещё бы, кошка же стоит не одну тысячу долларов и предъявила своей соседке претензию за разбитые окна — «Что вы делали с моей квартирой?». Она так и не поверила, что brave украинские артиллеристы стреляли по городу. Спасибо за спасение своей кошки она тоже не сказала. Забыла, наверное.

18 июля, 2014 год

Звонила двоюродная сестра Дина. Попросила, чтобы я посмотрел, что с её квартирой. В её дом на улице Андрея Линёва попал снаряд. Посмотрел. Ничего страшного. Вылетели стёкла на балконе, да кирпичная стена вся в оспинах от осколков. Бывает и хуже. На памятнике «Борцам Революции» угол пятиэтажного дома от прямого попадания обвалился, а здесь только стёкла повывлетали.

Рядом на квартале Гаевого живут Динина мама и её отчим. Тётя Рая и дядя Витя. Хотя она о них не спрашивала — решил их проведать. Не понимаю я Дину. Бизнесвумен. Квартира есть в Бердянске. Деньги есть. Родители транспортабельные. Почему не забрала?

Начинается обстрел. Снаряды ложатся всё ближе и ближе. Заскочил в открытый подъезд. Считаю разрывы. На третьем десятке сбился со счёта. Кто-то рядом страшно кричит — просит о помощи. Выбегаю из подъезда. У меня с собой жгут и бинт — без них из дома не выхожу. Могу оказать первую медицинскую помощь. Но того, кто кричал, не видно. Бегу к подъезду тёти Раи, но он закрыт. Ждать, когда откроют, нет смысла. Гулять под обстрелом может только такой дурак,

как я.

Выбегаю на остановку «Буревестник». Обстреливают районы Гаевого и улицы Чапаева. Я посредине. Сейчас чуть-чуть сместят прицел и мне конец. Здесь ложись не ложись — от осколков не спасёшься. Уровень остановки выше окружающего рельефа. Внезапно на остановке тормозит маршрутка. Зачем она вышла на маршрут? Я вскочил, и мы несёмся по Луганску. Я, водитель и ещё один пассажир. Несёмся без остановок по городу, который обстреливают из всех калибров, по городу, блокированному со всех сторон, по городу, в котором нет электричества и воды. Несёмся, как символ, что город жив и выстоит, несмотря ни на что.

2 августа, 2014 год

Не могу сидеть дома. Тянет на улицу — я должен всё это видеть. Иду по кварталу Шевченко. Он сильно пострадал от обстрелов. Каждый детский садик, каждая школа получили по «своей» мине. На детской площадке воронка и осколки. Как быстро они ржавеют!

Прохожу мимо пятиэтажки и вдруг вспоминаю, что здесь живёт женщина моего друга Сергея. Он не луганчанин. Его, конечно, нет в Луганске, но, может, она знает что-нибудь о нём. Дверь подъезда открыта — электрические замки без электричества не работают. Стучусь в дверь. Дверь открывается, и я вижу Сергея. И он, и я рады видеть друг друга. Квартира Сергея сырая — первый этаж. Предлагаю выйти на улицу, посидеть на лавочке возле подъезда и поговорить по душам.

Я выхожу из квартиры и направляюсь к подъездной двери. Сзади меня идёт Сергей. Вдруг он меня хватает за майку и втаскивает в квартиру. Он бывший боевой офицер — услышал приближение мины, а я нет. Мина взрывается рядом с лавочкой. Если б я на ней сидел, конечно, был бы убит. Благодарю Сергея и возвращаюсь домой.

Даю себе обещание: больше на улицу без причины

не выходить. Но на следующий день я опять пошёл на улицу.

4 августа, 2014 год

С самолётов скинули какие-то предметы на парашютах. Женщина, стоящая рядом со мной, показывает их пятилетнему сыну и считает: Один, два, три, четыре, пять. Как красиво летят. И обращаясь ко мне: «Наверное, это украинская гуманитарная помощь. Мы ведь украинцы и Украина нам помогает». Стоит счастливая, улыбается... Мне мало верится в добрую волю украинских властей, в их желание нам помочь. Всё, что нам нужно, — перестаньте по нам стрелять, перестаньте нас убивать, возвращайтесь к себе домой.

Я не ошибся — это была не гуманитарная помощь, а пятисоткилограммовые кассетные бомбы с высотными взрывателями. Две из них ворвались и смертельно ранили протоиерея Владимира Креслянского. Умирая, он молился о спасении луганчан. Остальные три бомбы не взорвались и никого не убили. Для одних — это чудо, для других простое совпадение. Но без веры, без доброты и самопожертвования не будет счастливого будущего.

16 августа, 2014 год

На автовокзале меня остановила семья. Мама и сын. Сын, подросток, босиком, в майке и в семейных трусах. Мама в комбинации и в шлёпанцах. У сына в руках маленькая собачка — дворняжка. Спрашивают, как пройти к Дому правительства. Рассказываю. Сын, видно, заметил моё удивление — объясняет: «Мы из Хрящеватого. Всю ночь просидели в погребе. Дома у нас теперь нет, а из имущества только эта собака».

Желаю им удачи. Она им очень нужна.

18 августа, 2014 год

Сегодня я должен дозвониться жене. Во что бы то ни стало. МТС не ловится в городе. Но есть два места где, говорят,

можно поймать. Один на «Востоке», рядом со строительным супермаркетом «Эпицентр», другой на МЖК (Молодёжный жилищный кооператив).

На «Востоке» я вчера пробовал и безрезультатно. Стоят сотен пять человек и, несмотря на опасность обстрела, а обстреливают это место регулярно, пытаются связаться со своими близкими. Дозваниваются те, у кого есть Life, но у меня его нет, и нет его у жены, так что покупать карточку Life нет смысла. Вчера же зарядил мобильник — электричество есть только у тех, у кого есть генератор. Узнал, что генератор есть у пожарников на квартале Алексеева. Набрался наглости и попросил зарядить телефон. Заряжали полчаса, но на два-три звонка хватит, лишь бы дозвониться. Спасибо и на этом.

Встал пораньше и пошёл. Маршрут выбираю такой, чтобы было где прятаться от миномётного обстрела. Там ямка, а там бетонные плиты лежат. Людей на улице почти нет. Люди прячутся по подвалам и бомбоубежищам, где они есть, или просто сидят по квартирам. Иду и замечаю новые разрушения — результаты обстрелов. В районе «Детского мира» (кв. Алексеева) стоят женщины с пластиковыми бутылками — ждут машину с водой. Может, будет, а может, и нет. Стоят с утра, пока не приедет. Отсутствие воды сильнее страха смерти. Все женщины пожилые, но есть и симпатичная девушка.

Иду к МЖК. Это самое высокое здание в городе. Если забраться на самый верхний этаж, то там есть сеть МТС. Прорываюсь через разгневанных жильцов — им страшно не нравится популярность их дома и занимаю очередь к заветному месту — только стоя на нём дозваниваются. С балкона открывается панорама города на поселок Каменный Брод. Видны столбы дыма — это горят жилые дома, в которые попали снаряды или мины. Очередь движется медленно. Несколько человек дозвонились — счастливики.

На балкон забегают женщина — просится без очереди. Кто-то возмущается: «Можешь и подождать». Женщина объясняет,

что в очередь за водой попала мина. Много убитых. Убита и её соседка. Одинокая. Есть только сын, но он сейчас в Киеве. Что делать? Кто будет хоронить? Да, похоронить сейчас большая проблема — кладбища постоянно обстреливают. Целят по похоронам. На «Востоке» умер одинокий старик, так соседи взяли полиэтилен, завернули его в него и похоронили в посадке. Время военное. Спасибо и на этом.

Женщина звонит, но сын погибшей не отвечает — наверное, не берёт незнакомые номера. Женщина уходит потерянная. Что ей делать?

Наконец, звоню жене — дозвонился. У неё всё в порядке. В посёлке тихо — не стреляют. Я ей тоже говорю о том, что у нас тихо и не стреляют. Зачем её волновать? Выхожу на улицу счастливый: месяц не разговаривал с женой. Слава Богу, всё в порядке.

Прохожу мимо места, где ждали воду, — на земле окровавленные тела и пустые пластиковые бутылки... Горе, страшное горе. Какие же они сволочи, нелюди — те, кто стреляют по городу.

Август, 2014 год

Памятник луганчанам, убитым украинскими националистами ОУН-УПА, пострадал от взрыва мины. Она упала в нескольких шагах от него. Бронзовый памятник в мелких дырочках. Следы от осколков. Прошло семьдесят лет, и украинские националисты опять радикально решают национальный вопрос. Украина для украинцев. Тогда у них ничего не вышло — не выйдет и сейчас. В метрах семидесяти лавочка, на которой лежит убитый. Его убило осколком мины. Рядом женщина. Она явно не в себе. Рассказывает, что она была между лавочкой и памятником. Услышала свист и упала на землю. Осколки пролетели над ней и убили парня. Если бы он упал на землю, то остался бы жив. Наверное, он не знал, что спасение от осколков мины в быстрой реакции: услышал свист — падай.

За опыт на войне платят жизнями друзей и близких. Сколько раз это знание меня спасало! Спасибо Константину Симонову и его книге «Живые и мёртвые». Когда я отправил жену к её родителям и переселился в квартал Шевченко, это была первая прочитанная мной книга. «Не бойся мины, если нет прямого попадания, она не страшна. Осколки летят над землей под углом 45 градусов» — как жаль, что этому не учили нас раньше.

19 августа, 2014 год

Война — это дерьмо. И не только в переносном смысле, но и в прямом.

В городе нет воды, а значит не работает канализация. Терпи не терпи, а приспичит — побежишь в туалет. Мой туалет напротив родительской пятиэтажки, в дубовой посадке, рядом с Ленинским отделением внутренних дел. Заходишь в посадку, а там в пределах видимости столбиками сидят страждущие — мужчины и женщины. Мои соседи. Никто никого не стесняется. Всё естественно.

Сегодня мой поход мог закончиться трагически. Выхожу из посадки и подхожу к дому. И в это время на дороге резко тормозит джип. Из него выскакивает мужчина в камуфляже и с автоматом в руке. Он опустошает рожок, стреляя как раз в то место, где я сидел минутой ранее. Зачем он это сделал? Скорее всего, он кого-то преследовал со стороны Авиациентра и упустил в посадке. Обогнал его по дороге и встретил градом пуль. Приехал бы он на минуту раньше, или, если бы я задержался на минуту — лежать бы мне убитым или раненым в собственном дерьме.

Ходить на унитаз непозволительная роскошь или острая необходимость, так как требует большого количества воды. Каждый поход за водой — смертельный риск. Мой отец передвигается с трудом — дубовая посадка не для него. Мать придумала НОУ ХАУ: полиэтиленовый кулёк привязывается к сидушке и опускается в унитаз — сходил — закрыл крышку.

Так можно сделать несколько раз. Потом кулёк закапывается в посадке. Слава Богу кульки у нас есть. Надолго хватит.

20 августа, 2014 год

За водой хожу через день. Тачка с ящиком — на ней шестилитровые бутылки. Чем больше бутылей, тем лучше. За один поход привожу до пятидесяти литров. Идти недалеко — километра два туда и столько же оттуда. Сегодня иду с Оксаной, соседкой по лестничной площадке. У неё тоже тачка с пустыми бутылками для воды. Идём к автомойке — там скважина и насос с генератором — ополченцы дают рабочим автомойки бензин, и те наливают всем желающим воду бесплатно.

Мы идём по частному сектору — здесь нет военных частей, заводов — ничего, что бы имело военную ценность, того, что надо было бы уничтожить. Первая мина ложится на соседней улице, вторая, третья... Кто их считает? Взрывы всё ближе и ближе. Выстрел, свист, падаем с тачкой на землю — разрыв. Вскакиваем и бежим до следующего падения и ожидания взрыва. Падать с тачкой трудно. Хорошо, что бутылки пока без воды. Автомойка всё ближе и ближе.

Пришли. Очередь — человек триста. Стоят ждут воду, не боясь смерти от мины.

Идём обратно. Обстрел стих. Счастливые — мы с водой. Оксана остановилась и показывает: там, где мы лежали — воронка от мины.

Сентябрь, 2014 год

Сегодня дали свет и воду. Праздник. Даже не верится: так привык к их отсутствию. Нет электричества — ложишься спать рано и рано встаёшь. Не смотришь телевизор, интернет — есть время подумать и пообщаться с близкими. Холодильник не работает, поэтому всё готовится на один день. Слава Богу, у нас был газ. После войны люди, её пережившие, не захотят покупать квартиры с электрическими печками —

есть печальный опыт готовки еды на костре.

Без воды сложнее. Хорошо, когда есть в семье человек, который сможет за ней сходить. Как выживали те бабушки и дедушки, которым спуститься с этажа сложно, не говоря о том, чтоб за водой сходить и принести её домой? Хорошо, если соседи помогали, а если нет? Сколько стариков и инвалидов не пережили эту войну? У которых были дети, бросившие их без присмотра — уехали, спасая свою жизнь. Говорят, Бог прощает все грехи, но для меня они перестали быть людьми и простить я их не могу.

Марк Некрасовский

СЕПАР

«Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...». И все скакали. Все, кто стоял на Майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины.

Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя — чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали кубинцы Фиделя — «кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда кубинцы ещё бросали в сторону Соединённых Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола — вот, что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо её запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километрового флага Украины или таких же рушников.

Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами — страна богатых отдыхающих из США и нищего и неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только в начале строительства новой Кубы — потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина — страна поголовной грамотности, да и на дворе XXI век, а эти прыжки на главной площади Украины никого это не шокирует.

«Козье болото» — вдруг выплыло из памяти старое название Майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран

может так бездарно тратить свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана — сделать бедных ещё беднее, а богатых ещё богаче. Хотя и козлиное не в меньшей степени. Только козлы — это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бойню, к баранам запускали козла. Козёл становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко — наглые и напористые. И когда наступало время, козёл, не мучаясь совестью, (какая у козлов совесть?), вёл привычным маршрутом всю отару на бойню. Наконец прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоящих на трибуне, начал рассказывать о тяжёлой доле «неньки» Украины, о её внешних и внутренних врагах.

В это время сосед Геннадия, пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по быстроте явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Ещё один... И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль». Труп унесли, и Геннадий сосредоточил своё внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бежит в красных трусах по пляжам Нью-Йорка. И на тебе! Опять лезет в политику. Может, деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте — построенная за те же деньги.

После пламенной речи сумасшедшего кролика толпа скандировала лозунги «Путин — х...ло, Путин — х...ло», «Украина превыше всего...». Затем вышел «козёл» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке. Нет, это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жёсткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей». Говорила она

опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся её речь свелась, пожалуй, к одному — победы не будет, пока президентом не станет пани Юля.

После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України, ні слава, ні воля...». Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрёт, и что «сгинуть вороженьки» и будет Украина «от Сяна до Дону». Дон пока ещё принадлежит России, но настанет день, и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская — всё будет украинским. Пели, забывая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах, и о растущем бандитским беспределе. Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирый» украинец. Тем более с его биографией.

Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи — и прямо с Майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов. И в это мгновение к микрофону подошёл главный «козёл» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент».

— Любі друзі. Братья и сёстры. Родина в опасности! — произнёс президент с дрожью в голосе и сделал паузу.

«Любі друзі» — это он украл у Ющенко, «братья и сёстры» и «Родина в опасности» — у Сталина, — подумал Геннадий. — Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия — главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие, как он, за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут».

Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединённых Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» — как заклинание, вновь и вновь повторял президент. Затем он сделал паузу и перешёл к «внутренним» врагам:

— Сепаратисты — вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят «зраду». Оглянитесь, и вы поймёте, кто предатель!

И толпа, ещё мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга. Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же, по внешнему виду искать «сепаратистов». На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа? Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом:

— Нашёл! Нашёл! — и неожиданно крепко для его возраста схватил Геннадия за руку.

И — о, ужас! — на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту. Кольцо из разъярённых людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Всё, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сёстры». Избиение властным окриком остановил пан президент:

— Мы европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону!

Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетасили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия.

Пан президент продолжал:

— Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет.

И Майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку на гиляку! Москаляку на гиляку!..».

Главный козёл подвёл итог:

— Как панство решило — так и будет!

Зазвучал марш сечевых стрельцов, и занавес за спинами «козлов» начал раздвигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд верёвочных петель. Геннадия потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И Геннадий понял, что это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее них виноватой в убийствах. От неё ему ждать пощады нельзя.

Геннадий закричал. Вернее, завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда всё уже решено, решено не тобой и спасения нет...

Геннадий проснулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс — под двести ударов. Ещё немного такого сна, и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от щипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадию почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом — убитые и раненые. То пьяные добробатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянувшие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих. Семья не проснулась от крика Геннадия — все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились — пусть терпят.

Если правда, что сны — это наши потаённые желания, а кошмары — наши страхи, то доля ответственности в его кошмарах лежит и на соседях. Как так получилось? Геннадий

помнил, как встречали первых беженцев — переселенцев из зоны АТО и Крыма. Как героев. Не остались с сепаратистами–террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтеры за свои или собранные неравнодушными людьми деньги. Да и ненадолго всё это. Максимум две-три недели, ну месяц от силы. Пан президент обещал.

Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и Иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярых майдановцев — пропала вера в молниеносную победу. Прерванные связи с Россией оказались фатальными — продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия — «страна-агрессор», и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь — цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием.

Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой-одноклассницей, которая переехала из Луганска в Северодонецк, ставший центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске — в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нём свет, воду, тепло и электричество. Лена плакала и спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернёмся?

Но постепенно приходило понимание и уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добробаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть всех оставшихся, не успокоятся. Лена плакала: годы идут, а жизни нет. А Наташка ожесточилась. Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени общались. Нормальная была девчонка! И на тебе — позвонила общему знакомому Семёну, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолёта! Всех, без исключения!». Семён пытался взывать к Наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ — площадная брань и пожелание своим же родителям побыстрее сдохнуть. Выключил мобильный Семён. Спорить с такими бесполезно. Наташка удивила. Хотя, если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунисток.

Одна Фарион чего стоит. Та самая Фарион, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярым украинским националистом, кстати, тоже в прошлом коммунист, серьёзно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фарион медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Да какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фарионши, не колеблясь, вступят в их ряды.

Хайдарыч — тот ещё фрукт. Мама — русская, папа — волжский татарин, а туда же — украинский националист. Рассуждает о трипольской культуре, прародине украинцев, с такой убеждённостью, что и не переспоришь. Твердит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли

убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от культуры триполья не осталось письменных источников. Только керамика с определёнными узорами.

И язык украинский самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадались чей? Украинский! А Чёрное море кто выкопал? Украинцы! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началось АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, пошёл в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки.

— Зачем ты настучал на своих друзей? — спросил его Геннадий.

И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом:

— Я не стучал. Я сотрудничал.

А Семён был и остаётся для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живёт город. И, слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал: да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно. В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своём автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как раньше в Луганске. Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не успел растаможить в Одессе. Повезло. Всё перевёз в Киев и стал торговать.

Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере надобности. Бизнес пошёл. И с клиентами Геннадий умеет разговаривать — любой разговор поддержит — недаром окончил исторический факультет, «комиссарский» — язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селёдку продают — подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и силикон специальный и щётка для обработки. Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, как у Геннадия, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щёткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве — это, наверное, наша национальная черта.

Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, Геннадий несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглядит, когда надо отойти, а если вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники, и горе, всё было общим. Слово дал — держи. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел своё, принесенное из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь?

И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Ещё одна попытка наладить контакты.

Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а, значит, из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником. Оставив машину на платной стоянке, Геннадий подошёл к ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой блок лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью,

большими транспарантными буквами так, чтобы было видно издалека, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор: СЕПАР.

Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щеткой с силиконом скаты. А затем, так же не торопясь, можно сказать, демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждёшь? - секундная пауза. — Я возьму твою щётку и силикон?». Геннадий не ответил. Налил себе ещё стопку и, не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил её. Съев кусочек колбасы, ответил:

— Вам коньяк вреден. Особенно чужой. Давление повышает. И силикон пора свой купить — не обеднеете.

Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил:

— Есть ещё вопросы?

Вопросов не было. Забились шакалы в свои модули и носа не показывали. Но мавр своё дело уже сделал. В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадия и не здороваясь, прошёл мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошёл директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине.

Геннадий закрыл модуль и пошёл на стоянку, где находилась его машина: продлить время парковки: ездить нетрезвым он себе никогда не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины Скорой помощи и милиции.

— Что случилось? — спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил:

— Да сторожа избили. Не давал машины с донбасскими

номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им донбасским и надо!

Геннадий посмотрел на свою машину — окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колёса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине — попал бы под банду Вовки-атошника. Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все рёбра, как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошёл Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить в него раньше, чем гопники добежали до подъезда.

Дома тоже не всё в порядке: жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришёл домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере!» Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили. Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал:

— Всё! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят — тут его брошу! Семён не пропал, и мы не пропадём. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!

Повеселели и сын, и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение. Жена расставляла тарелки на столе, пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку.

— Чья это сумка? — спросил он.

— Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл, — ответила жена.

Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча.

— Привет! Как дела? Что нового?

А Хайдарыч всё о своём:

— Будущее незалежной Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца — пожертвовать

своей жизнью ради благополучия Родины!

Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице — на войну не идёт. Пусть другие умирают? Да ну его к чёрту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник и сидит — мечтает, как он возвратится домой.

Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришёл. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. СБУшники! Три секунды, и сын, и Геннадий лежали на полу, раскинув руки и ноги. Один из одетых в военное снимал всё происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный с кожаной папкой в руке взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат — георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чём долдонил! Это он моей семьёй пожертвовал ради счастья Украины! Интересно: денег ему теперь дали за сотрудничество?

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трёх человек, занимавшихся сбором информации и готовивших ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала — каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

Юрий Ковальчук

КРАСНАЯ ПЫЛЬ

В общем, чего там говорить, все мы очень устали. Вражеская арта была почти безостановочно. Мы с Танцором ездили на многоэтажку «Звезда», что возле мечети, — взломали дверь на чердак и выбрались на крышу. Я использовал мощный бинокль, чтобы осмотреть территорию Донецкого аэропорта. Впечатление было шокирующее. В панораме всё это сильно напоминало Великую Отечественную. Падало, нет, сыпалось, повсюду... Даже странно было, что мы ещё час назад находились там и через час снова вернёмся в это пекло.

Обстрелы были безостановочными — укропы стреляли всем, что только находили на складах. Однажды, когда мы стояли на позициях у Свято-Иверского монастыря, попали под фосфор — одному парню тогда сожгло руку. Мы не были знакомы. Вообще фосфор запрещён всеми конвенциями, но разве это когда-то кого-то останавливало? Глубокая озабоченность, черт бы ее побрал.

Огненные сопки тянулись с неба и сжигали всё — запросто могли прожечь бронжилет; бойцы сгорали на глазах у обезумевших от зрелища соратников. К счастью, такое случалось нечасто.

Зато обстрелов ракетами «Град» или гаубицами хватало с головой — где-то там я оставил Вагида — очередной залп РСЗО¹² унёс жизнь дагестанца. Смешно: незадолго до смерти

¹² РСЗО – реактивная система залпового огня.

он ездил домой и, чтобы он снова не пошёл воевать, мать украла у него паспорт, а отец договорился, чтобы его задержала полиция. Не удержали — поехал. Только ненадолго.

Назад мы мчались на раздолбанной «Ниве» — недавно нам парочку прислал Жириновский. Владимир Вольфович откликнулся на просьбу — нам не на чем было забирать двухсотых, а брать машины из гаражей аэропорта Гиви запретил. Впрочем, если бы мы всегда слушались командиров, нас бы, наверное, уже не было в живых.

Выскочили на улицу Стратонавтов — почему бы тут не снимать фильмы про постапокалиптическую реальность? Теперь здесь осталось всего несколько жителей, которые, несмотря на ковровые бомбёжки, продолжают бросать вызов действительности. Попадаются и мародёры — они недолго живут. Мы в них стреляем.

Едем, не думая о том, что в какой-то момент может и по нам прилететь. Весело скачем по обгрызенному асфальту, да уж лучше бы он был грунтовой дорогой. Нам сегодня дальше, чем обычно. Сегодня мы не на монастырь и не в Весёлое. Сегодня мы в терминал. Танцор гонит так, что я на всякий случай молюсь, закрыв глаза. Его не осуждаю — с диспетчерской башни работают поляки со своими дурными «Барретами»¹³.

Кое-как проскочили. Пару выстрелов было, но мне кажется, что не по нам. В любом случае благополучно. Я почти выпал из машины — за рулём был Танцор, а он презирает условности и вообще нищеанец. Он даже не останавливался — просто сбросил скорость, и мы с Уругваем выкатились на грязный асфальт; я едва успел выдернуть с сиденья свой сорокалитровый рюкзак, и машина рванула.

Мы не стали искушать поляков или ещё какую нечисть и побежали с Уругваем в терминал. Я, конечно, недорого стою, а вот Уругвай классный боец. Он из Николаева, и до войны мы

¹³ Баретта — американская самозарядная крупнокалиберная снайперская винтовка (M107), выпускаемая компанией Barrett Firearms Manufacturing.

были косвенно знакомы. Его судили за покушение на местного мэра, конечно, по надуманным обстоятельствам, но потом обменяли, и он принял участие в работе отдела военных корреспондентов МО ДНР. В итоге служит по сей день, насколько я знаю.

Тогда он меня познакомил с таким явлением как «красная пыль»: к нам по-идиотски заехала укропская БМП-2 с пехотой на броне, и бойцы дали по ним очередь из пулемета «Утёс»¹⁴. Броне это не повредило. А вот те, кто ехал на ней, превратились в красную пыль.

Нас встретил Ярёма — тот ещё раздолбай. Но кого только не тянет на эту бойню! В особенности, если у тебя хохляцкие артиллеристы порешили всю семью за раз. Он хорошо умеет ставить мины, и вообще неплохой парень, только много употребляет. Я боюсь воевать рядом с такими. Даже в худшие времена я предпочитаю воевать на трезвую голову. Это плохо. Для меня война наркотик. Я уже никогда не спрыгну.

Скажу вам спойлер — я выжил, потом просился в Сирию, но меня не взяли. В итоге я выжил. А, ну это ж я пишу!

Мы с Уругваем отгрузили ребятам всё, что можно было подарить до зубов вооружённым людям — таблетки аспирина и парацетамола, «вогов» (гранат для подствольника) и пачки патронов калибра 7,62. Презираю тех, кто в городе стоит на охране зданий, держа в руках калаш на 7,62. Этого калибра смертельно не хватает на фронте, он может пробить броню БТР — так я слышал. В любом случае они нужнее на передовой, чем в городе.

На этот раз у нас особая миссия. Мы ждём «танчик». У нас тоже был один, но недавно его сожгли превосходящие силы укропов. Он у меня даже на фото есть — мы так и не смогли подойти, чтобы достать тела танкистов и похоронить их — там всё жутко простреливается. Склеп для неизвестных героев. Мы ведь даже не знаем, как их звали.

¹⁴ НСВ «Утес» — советский 12,7-мм крупнокалиберный пулемёт.

На самом деле у нас для «танчика» немного барахла — моё ПТРД¹⁵ (в принципе, штукавина бессмысленная, если речь идёт о Т-72 или о чём-то помладше), пару РПГ-7¹⁶, дюжина «Шмелей»¹⁷, абсолютно бесполезных на таком расстоянии, и «Утёс». Короче, мы можем оказать сопротивление, но не являемся фактором риска.

Вообще, танк для нас — это ад. В отличие от арты или РСЗО, которые сыплются с неба на наши грешные головы, но не достают через плиты перекрытия, танк бьёт прямой наводкой прямо в окошечко. Ты только стрельнул — и вот тебе прилетает подарок, от которого ты почти что труп. Или сразу труп. Кому как повезёт. Уругвай вечно таскает с собой осколок, который должен был прошить ему пах, но застрял в его кожаной портупее. А он был в соседней комнате, когда жажнул укропский танчик.

Этот нам очень насолил, и мы давно его ждём. К сожалению, нельзя поставить мины — это же чёртова взлётная полоса и вообще это всё асфальт! У нас, правда, была одна противотанковая граната времён Великой Отечественной — с парашютиком, но я сомневаюсь, что она помогла бы против современных танков. Впрочем, мы так и не попробовали. Героев, желающих приблизиться на достаточное расстояние, чтобы метнуть раритет, не нашлось.

На этот раз у нас был козырь — Мотор, а мы в тот момент находились с людьми Моторолы, который обещал прислать нам ПТУР¹⁸. Будет реальный шанс взорвать эту чёртову коробку. Понятно, что появятся новые, но нам, по крайней мере, хотелось отплатить за наших братьев в том танке, что

¹⁵ ПТРД — противотанковое однозарядное ружьё системы Дегтярёва.

¹⁶ РПГ-7 — советский ручной противотанковый гранатомёт многоразового применения.

¹⁷ РПО «Шмель» — российский реактивный огнемёт.

¹⁸ ПТУР — противотанковая управляемая ракета.

сгорел у нас на глазах, на задворках терминала.

Говорят, терминал брали добровольцы из Чечни. Я такого не видел, но верю товарищам. Вроде как они вырезали весь укроп, хотя и с потерями. Надо сказать, что тут полно добровольцев и более экзотичных — у меня есть побратимы из Сербии, Литвы, Голландии, Ирландии... Представляете, ирландца мы называем Лепрекон¹⁹. Он низок ростом и коренаст, но он реален — кажется, его зовут Майкл. Простите, я отвлёкся.

Кто бы ни брал терминал, но до сих пор достаточно в окно закричать «Аллах Акбар», чтобы эти упыри попрятались на пару минут. Вероятно, тогда им добровольцы из Чечни всё-таки доставили проблем. Пока мы, как дурные, орём в окна про Аллаха, наши ребята быстро перемещаются с целью занять выгодную позицию.

Мы ждём танчик. ПТУР прибыл, и его оператор суетливо колдует над приземистой установкой.

Технику чуешь издали. Она рвёт асфальт траками, а едет так громко, что если ты хоть раз в жизни слышал, то потом услышишь даже за десятки километров.

Я знал, что-то не в порядке. Я чувствовал. Я видел. Но теперь уже поздно. На нас выехало аж три танка, и мы, замаявшись на долю секунды, рассмеялись одновременно. Это пустой смех, на самом деле. Но это большое облегчение. Релакс человека, который больше ни за что не отвечает. Который больше никого не обидит. Который сейчас умрёт.

Если вы никогда не умирали, вам этого не понять. Такое чувство бывает лишь тогда, когда ты уже за пределами жалости и ответственности. Не знаю — не хочется об этом много говорить. Стоит попробовать.

Мы все понимали, что три танка мы не вывезем. Один бы с радостью, но три... — наш ПТУРщик продолжал делать вид, что он готов стрелять, но все понимали, что мы смертники.

¹⁹ Лепрекон — персонаж ирландского фольклора.

Уругвай поступил честно и стал в обнимку прощаться с ребятами. Я хотел так же... но моё ружьё было на взводе.

В какой-то момент все три башни поглядели на нас своими смешными хоботами, и я подумал: конец. Сейчас первый выстрел — и пыль, гарь... А потом второй — и в Вальхаллу.

Рядом Чужой готовил термобар²⁰. Уругвай обнимался со Стрелком. Ярёма, кажется, ушёл в задние комнаты.

И вот наступило то, чего мы так долго ждали. Смртушка. Мы её ждали столько раз в Краматорске, Миусинске... Так вот же... Наконец! Хлопоты закончились.

И в этот момент танки повернули свои башни. Я не шучу — мы уже были готовы помереть, потому что нам всадят аж три танка, но они повернулись от нас.

А знаете, что потом было? Они принялись расстреливать Пески. О, Боги! Там всё горело и взрывалось. Они так хорошо всё делали, что ни у кого из нас не поднялась рука в них пальнуть. Да мы с них пылинки готовы были сдувать — ведь в Песках базировались ВСУ!

Они отстреляли весь боезапас. Там, в Песках, всё горело и взрывалось. Мы стояли в растерянности, глядя на удаляющиеся танки.

На следующий день я уехал в Донецк — пора было скинуть видео на сервер.

В последствии мы всё узнали: это не X-лучи воздействовали на украинских танкистов; это не осознание гражданской войны развернуло их стволы; это была не совесть... Накануне регулярную часть ВСУ, базирующуюся в Песках, цинично и осознанно покинуло восемьдесят два пехотинца ввиду явной боязни встречи с мадам с косой. Восемьдесят два — это так много, что дошло до руководства в Киеве. Там решили по-

²⁰ Термобар — боеприпасы объёмного взрыва (БОВ), или объёмно-детонирующие боеприпасы (ОДБ), или термобарические снаряды (ТБС). Боеприпасы, использующие распыление горючего вещества в виде аэрозоля и подрыв полученного газового облака.

своему. И от Киева к ним в гости приехал Правый Сектор, который стрелял на убой, чтобы наказать за дезертирство.

Могу только сказать, что мы стоя аплодировали. Боже, неужели нельзя так сделать, чтобы они самоустранились? Чтобы над гарью вражеских окопов пронзительный ноябрьский ветер гонял сквозь ветлы красную пыль...

Юрий Ковальчук

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Мало кто понимает степь. Конники, наследники половцев и татар, истолкли её в пыль. Великая Отечественная перемолола её. Начинила мёртвыми людьми и разорванным железом. С тех пор многие стреляли друг в друга, хороня друзей и врагов в той извечной пыли. Так есть, и так будет.

Ямал поднялся с травяной подстилки. Потянувшись, поймал пальцами несколько ветвей хвороста и бросил в огонь. Мало бросил, зато огонь ярко взобрался над поляной на самые верхние ветви. Тут же приземлился, пожирая пищу, а потом снова прыгнул вверх, хотя и не так высоко.

Ямал схватил крепкое смолистое полено и сунул его в жар. Потянулся к баклаге с коньячным спиртом. Воха инстинктивно отдёргнул руку вместе с флягой, но тут же вернул её Ямалу. Погодил, пока тот дважды выпил. Передал Джипу. Затем выпил сам.

Вместе помолчали, глотая колючий спиртовой дух и закуривая его скверными сигаретами. Вместе пожалели, что на этом веселье закончилось.

Подхватился, встает Ямал. Едва передвигая пудовыми, ватными ногами спросонья, спьяну, берётся за удило и тянет из реки. Матерится, теряя в темноту искры сигареты. Пружинится телом, подтаскивая к берегу ношу, мотает блесну...

Воха несколько раз тяжело стукнул выброшенную на сушу рыбу по голове. Она как будто ухнула, дёрнулась в агонии и затихла. Подобрали улов и бросили его в котелок. Ямал довольно сматывал снасти. Сегодня он разнообразил нехитрый ужин ухой — в котелке не только пойманная им

сейчас в ладонь длиной щучка, но и несколько пахнущих тиной линей и один окунь.

Уха поспела. Лишних тряпок не было, поэтому Ямал снял котелок с огня, схватившись за ушки посуды руками кителя. Ухая и дую на пальцы, оттащил в сторону, в темноту, остывать. Там, наконец, ударил котелком о землю так, что чуть не выплеснул жирное варево, и начал приплясывать на фоне звёзд, выделывая коленца и дую на обожжённые пальцы.

Какое-то время молча плевали в огонь. Потом, соскучившись, Воха встал и ковырнул палкой костёр. Раздвинул превратившиеся в угли седые и едва целые ветви, вывернул наружу сырой жар и начал хватать голыми руками печёную картоху.

Ругался матерно и охал, выхватывая из полымя печёные клубни. Потом опять собрал костёр. Хворостиной, как коз, согнал в кучу картофелины и зазвал остальных. Взял седоватый от золы клубень и, не глядя на прилипшие деревяшки, травинки и даже муравья, вонзил зубы в жёлто-белый горячий ароматный ад.

Ямал притащил остывшую уху. Вытащил ложку и с наслаждением набил полный рот.

— Вкусно!

Рядом, глодая горячее, отфыркиваются товарищи.

— Ещё бы соли!

— Хватит тебе!

— Хлеба передай...

Трапеза, как скорая расправа, пронеслась. Жадно рты проглотили нехитрые блага. Где-то в реке полоснула хвостом крупная рыбина. Сонно вскрикнула в зарослях горлица: «Чекушка, чекушка...» — и снова заснула. Взывала протяжно выпь....

Развалясь, опёршись на мозолистые локти, лежали они в степи, жадно впитывая взором засыпающие лоскуты огня. Тихо и страшно в степи одному. И дело тут даже не в лихом человеке... Мало кто тут живёт, в этом краю, ни разу

непонятом нашей нелепой цивилизацией.

Солдаты никого не боятся — ни Богов, ни чертей. Под руками у них автоматы, на груди обоймы с патронами. Есть подствольники и гранаты. Есть ножи в голенищах и ПМы²¹ в кожаных портупях. Есть лихая удача и готовность помереть. Есть много палой листвы врага позади. Много у них всего.

И всё равно каждому в этой первобытной степи нехорошо, неловко ночью одному. Так и хочется шмальнуть в темноту, просто чтобы развеять морок.

Зрит на них тысячью зелёных глаз степная, безмерная ночь. Трещат какие-то полевые твари. Веет ночной ветер. Да так, что ноздри полнит запах сонных, жухлых, назревших летом трав — даже хочется просто улечься и навек глаза закрыть, — так они дурманят. Медленно, тонко слыша всякие звуки, шелесты насекомых и посвист травы, отъезжали в безмолвное.

Огонь, прибитый юго-западным ветром, стелился, будто бы тёк по земле. Стало скучно и зябко от выползающей из реки сырости. Ямал поёжился.

— Джип, сходи к реке. Принеси дровишек.

Едва различимые в темноте контуры Джипа вздыбились.

— А чего я? Там темно. Не хочу я.

Воха бросил в Джипа недоеденной картошкой.

— Иди давай! Волк тряпошный!

Ямал засмеялся. Джип неохотно начал подниматься. Протянул жалобно.

— Да я там ничего не увижу...

Но свирепый Воха метнул в товарища пустой консервной банкой, и тот уныло стал надевать берцы, которые он снял, чтобы дать отдых усталым ногам и проветрить заколдобившиеся носки.

— Он, видать, чёрного ополченца боится. Потому идти

²¹ ПМ — 9-мм пистолет Макарова. Самозарядный пистолет, разработанный советским конструктором Н.Ф. Макаровым в 1948 году.

не хочет...

Улыбающееся лицо Ямала полыхнуло в огоньке спички, которой он прикуривал сигарету. Джип, заинтересовавшись, бросил развязывать тугие сочленения узлов на шнурках.

— Это что ещё за хрень?

— Да расскажи, Ямал!

Воха тоже сел. Потянулся, хрустнув суставами. Ямал согласился на том условии, что Джип принесёт дров для костра. Тот бросил бесплодную борьбу с узлами и, цепляясь расшнурованными ботинками за густую траву, скрылся в сырой темноте. Долго где-то там, в её утробе, он бродил и ругался, запнувшись о камень. Наконец, вернулся с охапкой толстых веток тополя. Бросил их рядом с кострищем. Несколько сунул в угли. Весёлые огоньки тут же принялись прыгать по древесной коре и тонким веточкам. Стало светлее, уютнее.

— Вот! На пару часов хватит! Рассказывай теперь.

Довольный Джип устроился поближе к огню. Рядом сел Воха. Ямал некоторое время хранил молчание, а затем, с места в карьер, принялся рассказывать.

— Мы тогда стояли в N. Была поздняя осень, холодная и ясная. Весь 2014 год был очень холодным — замерзали летом в окопах, мёрзли и осенью в этом несчастном селе. Населённый пункт разнесли вдребезги — целых домов практически не осталось. Жители все ушли. Осталось только несколько совсем древних стариков, которым было нестрашно и помереть. Мы же ютились по немногим уцелевшим постройкам. Ни электричества, ни связи у нас толком не было. Жили как на необитаемом острове, дичали понемногу. Только мы и враг. Украинцы стояли в одной половине села, а мы в другой. Между нами всего с полкилометра расстояния. Время от времени то они, то мы предпринимали попытки наступления, но ничего не получалось. Все позиции уже пристреляны, все окопались, как могли. Не хватало ни им, ни

нам сил, чтобы сдвинуть линию фронта. Так и сидели в ожидании неизвестно чего.

Рядом с N, в глубоком тылу, расположились блокпостом казачки. Они откололись от своих в Красном Луче, когда там совсем уж публика зарвалась и начала местных податями облагать. Стало понятно, что просто так им все эти их чудеса не простят, а потому те, у кого в голове масло ещё оставалось, быстро разбежались в стороны. Мы на них внимания не обращали — ни пользы от них, ни вреда. Стоят себе на дороге, окопы вырыли. Ну и пусть себе стоят.

Да вот беда: стали они понемногу вредить. Началось с того, что попытались нашего хряка Порошенку — это бойцы его так прозвали — увести. Мы этого хряка пуще зеницы ока берегли. На тушёнке с макаронами, сами знаете, жить можно и притом весьма успешно. Это ещё Кэп рассказывал, что когда к нему в бригаду заехали проверяющие и начали права качать, мол, больше одной банки тушёнки на бойца в сутки не давать, то он им устроил посещение передовой. Подшаманил, чтобы они там остались на сутки. И сухпайка им выдали в аккурат по банке на лицо. В итоге, когда в штаб их вернули, он им уточняющий вопрос задал: «Сколько бойцу на передовой нужно в день тушёнки?» А те давай руками махать: «Три, — говорят. — Никак не меньше».

В общем, тушёнка и крупы, это всё, безусловно, весьма хорошо, но сильно такое питание надоедает и очень хочется обычного жареного мяса. Вот и берегли мы этого хряка. Хозяева его сбежали куда-то — им в дом нормально так прилетело. Мы его и подобрали. Кормили, лелеяли, надеялись его на какой-нибудь праздник пустить в расход.

Ну и вот однажды казачки, а они у нас время от времени в гостях бывали, как-то по синей лавочке попытались Порошенку сманить. Отвязал его один умник и потащил в джихадомобиль. А хряк, скотина, свободу почуял, ну и, опять же, выиграла в нём кровь укропская, повалил этого дурака пьяного и погнал к своим родственникам — в смысле,

к украинцам на позиции.

У нас в секрете сидел тогда за «Утёсом» Вовка-Одессит. Сидит он, значит, кемарит, и тут мимо него в направлении врага пулей пролетает Порошенка. Бежит — только пыль столбом. Вовка, разумеется, понял, что это провокация и что мы вот-вот останемся без ценного ресурса. Самому шашлыка давно хотелось, ну и начал он Порошенку домой заворачивать предупредительными очередями. Пулемётчик он классный — ровно перед свинюкой насыпал. Но животное вместо того, чтобы покаяться и вернуться к нам, запаниковало и стало бегать кругами.

От всего этого шума Лёха проснулся и спросонья начал по нейтральной зоне набрасывать из АГС²². Начали рядом с предательской свиньей, пытающейся прорваться к братьям по крови, гранаты ложиться. Порошенка от страха совсем обезумел, начал в воздухе кувыряться и вообще такие антраша выделять, что и в Большом театре не увидишь.

В это время от стрельбы проснулись укропы. Решили, что мы на них в атаку пошли и, в свою очередь, открыли огонь. Понемногу начался реальный замес. Наши парни подтянулись на коробочках, артель заработала с обеих сторон, и началась самая настоящая войнушка. К чести нашей сказать, мы тогда на несколько сотен метров отогнали противника. Хорошо поработали. Порошенка успешно эвакуировался ближе к нашим позициям, и мы его подобрали. А на следующий день, чтобы он опять в перебежчика не играл, мы его распустили на шашлыки и суп. Так что, все остались довольны.

Воха и Джип, шерившиеся сквозь колючие бороды жёлтыми от никотина и крепкого чая зубами, в голос захохотали. Ямал довольно ослабил, подкурил от головни и продолжил рассказ.

— В общем, начали казачки понемногу исполнять. Им же

²² АГС — советский 30-мм автоматический гранатомёт на станке.

там скучно было, на их блокпосте. Гражданских в районе уже практически не осталось, так что свою власть показать или обилетить кого уже шансов практически не выпадало. ДРГ²³ в те степи практически не заходили — делать там было нечего, да и наша разведка работала замечательно. Короче, затосковали они по боевым действиям и начали крепко усугублять.

Стали происходить такие случаи, что они, как напьются крепко, прыгнут в свои колымаги и к нам на позиции рвутся. Приедут, постреляют, угомонятся немного и домой к себе едут. Герои, чтоб им неладно! А наши бойцы потом ещё до утра ловят «ответку» и поминают их незлым тихим словом. Понятно, что наших такое положение вещей не устраивало. Пытались мы с ними поговорить, но оно же понятно, что трезвый — пьяному не товарищ. Пока они при памяти, обещают больше так не делать. А как «накидаются» — опять к нам едут.

Как-то нашего командира это всё вывело из равновесия — после очередной «ответки» у нас было три 300-х. В итоге он дал приказ: если снова появятся эти дуралеи, оружие у них отобрать, а самих без членовредительства закрыть в погребе до утра, пока не проспятся. Через несколько дней, когда гости снова к нам пожаловали, мы так и сделали.

Отобрали мы у них оружие, немного намаяли бока с педагогическими целями, а потом закрыли в тёмном погребе, чтобы казачки там в холоде протрезвились. Они особо-то и не брыкались, но один, видать, что-то успел по рации сболтнуть своему командиру. И через несколько часов тот к нам прилетел собственной персоной.

Вот не приехал бы он, решилось бы всё по-хорошему. Промёрзли бы касатики до утра, потом бы мы их супом да чаем

²³ ДРГ — Диверсионно-разведывательная группа (ДРГ). Подразделение специального назначения, используемое для разведки и диверсий в тылу противника.

угостили, вернули бы оружие и отправили восвояси, похмеляться. Но этот пьяный идиот в невозможной папахе и с иконостасом каких-то медалек на груди, прямо из машины выскочил с матом и гиканьем, размахивая ручным пулемётом. Кричал, что всех положит, если мы ему братьев не вернём немедленно. Что-то казаку совсем дурное белочка на ухо нашептала.

А палец на курке так и пляшет! Мы его уговаривали успокоиться, упрашивали просто. Но он только орал и орал... А потом то ли оступился, то ли совсем ополоумел, но дал вдруг очередь и попал одному нашему товарищу прямо в пах. Оставил человека инвалидом до конца его дней.

Дал он очередь и застыл. Стоит, шатается, только зенки свои залитые тарашит. Я к нему подскочил и ну его прикладом в висок. Он и опал как озимые. Мы его спеленали, оттащили в сторонку и стали своих отгонять, чтобы не порешили на месте. Раненого в госпиталь повезли — слава Богу, уберегли парня, хотя детей он иметь больше не мог.

А сволочь эта быстро пришла в себя. Лежит, глазами вращает и молчит. Видно по нему: помнит он всё, что сделал. И в голове у него в этот момент проносится вся его жизнь и прокручиваются тысячи вариантов, как же ему, болезному, из всего этого маргарина живым уйти. Лежал он, лежал, а потом как завопит: «Отдавайте меня под суд! В город меня везите!». Несмотря на то, что на душе кошки скребли, многие даже засмеялись. Я ему, чтобы не шумел, тряпку какую-то в рот воткнул.

Стали мы думать, что же с ним, дьяволом, делать. В основном мнения, конечно, сходились на том, что следует его пустить в расход. Были и такие, кто предлагал всё-таки судить по закону, отправить в город. Но на самом деле этот вариант не сильно бойцов устраивал — слишком плохо тогда наши суды работали; вполне мог, стервец, уйти от ответственности. Казачков мы из подвала выпустили. Когда рассказали, что произошло, они вмиг присмирели. Стоят,

мнутся, никто и слова не сказал, а по всему было видно — жалко им своего старшего.

В общем, решение этого щекотливого вопроса нашёл наш командир. Притом такое решение, что понравилось всем без исключения. Надумал командир дать обормоту шанс. Не то, чтобы слишком большой, но, по крайней мере, реальный. Снарядили мы ему рюкзак полный взрывчатки и поставили такое условие: если донесёт «подарок» до вражеских позиций, может идти на все четыре стороны. Территория там, конечно, открытая и полностью простреливается, но небольшой шанс на успех всё-таки имеется.

Дядька, конечно, со слезами на глазах умолял нас дать ему менее самоубийственное задание, а лучше отвезти его в ближайший город и отдать под суд, но общественность задуманный квест восприняла с энтузиазмом, и возможности отвертеться у него уже не было.

Что сказать, там и сам чёрт вряд ли смог выйти сухим из воды.

Пробежал он, конечно, недолго. Хоть и пытался ползти, а потом бежал, петляя.

Толку от этого было мало, и уже через сотню метров вражеский снайпер его снял. Попал сначала в грудь, а потом, на всякий случай, в рюкзак со взрывчаткой. Здоровенная, скажу я вам, воронка осталась. А нам на позиции его голова прилетела. Мы его голову похоронили по-христиански. А начальству доложили: «так, мол, и так — героически погиб в бою с превосходящими силами противника».

И вот такая штука: через несколько дней начал на нейтралке появляться силуэт человека, ну один в один наш знакомый, только, разумеется, без головы. И мы его видели, и укропы по нему сколько раз стреляли — да что ему сделается? Позже нам батюшка заезжий объяснил, что поскольку тело его было неуспокоено, теперь оно ищет свою голову. И не уйдёт он в мир иной до тех пор, пока не найдёт её.

Позже мы укропов от N отогнали, а призрак этот стал

появляться всё дальше и дальше от тех мест. Говорят, что находит он павших бойцов и пытается примерять их головы, а если поймает кого ночью в безлюдном месте, то может и у живого человека башку оторвать...

Ямал со значением поглядел на товарищей, но Джип уже спал. Воха задумчиво курил, уткнувшись огоньком сигареты в белеющее предрассветное небо.

Выпь в последний раз заныла в камышах и улетела куда-то. Начинало всходить солнце.

Ольга Горячева

ТЮЛЬПАНЫ ДОНБАССА

Рассказ написан по реальным событиям, о реальных людях. С благодарностью...

— Алло!!!! Алло, Светка! Это я!

— Господи, Сережка... Наконец-то... Что ты? Как?

— Да все нормально, Светик! Слушай, я тут такие тюльпаны нашел! Я тебе передам их с Хомой!

— Тюльпаны? Какие тюльпаны, Сереж?! Причем здесь тюльпаны?? Ты скажи, как ты???!!!

— Да нормально я, все пучком. А тюльпаны — они офигенные! Красные с желтым, лохматые какие-то! Ты же любишь тюльпаны! Посадишь — красота будет!..

...Света любила тюльпаны. А Сережка любил Свету. Нежно и трогательно. Он вообще был добрым и открытым, этот взрослый уже дядька. Работал водителем на экскурсионном автобусе, возил туристов по Питеру.

Их брак со Светой и для него, и для нее был не первым. У каждого — по сыну и много всего за плечами. Хорошо они жили. Дружно и весело. Дачу строили, в походы ходили. Собаку вот завели. Большую. Сережка всегда хотел большую собаку. Звали по-домашнему Балбесом.

А потом... Когда объявили мобилизацию, Сергей спокойно сказал: «Позовут — пойду. Мужик я или кто?» И пошел. А Света осталась. Осталась ждать. Собирала посылки, гуманитарку, и все время ждала — звонка, весточки...

Сергея любили в роте. Он стал Батей для молодых мальчишек. Оберегал, поддерживал, помогал в бытовухе — что они могут? Пацаны, ни штаны зашить, ни ночлег

обустроить. Шутил: «Я вас еще женю всех!» И порядок наводил — слушали его с полуслова, даже голос повышать не надо было. Раз Батя сказал — значит, так и будет. На войне ведь всякое бывает.

Звонил своему Светику. Успокаивал. Никогда не рассказывал про себя — у него всегда все было «пучком»: и солнце яркое, и трава зеленая, «а птицы как поют, Свет!!!», и еда есть, и живут «как в санатории». Один раз только не выдержал... «Мы сегодня в село зашли... А там... Свет, я не знаю, кем надо быть, чтобы... Там дети... — и голос задрожал... — их в подвале месяц держали...»

Иногда пропадал надолго, бывало, неделями не звонил — нельзя. Светка места себе не находила, только еще больше работала, чтобы не думать.

Весной роту отправили под Луганск. Взвод Сергея расквартировали по домам. Хотя домами это можно было назвать условно — руины. В некоторых развалинах еще угадывались контуры строений. Где-то нет крыши, где-то стены не хватает. Но и это было жилье после долгих месяцев в блиндажах с мышами, в грязи и песке. В нескольких избах еще оставались местные, в основном пожилые люди. Настороженные, уставшие, голодные. Долго, слишком долго они так живут. Вернее, выживают. Кому было куда, у кого были силы — уехали. А куда ехать старикам, у которых вся жизнь здесь прошла, и сил-то уже не осталось?

И вот здесь, среди развалин когда-то красивейшего села, и увидел Сергей тюльпаны. Как яркие огонечки, как память о прошлой, счастливой жизни, нелепые в своей радости, они торчали у забора одного из сохранившихся домов. Сергей замер. Стоял и смотрел на это чудо посреди разрушенной жизни. В окне за занавеской почувствовал шевеление. Поднялся на крыльцо, постучал. Дверь приоткрылась. Маленькая бабулечка в белом платочке в шелку смотрела на большого мужика с автоматом. Тихо прошелестела:

— Чего тебе, сынок?

— Бабуль, а можно мне... тюльпанов накопать? Я жене отправлю, в Питер, она посадит. Она тюльпаны любит. Красивые они у тебя.

Настороженность в глазах бабули сменилась удивлением, потом в глазах заблестели слезы, скатились по морщинам.

— Тюльпаны?? Господи, конечно, сынок! Копай, миленький. Надо же... тюльпаны...

Цветы из Луганска добрались до Светы. Аккуратно, с любовью завернутые в какую-то тряпку, луковицы привез сослуживец Сережи. А через три месяца привезли Сережу. Их взвод накрыло сильнейшим минометным огнем. В живых осталось несколько человек. Сергей погиб, прикрывая собой мальчишек. Так и не успев их женить.

Война закончилась для Сергея, но не закончилась для Светы. Она не смогла оставаться в Питере. Слишком многое там напоминало о Серёже. Бросив все, уехала ближе к фронту, в Воронеж. Сняла квартиру и теперь помогает в госпитале раненым: варит им борщи, стирает одежду, держит за руку, когда совсем плохо, помогает с документами тем, у кого никого нет. Теперь она уже стала Мамой для мальчишек-военных.

А дома, на даче, у нее цветут тюльпаны. Тюльпаны Донбасса. Сережкины тюльпаны. Те, которые видел он...

Иванн Черняев

ДЕЖАВИО

Этот не по-осеннему тёплый день отпечатался в подсознании навсегда. Бесповоротно. Рано утром Кольку Соловьёва разбудил телефонный звонок. Дома никого не было, и Николаю, который лёг спать после третьей смены в полпятого утра, пришлось подняться, чтобы ответить на назойливое треньканье.

— Сынок, ты дома? — услышал он встревоженный голос матери.

— Да, дома. Я только лёг два часа назад.

— Слава Богу, а то у вас в четвёртую смену авария произошла, люди погибли, только что по новостям передали.

— А не сказали, где авария?

— Вроде на тринадцатой восточной лаве.

И у Коли по спине пробежал холодок. Это их участок ведёт работы по монтажу на этой лаве. По существу, лава двинулась уже вчера, но монтажники наводили последние штрихи, доводили до ума все коммуникации, пока машинисты настраивали угольный комбайн. А сегодня в четвёртую смену было звено Букреева, в котором работает его дружок Серёга Гапонов.

Когда Николай повесил трубку, он понял, что заснуть ему уже не удастся, сердце бешено колотилось, и, не выдержав, он схватил мобильник и набрал Серёгу. Услышав голос робота: «Нажаль, абонэнт нэ можэ прийняты ваш дзвоник», он стал собираться. Выскочив к бывшему кинотеатру «Украина», откуда отправлялись частники, сел в машину к «индусу», где в салоне уже

сидели три пассажира, и они выехали в Путиловск²⁴. На ходу позвонил жене, предупредил, чтобы не пугалась, что его нет дома.

Когда машина через полчаса въехала в Киевский район, Николай попросил водителя остановить на проспекте Задемидко²⁵ и побежал к шахте.

В фойе было не протолкнуться, это собрались родственники шахтёров, в основном матери и жёны, но в толпе было с десяток хмурых мужчин. Соловьёв, приложив пропуск к турникету, прошёл внутрь административно-банного комплекса и направился в нарядную монтажного участка. За столом сидел уставший и осунувшийся замначальника Краснобрыжий.

— Виталич, что случилось? — сходу спросил Коля.

— Попробовали запустить комбайн, и произошло проседание лавы, последовал выброс метана в верхней части, ближе к вентиляционному штреку. Тринадцать человек погибло.

— С «Букреевыми» что?

— Пятеро были на конвейерном штреке, трансформаторную подстанцию устанавливали, их вакуумной волной раскидало, но они успели включиться в самоспасатели. А вот Жека Пупченко был в лаве... Не успел. Тела уже выдали, отправили в морг. А у вас как всё прошло, никаких предпосылок в смене не было?

— Да всё у нас нормально было, газок был на пределе, но ни шума, ни треска кровли не ощущали. А с Гапоновым Серёгой что, а то он на телефонные звонки не отвечает?

— С ними всё нормально, но газку прихватили все, поэтому отправили их в больницу, прокапаться, кровь почистить, понаблюдать. Даже если доза не смертельная, может ведь и по

²⁴ Путиловск — вымышленное название.

²⁵ Проспект Задемидко — вымышленное название.

нервной системе хлопнуть, и на сердечко повлиять... Но ты на всякий случай позвони его жене, если телефон есть, успокой.

Когда Коля вышел снова в фойе, там уже появились представители профкома. Председатель Борис Фёдорович Павловский через турникет от толпы, стоя возле стены, на которой была воздвигнута большая икона Божией Матери «Скоропослушница», обратился к собравшимся:

— Дорогие товарищи, страшный выброс произошёл на тринадцатой восточной лаве пласта L1, двадцать человек отправлены в больницы города с отравлениями метаном, тринадцать рабочих погибло. Благодаря аппаратуре газовой защиты, лава была мгновенно обесточена, что помогло избежать взрыва, который мог увеличить количество жертв в несколько раз. Послушайте список погибших.

Сделав глубокий вдох, Павловский, стараясь погасить дрожь в голосе, стал зачитывать:

— Щедрин Александр...

И следом сразу в толпе раздался женский вскрик.

— Пупченко Евгений...

Вскрик.

— Волков Виктор...

Вскрик и громкие рыдания молодой женщины.

— Вершигора Геннадий...

И опять вскрик.

Николай Соловьёв не выдержал и вышел на крыльцо. Ком в горле встал — не продохнуть. Увидев на ступенях своих сотрудников, он подошёл к ним и попросил закурить.

— Ты же не куришь, — сказал Игорь Щербаков, горный мастер, протягивая Коле сигарету.

Тот вяло отмахнулся и прикурил от протянутой Игорем зажигалки. Николай не курил уже три года, но сейчас ему надо было как-то абстрагироваться от происходящего. Отвлечься горьким давно забытым вкусом дыма, сконцентрировать свой взгляд на кончике тлеющей сигареты. Только бы не видеть, как подъезжает скорая, и как из АБК два медбрата выводят под

руки задыхающуюся от крика и рыданий немолодую женщину, за которой семенил испуганный парень годков семнадцати... С непривычки от никотина голова закружилась, и Николай, испугавшись, что тут же на месте грохнетя от накатившей опьяняющей слабости прямо на ступени, отошёл в сторону и присел на скамейку. Он уже девять лет работает под землёй, но это первая крупная авария, которая произошла у него, так сказать, на глазах. Ну, бывало, гибли люди: один, два человека, но, чтобы больше десяти... Коля и сам пару раз попадал под выбросы угля и газа, но успевал включиться в самоспасатель²⁶, да и было это на крутопадающих пластах, где выбросы не такие обильные.

Немного придя в себя, Соловьёв, окинув взглядом осенний сквер, поднялся и решил пройти в инструментальную мастерскую участка — кайбаш на местном жаргоне, где у сварщиков можно было узнать подробности. Когда он прошёл через грязную проходную на территорию руддвора, возле заготовительного цеха он вдруг увидел свежесваренные из листового металла гробнички с трапециевидными обелисками, которые красил белой краской из пульверизатора молодой кайбашист. Николая это поразило до глубины души. Авария произошла буквально четыре часа назад, а здесь уже сваяли тринадцать надгробий. Конвейер смерти отлажен—как часы. И Николай пал духом, он не пошел к участковым сварщикам, а отправился в восемнадцатую больницу проведать Серёгу.

Летом 2016 года старшина Соловьёв выехал на передовую. Его родной посёлок Глубокая, что на окраине Горловки, самой западной улицей Ясной выходил на бывшее колхозное поле, которое сейчас было застроено дачными домиками. А туда

²⁶ Самоспасатель — индивидуальное средство, предназначенное для защиты органов дыхания и кожи человека от отравляющего воздействия продуктов горения, токсичных или химических веществ.

дальше начиналась зелёнка. Отсюда, от руин городской больницы номер пять, парни из разведроты отправились проверить, где находятся позиции противника. Час назад их разведгруппа попала в засаду под Фенольной. Трое из пятерых отступили, но двое погибли. Хотя один возможно только ранен, по крайней мере, Саня Хамза, видел, как Андрюхе Тертычному через глаз прострелили голову, а вот Игорь Дудкин, может, просто затихарился, и, когда они отступали, он не подавал признаков жизни.

Соловьёв учился с Тертычным в одной школе, тот был на год его младше, после школы закончил лесотехникум и работал егерем в их промышленном городе, со всех сторон окружённого буерачными лесами и искусственными лесополосами. Андрюха один из первых в их школе, кто вступил в ополчение, причём сначала, целых два месяца, воевал со своим стареньким дробовиком, пока в одной из стычек не отобрал на поле боя автомат у погибшего вояка.

— Не разглядели, кто это были? — спросил Николай у Хамзы. — ВСУшники или добробатовцы?

— Нет, не видели.

— Если ВСУшники, стоит попробовать забрать тела пацанов, но, если добробатовцы, те уже уволокли погибших, наглумились над трупами, да уже закидали где-то землёй, почистив все карманы, — хмуро размышляя вслух, пробормотал Соловьёв.

— Сейчас стемнеет, попробуем подползти туда, — сказал Саня, — я пойду, Виталик «Пупс», Серёга Паротя и надо ещё кого-то четвёртым.

— Нечего гадать, — сказал Николай, — я буду четвёртым.

Когда солнце село, четвёрка разведчиков отправилась попластунски на место перестрелки. Через полчаса Виталик уткнулся в ботинок убитого Андрюхи Тертычного, автомат его валялся рядом, значит это были ВСУшники, которые побоялись выходить из лесополосы в поле. Вдруг чуть правее раздался стон, Паротя подполз туда, откуда были

слышны звуки.

— Игорь, — шёпотом сообщил Серёга и поднял большой палец вверх, значит, живой.

Забрав пацанов, поползли назад, через три четверти часа они уже были во дворе полуразрушенной десятиквартирной двухэтажки. Сходу Дудкина отнесли в скорую, которая помчалась в больницу, а тело Андрухи погрузили в кузов «бычка» и отправили в морг. Парни из разведроты двинулись в казарму, которая располагалась в бывшей шахтной общаге в центре посёлка. Когда Соловьёв с командой зашли на периметр, первое, что ему бросилось в глаза в тускло освещённом дворе — две свежесваренные из листового металла гробнички с трапециевидными обелисками. Николая просто захлестнуло волной дежавю. И в горле опять стал ком, как десять лет назад. Он подошёл к двум свежим памятникам, коснулся рукой одного из них, металл был ещё тёплый.

— Это вы поторопились, — сказал он вслух, обращаясь не пойми к кому, — шалите, Игорь жив!

И повернувшись в сторону Дзержинска, он скрутил кукиш и ткнул его в ночное небо.

— Хрен вам!

Александр Следков

НАЗАВТРА

— Останови здесь.

— Проедем дальше, до самого дома.

— Хочется пройтись.

— Может, и я с тобой?

— Пожалей сапоги. Где, кстати, ты их покупала?

— В Милане.

— В аутлете?

— Я не посещаю аутлеты.

— Прости.

— И всё-таки...

— Езжай, сестрёнка. У тебя и так куча дел. А я пройдусь потихоньку, а через часик зайду к нашим. И тётю Тоню проведу.

— Ты позвонишь, когда за тобой приехать?

— Не надо. Меня или отвезут, или оставят.

— Смотри, не очень...

— Уж как получится.

Он вышел, подождал, пока она развернётся и помахал вслед набирающей скорость машине.

Улицу за полвека так и не переасфальтировали, просто досыпали щебнем. Он знал её с раннего детства и помнил, как грунтовку сначала замостили крупным булыжником, а лет через шесть закатали поверх асфальтом, ныне частично ушедшим под землю и местами выступавшем из-под неё разновеликими островками.

Посёлок ещё не вымер, но после того, как в конце девяностых шахту закрыли, быстро пришёл в упадок и

потускнел. Потомки тех, кто успел на закате Советской власти отстроить каменные дома, так в них и жили, а наследники деревянных строений поужезжали, продав их за бесценок или попросту бросив, и они обветшали либо разрушились вовсе. Заработков, достаточных для подправки, ремонта и содержания, не стало. А потом ещё и новая власть не нашла ничего лучшего, чем стрелять по своим, и её пришлось образумить...

Заметив между кронами деревьев голову памятника, он свернул вправо и вышел к крохотному скверу, в детстве казавшемся ему большим. Ленин стоял на том же двухметровом постаменте, так же указывая направление, по которому раньше находился пивбар, но уже ничего не олицетворял. Цифры и буквы слились с тёмно-серым базальтом, а прямоугольная клумба и скамейки, стоявшие ранее по периметру сквера, исчезли.

В последний раз он был здесь без малого четверть века, после чего сестра забрала маму в Донецк, выкупив соседнюю квартиру, хозяева которой перебрались в Россию. Их деревянный дом, стоявший за три улицы от сквера, она по тем временам довольно выгодно продала, главным образом, благодаря участку в двенадцать соток, так что доплачивать за квартиру пришлось относительно немного.

Он, было, собрался пойти туда, но передумал. В любом случае это был уже не его дом, куда, учась в медицинском, он ежегодно приезжал на каникулы, а потом в отпусках, привозил на лето своих сыновей-погодков, и каждый раз занимался починкой забора, крыльца, крыши, погреба, печки, колодца, вскапыванием грядок и прочими хозяйственными делами, после чего возвращался в Питер с чемоданом и абалаковским рюкзаком, набитыми стеклянными банками с соленьями и вареньем.

Вновь оглядев сквер, он вспомнил, как каждое седьмое ноября жители посёлка, организованные местной партийной ячейкой, приносили к памятнику цветы и, выслушав несколько

пафосных речей и маршей, воспроизводимых самодеятельным духовым оркестриком, игравшим на праздниках и похоронах, возвращались к заранее накрытым столам. Вспомнился и забавный эпизод, когда шахтёры, прознав про то, как директор продуктового магазина умудрялся по ночам воровать возложенные цветы и вывозить в ближайший райцентр, сдавая оптом на рынок, смогли убедить его, а убеждать они умели, компенсировать Ильичу флористическое жертвоприношение в объёме, полностью закрывавшем постамент и ноги вождя по самое огого.

Директор, предварительно выпросив неделю на процедуру продажи собственного автомобиля, шахтёрскую просьбу исполнил.

Шахтёры в посёлке держали масть сурово, но справедливо, полностью искоренив какие-либо правонарушения за исключением драк, да и то, проводимых по-честному: стенка на стенку или один на один. Время от времени среди местной пацанвы ходили слухи о том, как кого-то из залётных, проявившего особую борзость и неуважение, вылавливали ниже по течению местной речушки, но, скорее всего, это были попросту слухи, поддерживавшие горняцкий авторитет.

От шахтёрской выработки в посёлке зависело всё. Они трудились на огромную страну, отдавая здоровье и жизни, а люди в посёлке— на них. Воспитательницы мелюзги и учителя, сотрудники столовой и парикмахерской, Дома культуры, кафе и пивного бара, куда шахтёры, отмывшись после смены, направлялись перед тем, как идти домой.

К их появлению столы накрывались белоснежными скатертями и салфетками, стаканы и кружки перебивались до кристальной прозрачности, залежавшаяся закуска убиралась и взамен её на лотки выкладывались свежие бутерброды с колбасой, сыром и килькой.

В пивбаре шахтёры надолго не задерживались, выпив по стакану водки, по паре пива и, слегка закусив, они расходились. Дома добавляли редко, по случаю, предпочитая

отдыхать трезво, поскольку назавтра предстояло чуть свет вставать и, забрав приготовленную жёнами и матерями еду, отправляться в забой. Похмельных в шахте не уважали и в случае двукратного рецидива аккуратно вытесняли на белый свет для менее ответственной и гораздо менее оплачиваемой работы.

Своих шахтёров в посёлке знали поимённо, а не своих, встретившихся где-либо в другом месте, например, на южном курорте, легко узнавали по казавшимся подведёнными глазам, вокруг которых в кожу навеки въелась угольная пыль...

Перекурив, он направился к дому друзей. Они и раньше навевались в Донецк, согласовывая своё появление с его приездом, приглашали к себе, а он по каким-то причинам в посёлок до сего дня он так и не выбрался.

Их семьи сблизилась, благодаря матерям, фронтовым медсёстрам, Тоне и Зое, которых война повязала друг с дружкой кеггутовыми нитями, затянувшими военные невзгоды и раны так, что о них никогда вслух не вспоминали.

Мужья Тони и Зои тоже дружили, хотя плотно общались нечасто, приблизительно раз в две-три недели, в первый из редко совпадавших у обоих выходных. Тот, кто в данный день являлся хозяином, доставал из погреба и собирал с огорода нехитрую закуску и накрывал в летнем домике стол. Гость заявлялся к полудню с женой и тоже не с пустыми руками, заходил в дом, здоровался, сидел для приличия несколько минут и по сигналу хозяина следовал за ним, удаляясь до позднего вечера, до наступления которого из домика изредка раздавались приглушённые матерные восклицания.

Работали оба много и померли рано, едва перевалив за шестьдесят, а вот жёны их задержались надолго, почти на половину отведённого мужьям срока. Зоя вырастила Анатолия и Людмилу, а Тоня — Надежду, вышедшую замуж за одноклассника Серёгу. Вчера на поминки они приехали

семьей, привезя дочку Катю, её мужа Ваню и внучку — Тоню-малую...

Он перегнулся через калитку, отодвинул рычажок щеколды и вошёл.

Надежда, заметившая его через окно, распахнула дверь и впустила, убрав за спину влажные руки.

Анатолий приобнял её, набросил пиджак на крюк вешалки, сменил ботинки на поданные домашние тапки и прошёл в кухню, где увидел Катю, шинкующую какую-то закуску, и её дочь, едва достававшую руками до столешницы, но тоже принимавшую участие в подготовке трапезы.

— А где мужики? — немного разочарованно спросил он.

— Так они же на службе! — удивлённо ответила Катя. — Но их отпустят пораньше. Ванька звонил, сказал, будут часам к четырём. Хочешь пока чего-нибудь перекусить?

— Нет, дождусь. А где тётя Тоня?

— Где и обычно, — тихо произнесла Надежда.

Он знал, что Тоню давно парализовало, и она лежала без движения и речи. Родня, вынужденная свыкнуться с её состоянием и появившимися собственными обязанностями, конечно, хронически устала, но Анатолий никогда не слышал от них в очных или телефонных разговорах ни одного осуждающего или хотя бы ироничного слова.

— Пойдём, — Надежда вытерла руки о передник и провела его сквозь гостиную с раздвинутым и уставленным приборами столом и небольшую спальню в комнатку, светлую благодаря широкому, закрытому тонкой кружевной занавеской окну.

Примерно треть площади комнатки занимала односпальная кровать, на которой почти неприметно лежало ссохшееся тельце, закрытое до подбородка лёгким одеялом в бежевом пододеяльнике. Рядом, на лакированной деревянной тумбочке, стояли стакан и графин с водой, а на бельевой тумбе, придвинутой к противоположной стене, — синяя керамическая ваза с осенними цветами.

Анатолий подошёл вплотную к кровати, задев ногою пластмассовую больничную утку, и вгляделся в старушечье личико, постепенно узнавая в нём знакомые с детства черты маминой подруги.

Тётя Тоня лежала недвижно, с закрытыми глазами, но дышала ровно и глубоко.

Он чуть приподнял одеяло и накрыл ладонью её едва тёплую и крохотную, как птичья лапка, руку.

Тоня никак не отреагировала, и Анатолий медленно отступил на полтора шага.

— Давно она так? — прошептал он.

— Года уж два, — довольно громко произнесла Надежда.
— Ты говори нормально, она ничего не видит, не слышит.

— Принеси стул, я посижу с ней.

— Хорошо, — она выскользнула в спальню, вернулась, держа двумя руками дубовый резной стул, принадлежащий довоенной эпохе, и молча исчезла.

Анатолий осторожно сел и устался на старушечий профиль со впалыми щеками и одинокой сиреневатой жилкой на виске, затем перевёл взгляд на окно, но ничего за ним не увидел.

Вспомнились брошенные дела, и он принялся по памяти распределять их по дням предстоящей рабочей недели, но без оставленного в Питере еженедельника быстро запутался. Его смартфон лежал в кармане пиджака, и всё равно при тёте Тоне пользоваться им было бы неправильно.

«Завтра разберёмся», — подумал Анатолий и вдруг осознал, что ни на девять, ни на сорок дней в Донецк приехать не сможет. Возможно, на годовщину...

Накатило сиротское горе, осознание безвозвратной потери самого главного, без чего дела, о которых только что вспоминалось, не значили абсолютно ничего.

Он сморщился, будто от боли, как говорила в детстве мама, «сгрибился». Из правого глаза неожиданно выкатилась слеза и медленно поползла к подбородку.

Анатолий смахнул её запястьем и растёр ладонью по невыбритой скуле.

За дверью раздалось громкие голоса, женские и мужские. Значит, Серёга и Ваня вернулись.

Он встал, глянул на неподвижное тельце размеренно дышавшей тётки Тони и вышел...

Сидели неторопливо. Еды женщины настряпали на целую роту, хотя зимних заготовок ещё не делали, а старые давно закончились. Кто ж знал?

После перекура подали свиные голяшки, вываренные в пиве до желеобразного состояния, уничтожившие на корню малейшие признаки опьянения, хотя выпито было изрядно.

Во время очередного тоста, произносимого им, в гостиную вбежала предоставленная сама себе Тоня-малая, которой было скучно за взрослым столом, и что-то нашептала в материнское ухо.

Катя быстро встала и вышла, но тут же вернулась и, стоя в проёме двери, жестом позвала Анатолия.

Он поднялся и проследовал за ней через спальню.

— Кажется, бабушка не дышит, — растерянно произнесла она. — Посмотри, пожалуйста, я боюсь маме сказать...

Анатолий подошёл к кровати.

Тётка Тоня, действительно, не дышала, пульс на запястье и шею не прощупывался.

— Надо срочно реанимобиль, — сказал он.

— Какая реанимация? У нас и врача-то давно нет! — с надрывом ответила Катя.

Словно по команде, в комнатку протиснулись остальные, замерли на несколько секунд и бестолково засуетились.

— Посмотри, Толик, — проскулила прижавшая к нему Надежда, — Может, жива?

Анатолий повторно проверил пульс, приподнял верхнее веко и увидел помутневший расширенный зрачок, опустил и вновь поднял веко. Зрачок оставался широким.

— Умерла.., — констатировал он и, не зная, что делать, повернулся к хозяевам, заметив на лицах смесь горя и облегчения.

Вдруг, будто обязанности были заранее распределены, все начали действовать. Катя увела дочку на второй этаж дома. Иван дозвонился до райцентра, откуда часа через три на одном автомобиле приехали фельдшер и участковый, Сергей обзвонил ближайшую родню, а Надежда быстро перенесла на кухню остатки трапезы, куда время от времени стали наведываться мужчины, включая и вновь прибывших.

Анатолий сообщил сестре, что остаётся, но причины называть не стал, боясь, что она запрыгнет в машину и погонит на предельной скорости, что за ней водилось и ранее. Но она, словно почуяв недоброе, перезвонила Надежде и примчалась за ним поздним вечером...

Обратно ехали молча. Только перед самым Донецком он, пытаясь найти хотя бы какое-то обоснование необъяснимому, заговорил:

— Я вот всё думаю, и никак не могу понять, что же держало Тоню на этом свете? Два года в таком состоянии, без движения, зрения, слуха... И родные измучились. Она, конечно, этого не осознавала...

— Мама, — коротко ответила Люда.

— Наша мама?

— Да.

— Ты её к ней возила?

— Сначала возила, сперва где-то раз в месяц, потом реже.

— И что мама?

— Мама просто сидела и смотрела на Тоню. Потом пила со всеми чай, и я её забирала. А в последний год, сам знаешь, она уж и сама почти не ходила. Хотя и просилась. Я даже хотела обмануть. Сказать, что померла. Но язык не повернулся. Да она и сама что-то чувствовала.

— Мама?

— Да, мама.

— А Тоня?

— И Тоня тоже.

— Ты хочешь сказать, Тоня что-то понимала?

— Наверное. А когда мама отмучилась, ушла за ней. Будто её позвали.

— Через четыре дня?

— А знаешь, почему не сразу?

— Почему?

— Тебя дожидалась. Знала, что ты придёшь.

— Но я и сам-то не знал.

— Никто не знал. Кроме неё...

Следующий день Анатолий провёл в Донецке. Тонины похороны назначили на завтра, но назавтра ему предстояло добираться в аэропорт.

Иван Карасёв

КОТЛЕТЫ ОТ ЖЕНЫ

— Вот, котлетки возьми, я для ребят приготовила. Пусть покушают домашних, а то там у них, наверное, одна каша с тушёной.

— Ну что ты придумала! Как я ещё и котлеты повезу! У меня и так всё купе сумками и коробками заставлено будет!

— Бери, бери! — в голосе жены Петровича появились требовательные нотки, маленьким кухонным полотенцем она вытерла руки, прорезанные синими ручейками жилок, и продолжила. — Сам говорил, что с едой у них не очень.

— Да как не очень, придумаешь тоже! Нормально они питаются, не зима сорок первого года. Вся страна их снабжает.

— Снабжать-то снабжает, а вот сам только что сказал, сколько коробок везёшь. Не всё-то государство им даёт! В общем, бери, я что, зря старалась? Мне эти котлеты неделю есть придётся, из ушей полезут. Сам в дороге поешь и ребят угостишь. Знаешь, как они довольны будут, солдатику что-то домашнее всегда в радость. Смотри, я вон в маленький контейнер тебе положила шесть штучек, как раз завтра на обед и на ужин, а ребятам в большой, там штук пятьдесят, а то и больше. Бери, а то обижусь, одной коробочкой больше, одной меньше. Всё утро старалась. Пока ты носился по своим делам, я тоже без дела не сидела. В общем, никаких разговоров, бери, и точка!

Ирина выпрямилась и грозно, исподлобья, смотрела на мужа. В ней проснулся завуч школы, хоть и на пенсии, но учителя, как и полицейские, бывшими не бывают. Петрович немного растерялся: съёжился под грозным взглядом супруги, словно уменьшившись в размерах, и от осознания

беспомощности — чтоб хоть чем-то занять руки — почесал за ухом. Понял, сопротивление бесполезно, иначе семейного скандала не избежать. Когда дело касалось кухонных талантов и достижений жены, противоречить ей не следовало, себе дороже. А котлеты ему, признаться честно, уже изрядно надоели, жена жарила по сковородке едва ли не каждый день, и зачем-то картошку в фарш добавляла. Она считала, так нежней. К тому же в поезде Петрович собирался навестить вагон-ресторан и раздавить там сотню-другую граммов под кусок хорошего, натурального, не пережёванного мясорубкой, стейка без всяких дурацких добавок в виде пюре или давленных яиц с луком. Купе закрыть на карту (цивилизация!), и все дела. А там, может, и компания найдётся. Провести за рюмкой чая часок-другой с хорошим собеседником особо приятно, когда тебе полтора суток трястись в вагоне.

«Ладно, — подумал Петрович, — в вагоне все котлеты сгребу в один большой контейнер, там хватит места, и всё ребятам презентую. Наверное, им и вправду приятно будет нестоловской жратвы навертуть». И послушным жестом Петрович показал жене на жерло своего дорожного рюкзака, мол, клади туда, в общую кучу, я разберусь.

Сергей Петрович уже в третий раз ехал в зону боевых действий. Он не считал это подвигом, но, как говаривал самому себе, что-то героическое в этом есть, особенно в его семьдесят с гаком лет. В такие годы иной с постели-то встаёт лишь по большой нужде, а Петрович, словно юный узбекский доставщик пиццы резво грузился в вагон поезда и нёсся дальше со скоростью южного экспресса. Он вёз туда всё, что мужики просили, чего не могло поставить в достатке военное ведомство. А оно не могло поставить много чего. Нет, конечно, на втором году СВО материальное снабжение сильно улучшилось, но всё равно массы вещей не хватало: самых нужных, которые жизни спасали солдатские и врага злее били. Да чего там говорить, главным дефицитом на фронте была обычная питьевая вода. Не в цистернах, конечно. Потому как

только дурак повезёт воду в цистерне — это же такая хорошая мишень. Не хватало водички в бутылочках для индивидуального потребления. Но воду, естественно, из Питера не грузили, помогали местные, донбасские и ростовские старались. Кто за деньгу, всё же небезопасное предприятие, всяко может случиться, ну а кто за просто так, чтобы нашим помочь. Но всё, что подороже, возили, как правило, издалека.

Вот и Петрович в своих коробках и котомках чего только не тащил на фронт. «Таскаю, — усмехался частенько он про себя, — раньше тащили с работы, а теперь наоборот, из дома, да из собственного кошелька тащим».

Но, конечно, лишь своими семейными кошельками он бы не умылся. Один билет на четыре места в запруженном коробками купе, чтобы никого не подсадили, чего стоил — чуть ли месячная пенсия бывшего подполковника. Помогали добрые люди, друзья, знакомые и просто те, кто сам искал надёжный канал. На миллион с лишним всяких нужных прибабасов «тащил» Петрович: от шибко дорогих, что сам бы в жисть не купил — беспилотников и тепловизоров — до рюкзачков специальных для санитаров, чтобы солдатиков раненых спасти сподручнее было...

Котлеты паковали сообща, жена подсказывала, как правильней уложить шмотки и лучше поставить контейнеры с деликатесами, чтобы, не дай Бог, не потекли жиром по свежевывстиранной смене белья и свитерку, взятому на всякий случай.

— Ну, Серёженька, поосторожней там! — Ирина махнула рукой в какую-то неопределённую сторону и прильнула к мужу. — Береги себя! На передовую не лезь, куда тебе в твои годы! И да, котлеты не забудь отдать, а то я тебя знаю! Обязательно передай! — в голосе жены снова проснулись суровые нотки.

— Ну что ты! — успокаивал супругу Петрович. — Что ты! Всё нормально будет. Всё сделаю. Обязательно! Не нервничай

понапрасну. Слушай, ребята уже приехали, ждут внизу. Машина под завязку, выгружаться долго будем. Пора мне, — Петрович аккуратно отстранил Ирину, не забыв чмокнуть её в щёку и двинулся к двери, — всё-всё, я пошёл, из Ростова напишу.

Из Ростова надо было написать не только жене, многие ждали новостей от него: дочка, друзья и, само собой, те, кто вверил ему ценный груз. Всем не терпелось узнать, как он движется в нужную точку.

А в поезде после суматошной загрузки его коробок да котулей делать было нечего, аппетит тоже не давал о себе знать, и Петрович отложил взятую в дорогу книгу, устроился поудобнее и уснул. Подумал, засыпая: «Хоть здесь отосплюсь». Следующий день — длинный и нудный, за окном мелькали обычные российские пейзажи: леса, перелески, поля, деревни с пыльными дорогами и редкие города с многоэтажками и запруженными асфальтовыми магистралями.

Завтрак полагался ему по билету, он проглотил блинчики с жиденьким шлепком сметаны (как украли!) за пять минут. Сытость не наступила, но в животе не урчало. Обед представлялся куда более интересным. Чем ещё в поезде заниматься, кроме чтения книг или отгадывания кроссвордов, как не поеданием традиционной курочки в дорогу под звон импровизированных рюмок. Но курочка в дорогу Петровичу не грозила, вместо них котлеты лежали в сумке, и соседей по купе — ноль. Поэтому уже в полпервого он сидел в вагоне-ресторане. Однако пришлось делить стол с мамашей и её капризным карапузом годиков трёх. Неинтересная компания, Петрович скоренько пересел за другой столик. Официально, чтобы не мешать мамаше в кормёжке крикливого чада, им для сей процедуры почти вся поверхность стола требовалась. А на самом деле — из желания просто поболтать с человеком, скучно ведь одному в дороге!

Но и новый напарник оказался неудачным, с ним не то что по рюмахе махнуть, парой слов перекинуться невозможно было. Сидел весь в себе, уткнувшись в журнал, и даже глаз на соседа не поднимал. Время от времени лениво совал в рот картошину жареную, и всё.

Но Петрович не унывал, нет компании, значит, в одиночку, без болтовни пустопорожней, пропустил пару рюмок под аппетитный кусок мяса с гарниром, и в купе. Всё же ценный груз везёт на фронт, а не в Сочи загорать и на баб пялиться. Может, оно и к лучшему, что без большого застолья обошлось. Поэтому вечером Петрович в ресторан даже не пошёл, ну его, уж лучше в окошко глядеть, да книжицу почитать. А водочки он всегда успеет попить. Тут и котлетки от жены пригодились. Выходит, зря он отбрыкивался. «Всё же женщины порой бывают намного мудрей нас, мужиков», — рассуждал Петрович, жуя ароматные (жена чесночка и специй не пожалела) произведения кухонного искусства своей благоверной и запивая их традиционным поездным чаем из стакана в фигурном подстаканнике.

За чтением домашние котлетки незаметно уменьшались в количестве, а вот и вовсе кончились. Но в животе ещё пустовато было, всё ж таки люди не напрасно гарнир придумали, хоть и мало толку от него, зато желудку работа, и чувство сытости приходит. Некоторое время Петрович боролся с собой, но потом не выдержал, достал большую ёмкость с творениями жены, вытащил оттуда пару штук и сразу засунул контейнер обратно в рюкзак, да на самое дно, чтоб nepовадно было снова тащить. Совесть мучила, такое ощущение, словно украл, и у кого? У своих ребят, которые там жизнь не жалеют за Родину, а он у них две котлеты стащил. Хорошо ещё Ирина не узнает! Но Петрович довольно быстро нашёл себе оправдание: он же не водку ими закусывал, он ребятам ценнейший груз везёт, выходит, значит, логистические расходы. С этими мыслями Петрович отложил книжку, выключил свет и уснул.

Но сны ему снились тревожные. То он ехал в «буханке» для раненых, но совсем один, и даже водитель сидел непонятно где, а вокруг рвались снаряды, кружили дроны и всё норовили бросить ему гранату прямо в ноги, словно крыши у «УАЗика» не было вовсе. То он никак не мог довести котлеты до ребят, а жена, которая время от времени появлялась рядом, укоризненно качала головой и произносила назидательным тоном: «Эх, Серёжа, Серёжа!» То он внезапно обнаружил, что в одно лицо сожрал почти все котлеты, а в самом конце выяснилось, что сожрал их не он, а хуже того, какой-то «хохол» с усами как у Тараса Бульбы. Сlopал, сволочь, да ещё посмеивался ехидно: «Ну, дюже дякую тобі, Сергей Петрович, за воспомоществование украинской народной армии!»

С образом этого хохла в своём воспалённом воображении Петрович и проснулся: сердце стучит, будто стометровку пробежал, а на лбу холодный пот. Рука первым делом потянулась к рюкзаку. Нащупав в нём заветный контейнер, он немного успокоился, протёр глаза, нажал на кнопку лампочки и оглядел своё хозяйство. Всё стояло на своих местах: и беспилотники, и тепловизоры, и коллиматорные прицелы, и всякое барахло, ненужное в обычной жизни, но очень востребованное на фронте. Можно было спать спокойно, и, поворочавшись с полчаса, всё-таки сразу после таких треволнений нелегко отключиться, Петрович снова очутился в плену у Морфея. На этот раз сон его был спокойным и ровным, при пробуждении ему даже показалось, что он проснулся точнёхонько в том же положении, что и уснул. И холодного пота на лбу не заработал. И до Ростова почти доехал, ещё тёр глаза — сработал внутренний будильник, когда в купе постучала проводница: «Вам чаю принести? Ростов-на-Дону через тридцать минут». Рань несусветная, пять утра, поспать бы ещё, но надо вставать!

В Ростове его встретили, ребята не подвели. Обнялись и сообща, дружными усилиями, очистили купе от коробок и сумок. Ещё пять часов на машине — и ценный груз во главе

с Петровичем доставлен на тыловую базу энской бригады.

— Здорово, Сергей Петрович! — приветствовал его знакомый комбат. В прошлый раз он был с батальоном на передовой, но на передаче «товара» появился, там и познакомились. — Рад тебя видеть, да ещё с такими подарками! Спасибо, спасибо, дружище!

От крепких объятий массивного подполковника у Петровича едва не хрустнули косточки, он ойкнул, но сумел выговорить:

— Приветствую, Александр Василич! Чем можем, вы уж не обижайтесь, коли чего не довели, не достали. Дефицит нынче!

— Не скромничай, за всё спасибо, тебе, товарищам твоим, которые груз собирали, и всем-всем, кто помогал деньгами и товаром. Но к этому мы ещё вернёмся, и торжественную передачу оформим, заснимем, всё чин-чинарём, а пока давай-ка в наш штабной блиндаж. Тут всё же ЛБС недалеко, даже слышно иногда, поэтому мы маскируемся, в деревне не квартируем. От греха, что называется, подальше. Мы в лесополосе обустроились. Давай, пошли, дружище. Там уже водочка остыла, заждалась.

Комбат потащил Петровича между двух рядов стройных ясеней, продолжая свой монолог:

— Тут, видишь, дроны, случается, прилетают, у хохла всё же разведка налажена, мы их сбиваем, но бережёного Бог бережёт, под землёй надёжнее, и не на виду у всех. Кого попало к себе не пускаем, а то, сам знаешь, всякие людишки встречаются. Другой за пару тысяч рублей наводку противнику даёт. Ему наводку, а себе — на водку! — хохотнул подполковник.

Минут через десять они устроились в тесном блиндаже, быстро стянули карты с единственного стола, достали пузатую бутылку с 0,75 литра ценной жидкости. Петровичу досталось место у самой двери, всё же помещение не было рассчитано на такие застолья. Зато ему, как гостю, выделили единственный в блиндаже стул с нормальной спинкой, его

несколько дней назад притащили из разбитой хаты. Для закуски один молодой солдатик из караула принёс нарезанный хлеб и колбасу, но Петрович замахал руками:

— Не надо, у меня от жены поручение важное, вот! — он достал из рюкзака контейнер с котлетами. — Жена старалась, сказала: «Не возьмёшь — домой назад не пущу! Обязательно накорми ребят моими котлетками!»

— Ну, кто ж откажется от такого! — глаза комбата аж заблестели от предвкушения. — Сейчас-сейчас, давай, Вася, помогай, — обратился он к начштаба.

— Может, разогреть надо? — робко предположил Петрович.

— Да ну, ни к чему, домашние котлетки в любом виде хороши!

И они втроём стали раскладывать хлеб и Иринин деликатес по тарелочкам. А у Петровича как гора с плеч свалилась. Словно передать эти котлеты для него было так же важно, как и всё остальное, то, что жизни бойцов спасает. Задание жены выполнил. Всё — совесть спокойна! «Может, заснять это дело? — мелькнула мысль, но он тут же осознал комизм этой идеи, — к чему из себя подкаблучника делать? Я мужик или кто? Будто главное дела у меня не было тут! Ещё чего не хватало, поверит и так. Главное — довёз, а надо будет, ребята подтвердят, да они сами наверняка ей что-нибудь напишут, благодарный народ, не какие-нибудь зажавшиеся академики военно-тыловых наук».

Но тем не менее Петрович внимательно следил, чтобы всё по справедливости было, и попросил комбата отложить угощение хотя бы караульным: «Василич, ну они ж молодые ребята, им, небось, всё время жрать хочется!» В ответ тучный подполковник хохотнул: «У них со этим всё в порядке, им не жрать, им бабу хочется!» Сам Петрович, хоть и слюнки текли, особенно после первой рюмки, наотрез отказался участвовать в поедании яства, совесть заела за съеденное в поезде, сказал, дома объелся ими. Ограничился хлебом с колбаской. После

водочки и обычная магазинная колбаса в радость идёт! В общем, застолье началось хорошо, котлеты, конечно, имели бешеный успех, и комбат, и начштаба, и зам по строевой уплетали их за обе щёки, комбат даже притормозил сослуживцев:

— Мужики, правда, караулу надо оставить. А ты, Петрович, жене от нас персональную благодарность передай! Эх, вот русская женщина, она всегда о бойцах не забывает! Давайте-ка за супругу Петровича выпьем! И стоя, мужики, стоя! Как величать-то жену, Петрович?

— Ира, — выпалил Петрович, и поправился сразу, она всё же бывший завуч, — Ирина Николаевна.

— Вот, — продолжил комбат, — за Ирину Николаевну! Повторюсь, стоя! Петрович, а тебе отдельная благодарность, отдельное спасибо, довёз ценный груз.

— Да что ты, Алексан Василич, я-то тут, можно сказать, ни при чём, — Петровичу вдруг стало неловко за то, что он до сих пор относился к жениной передаче как к её капризу, что тяготился этим поручением своенравной жёнушки. А котлеты-то, оказывается, вон какой успех имеют!

— При чём, при чём! — не хотел уgomониться комбат. — При котлетах! Дай-ка дорогой, обниму тебя, ну, пододвинься поближе, что ты там прилип что ли? Вот сюда, здесь мы с тобой обнимемся.

Подполковник указал на место между столом и укрытой матрасом низкой лежанкой для дежурного по батальону. Петрович нехотя выскребся со своего края стола навстречу комбату, протянувшему руки для объятий.

И тут случилось то, что обычно в книгах называют непредвиденным. Раздался невообразимый грохот, входную дверь разорвало в клочья, повсюду полетели деревянные ошметки, и что-то больно вонзилось в левую руку Петровича. Кто-то вскрикнул, кто-то успел произнести одно, но ёмкое слово, и в довершение всего погас электрический свет. Правда необходимости во внутреннем освещении уже не

было — через дверной проём легко пробивались лучи южного солнца.

— Все живы? — будто откуда-то из другого мира послышался бас комбата. Он отряхивал с себя осколки лампочки.

— Да вроде все, — подал голос начштаба.

— А кто кричал?

— Да это мне по башке кусок двери въехал, — признался зам по строевой, — больно, зараза, шишак хороший будет.

— А ты, Петрович?

— Я нормально, только две занозы руку покровянили несильно.

— Да, повезло нам, караульному тоже, он наверху, — хмуро заключил комбат, глядя на растекавшуюся из разлетевшейся вдребезги бутылки водку, — только вот водку теперь разве что нюхать придётся. Надо ж, ценный продукт загубили, сволочи, выследили всё ж таки, и наши ПВОшники-РЭБовцы проспали, сучьи дети!

— А больше всех повезло Сергею Петровичу, — заметил зам по строевой, — гляньте на спинку его стула.

Все посмотрели на то, что ещё минуту назад было самым удобным сиденьем в блиндаже и охнули. А у Петровича опять выступил холодной пот — посередине спинки из массивного дерева зловеще зияла причудливой формы дыра. Осколок пробил дверь, затем спинку и впился в край стола.

Потом нашли другие осколки — на стенах блиндажа и на потолке, но именно этот должен был прошить Петровича насквозь, и он вряд ли бы смог обняться не только с гостеприимным комбатом, но и вообще с кем бы то ни было, особенно со своей Ирой. Должен был прошить, кабы не котлетки, из-за которых он почти против воли покинул насиженное место за столом. «Вот тебе и котлеты от жены. — заключил командир батальона. — На таких жён молиться надо, теперь, Петрович, тебе в каждую поездку надо брать котлеты Ирины Николаевны!»

А Петрович мысленно поблагодарил Бога, судьбу и, конечно, свою Иру: «Вот почему жён своих мы должны как Родину любить, и, в самом деле, молиться на них, как на Богоматерь. Они ведь тоже матери, родные наши! Что бы мы без них делали!»

Александр Марков

ПОДОРОЖ²⁷ В ОТРОЧЕСТВО

Моим землякам с Луганщины посвящается

Глава 1

Лысина дяди Коли вместе с ее обладателем, точно переспелая дыня, отсвечивает меж кукурузно-подсолнечной поросли родионовского огорода, то есть дяди Колиного. Сам он, полувековой крепыш с рыжеватыми бакенбардами, создающими необходимую гармонию волосяного покрова головы и беспокойно-внимательными серыми глазками. Они то, что видят, тут же сообщают его жене — тете Наде, которая немедленно извещает о том весь двор, а это как раз мне некстати.

Я иду на свидание, я так делаю каждый день, через бугры к шахтному хутору, и первый бугор из трех последующих с распаханными на нем огородами — самый обитаемый вот такими любителями покопаться в земле. Мои путешествия к хутору, к Вальке Поповой, моей первой любви, напоминают ежедневное топание киногероя Леонида Быкова к зазнобе у шлагбаума за несколько верст. Фильм недавно показали в нашем Дворце культуры, и мне после просмотра чудилось, что на меня уставился, прищурясь, весь поселок.

Собственно, поселок вырос в 50-е годы, выбрав для сего самый большой покатый бугор. С него до сей поры хорошо видны, куда ни глянь, выпочковавшиеся каменные груди матери-земли, которые зовутся терриконами. Можно бы их

²⁷ Подорож — путешествие (укр).

сравнить с египетскими пирамидами, но слишком различны унылые песчаные египетские равнины и наши бугры, словно застывшие навсегда волны бескрайнего океана с зелеными гребнями трав и кустарников вперемешку с известняковыми ручьями. Мне ближе эта безоглядная горбатая ширь.

В паре километров южнее и севернее от поселка, в ложбинах меж величавыми буграми, появились шахты — соответственно «Северная» и «Южная», они-то и стали причиной быстрого развития поселка, а затем и меня в нем. Возле шахты «Южной» позже сам собой как-то появился хутор при дороге, ведущей к шахте, а возле «Северной» — винзавод, эта шахта была признана сложной и нерентабельной, а посему переформатировалась на прибыльное винное производство.

Поселок строили пленные немцы. Хорошо строили: в центре вознесся двухэтажный, здоровенный Дворец культуры с площадью и памятником Ленину, от площади расходились пять прямых лучей — улиц с аккуратненькими кирпичными в два этажа домами. Самая большая улица носила название: Бабушкина, то ли в честь одного большевика, то ли в честь бабушек. На этой улице я и жил в таком же кирпичном доме в форме буквы Г с восемнадцатью квартирами. Наша имела номер пять.

Все население поселка называло его Криничанка. Почему, черт его знает. Официально он назывался гордо — Червоногвардейское. Но пока это мудреное название вымолвишь, язык сломаться способен. Потому жители поселка его и не ломали — Криничанка так Криничанка.

К тому времени, как я обрел первую любовь в лице своей одноклассницы Валюши Поповой, девчонки с огромными удивленными карими глазницами и каштановым конским хвостом вместо косы, Криничанка насчитывала около пяти тыщ душ, преимущественно молодого шахтерского разнонационального пола. Квартир кирпичных домов и даже динамично формирующегося частного сектора на всех

не хватало, появились три общаги, школа, больница, стадион... короче все, что делало жизнь насыщенной, любопытной и многообещающей.

— При-и-и-вет, Саня, — донеслось из кукурузного пастбища.

— Здравсьте, дядь Коль, — нарочито дружелюбно отозвался я, проклиная дальнзоркость жильца квартиры номер двенадцать нашего дома.

— Туды? — прилетел вопрос оттуда же.

Я остановился, плюнул на пыльную августовскую тропинку и изобразил журналиста в моем, почти десятиклассника, понимании:

— А ответьте, мне дядь Коль, вам после смены в шахте не хватает физического заряда, что в такую жару вас несет на бугры?

— Хе-хе, — прозвучал доходчивый ответ.

— И все же? Какого черта вы тут кукурузничаете, картошничаете, вместо того чтоб с мужиками во дворе в домино упражняться? — понесло меня. Раз ты меня усмотрел, полевой стахановец, держи заряд интеллектуальной обратки.

— Иди-ка ты Сань...

— На прокорм не хватает или на продажу? А? — я знал, что шахтные проходчики, те самые что ищут и рубят уголь, деньгами не обижены: пыли, сырости, узких нор, страха метана, тяжести отбойного молотка и прочих радостей им хватает безмерно, а Родионов и был проходчиком — почему-то захотелось его обидеть.

— Дурак! — засмеялся дядя Коля то ли гусиным гагаканьем, то ли собачьим гавканьем. — Того тебе знать не треба, иди, девка заждалась, небось?

Он меня сразил. Скороспелое интервью перспектив не имело. Всё, двор получит информационный повод. Я тоскливо посмотрел в безоблачное небо в надежде, что отыщется заваливающая ворона и пометит лысину дяди Коли.

Но ворон в предвечерней дали не виднелось.

Гордо вскинув голову, я потопал вперед. С вершины бугра открывался завораживающий вид на убежавшие вдаль подъемы и низины, по которым пирамидами рассыпались терриконы. Восточнее даже просматривались дымящие трубы коммунарского исполина — крупнейшего, как нам объясняли в школе, в Европе металлургического завода. Я ускорился с бугра и, полагая, что один, громко запел что-то патриотическое.

Тропинка петляла в низине между высокой травой.

— Что за козел блеет? — заржало нечто впереди.

Из-за поворота выползли двое. По виду — мои ровесники. По рожам — незнакомые.

— Не блеет, баран, а поет, — храбро ответил я, краснея.

— Во, падла, — удивились оба, особенно долговязый стручок с наметившейся чернявой щетиной под носом.

Они тут же перегородили мне путь. Полагая, что между нами возникнет дискуссия о парнокопытных, спутник стручка, этакий жирдяйчик в клетчатой рубашке и льняной гривой, аккуратно поставил на траву тихо скрипящий транзисторный приемник.

— Ну че?

— Давно не получал?

Я оглянулся, дядя Коля с его булавами вместо рук очень бы даже сгодился в намечающемся диспуте, но он какого-то черта оставался далеко за бугром со своей кукурузой.

Стручок выкинул свою культю первым. Я удачно увернулся и не менее удачно наткнулся ухом на кулак жирдяя, и тут же ощутил вкус и запах летней травы и победное шипенье транзистора. Схватив приемник, я швырнул его в живот жирдяя, который оказался никудышным ловцом своего имущества — ойкнул и тут же замахал ручонками, точно транзистор птицей задумал улететь от его телес, но вместо того шмякнулся оземь.

Оба моих оппонента дружно взвыли и стали кругами ходить вокруг моей поднимающейся фигуры, и, будто в гопаке, одновременно выбросили копыта мне в бока. Я скособочился и услышал задорный голос:

— А, с-суки, двое на одного! Саня, держись!

На тропке показался мой одноклассник, хуторянин Колька Васильев, забияка и картежник, но, впрочем, симпатичный парень, особенно в эту минуту.

— Стоять! — искренне заорал я, так как явление Васильева отчего-то негативно подействовало на танцевальный дуэт.

Они тут же перешли в статус спринтеров и, подхватив бесполезный приемник, стремглав бросились бежать к поселку, может быть, захотели познакомиться с дядей Колей.

Васильев огорченно свистнул, но в погоню не устремился. Ладонью он очистил мою футболку от травы и поинтересовался:

— Кто такие?

— Не знаю, — пожал я плечами. — На танцы, наверно, приехали — с Витошек или Бежановки.

Наш клуб по выходным вмещал в себя любителей танцев, на которые съезжались и из окрестных поселков и селений охочие до развлечений. Развлечения заключались в самих танцах и последующих драках.

— Ладно, я запомнил. Увижу, разберемся, — чему-то улыбнулся Васильев.

— Ты на танцы?

— Угу. Ладно, я пошел.

Васильев был настоль деликатен, что не стал звать меня потанцевать и позабавиться второй частью развлекательной программы, тем более с уже известными партнерами, и не стал интересоваться, чего ради я ковыляю на его хутор. Он тоже был в курсе, как и дядя Коля, и весь мой двор, и, чего уж тут, весь мой класс, и вся моя школа и...

Карие вишни распахнутых глаз Вали смотрят на мое вздувшееся ухо, которое и мне напоминает ненужный

микрорадар на свидании, на зеленоватый отлив футболки — свидетельство недавней соприкосновенности с травой, — и шепчет:

— Что это? Ты опять подрался?

Мне в ее ангельском голоске особо импонирует «опять». Я ощущаю себя мужчиной, способным постоять за честь возлюбленной. Она ведь так и думает, поди. Дело в том, что в мае, перед окончанием девятого класса, на Валю разинул пасть мой одноклассник — Витька Барма. И потому пришлось за школьным двором провести с ним разъяснительную беседу. Витек осознал мифичность надежд, а Валентина каким-то образом о том узнала, и учинила мне разнос, хотя интуитивно я чуял — ей польстило, что в шестнадцать лет за нее уже происходят ристалища.

— Да так, — вздохнул я, точно непонятый Зорро.

Мы садимся на теплую скамейку перед воротами с калиткой, за которыми скрываются окружающий добротный «свой» дом сад с вишнями, шелковицей и грушами, колодец и убегающий под бугор огород. Я держу ее руки в своих, мы несем романтическую околесицу — слова неважны, когда преисполнен трепетом лънущей к тебе неведомой, но соблазнительной покорности и желания, и, как и припоздавший вечер, я наполнен благостностью чудной радости. Время замерло, как ветерок в листве дуба, вымахавшего за скамейкой.

— Скоро в школу, — мечтательно говорю я.

С такой же мечтательностью я мог бы сказать, что завтра в шахтный забой или в тюрьму, настолько неважно — куда скоро, а важно, что сейчас.

— Выпускной класс, — шепчет Валя, и ее руки все доверчивее прижимаются ко мне.

Вечереет стремительно, только фары редких машин на хуторской дороге к шахте выхватывают такие же редкие силуэты прохожих, и снова все погружается в сладкий сумрак.

Стоящий возле ворот стожок сена превращается в волшебный холм, на котором заблудшие эльфы вот-вот начнут вальсировать.

Мы целуемся. Моя ладонь, воровато проникает в разрез ее платица и дрожит, охватывая маленькую упругую грудь. Мы снова целуемся. Потом еще, потом еще...

— Э-э-э, жених и невеста! — неожиданно квакает в стожке, и мы, точно застигнутые на месте преступления, отпрыгиваем друг от друга.

Романтика тут же улетучилась, и на ее месте возникла обычная злость. Я шарю по земле и ощущаю твердь камешка. Тут же отправляю его по назначению.

— Ай! — из стожка кто-то выползает.

Это младший брат Вали — Юрка, шалопай и малолетний курильщик, которого я терплю только ради своей пассивности.

— Ты чего там прятался? — раздражается Валя.

«Да еще так долго», — думаю я.

— Хотел посмотреть, как вы целуетесь. — скулит святая простота.

— Посмотрел? — интересуется Валя, поправляя нарушенную гармонию платя. — Марш домой!

— Я еще погулять хочу, — хнычет родная кровь.

— Сам виноват, мог бы гулять, а не торчать в стогу.

— Тогда я мамке расскажу, как вы тут целовались и все такое, — кудахчет это создание, демонстрируя задатки шантажиста.

— Заткнись, придурок, — втыкаю я свой голос в семейный диалог.

— А то че? — храбро интересуется Юрка, отряхиваясь от сена.

— А то, — отвечаю ему ультимативной логикой.

Повисает неопределенное молчание всех сторон конфликта, дабы осознать перспективы его продолжения.

И тут от дороги в темноте прорисовывается нежданный квартет хуторских, явно до того не знавших куда себя деть

от бездельного шатания по местным достопримечательностям и внезапно заметивших забавное мероприятие.

— А кто тут такой борзый наших обижать? — не совсем трезво, но весьма нагло бубнит фигура, превосходящая меня ростом и весом, и в ней я узнаю Вовку Желнова, хулиганистого братана из параллельного класса, над исправлением и повышением интеллекта которого на моей памяти всегда бился весь школьный учительский коллектив, притом бездарно, ибо мать Вовки была директором винзавода у шахты «Северная», что и обеспечивало этому хроническому двоечнику плановый переход в последующий класс.

Остальное трио сопровождающих предводителя Желнова верноподданно захрюкало.

Численный перевес даже из хилых туловищ творит могучие торсы. Тут с одним Желновым хрен совладаешь, а плюс к нему...

Я понял — быть опять драке. За вторую половину этих суток нагрузка чрезмерная.

— Все в порядке, Вован, — я поднялся со скамейки, и в моем голосе просто за версту несло добром и умиротворением.

— Мы играем, — нежданно вякнул Юрка, — никто меня не того...

Желнов задумался, скорее всего, о смене мотивации роли заступника. Ему также нежданно помогла Валюха.

— Иди к черту, боров паскудный, шманишь тут бормотухой, — понесла она заправской тещей над загулявшим зятьком. — Тут мой дом, и тебя сюда никто не просил.

Невольно я залюбовался своей девушкой. Она вскочила и прямо перед этой сворой, оперев кулачки в бока, бесстрашно встала, ну словно Жанна перед Орлеаном. Она знала о Желнове, что и я, может, и больше, так как проживала на хуторе. Но как она кинулась отстаивать свое право на наши чувства!

Но Вован не зря отличался тугодумием. Слова в эту каменную балду проникали медленно, а их переосмысление

и того дольше. Зато оскорбление было налицо — агрессия, выраженная, пусть и девчонкой, но ругательным криком и позой. За все заплатит кавалер!

Может, он и не так думал или вообще не думал, ибо нечем, но все сразу стало понятно до боли в скуле, которая тут же и обозначилась его правым кулаком.

Пусть он и туп в учебе, но в бою коварен! Случилось все так внезапно, что Валя просто поперхнулась, свита вождя Вовы ошеломленно зевала, не догоняя — пора уже им или не пора.

Мною овладело бешенство. На глазах моей девчонки, вот так нагло и ни за что! Через дольки секунды мой кулак поставил печать в животе Вовчика, его даже согнуло, и тут же коленом я отправил его в объятия трио. Все дружно завалились на теплую пыльную землю.

Стало ну просто очень очевидно, что через мгновения, очухавшееся стадо с пастырем начнет делать из меня котлету.

Валя спохватилась раньше всех, дернула меня за руку, увлекая в открываемую калитку ворот дома. Я замешкался, и, когда уяснил план подруги, чья-то длань через щель захлопываемой за нами двери еще умудрилась ухватиться за мою рубашку, вырвав себе на память кусок ткани.

За воротами поднялся галдеж, призывающий меня быть мужиком и выскочить из убежища. Заочно я уже был приговорен к самым лютым мукам. Но через забор, убежавший от ворот, никто не рискнул сигануть, а зря — там прямо за не очень высокими досками было пленительное царство малины и крыжовника.

Юрка куда-то делся. Мы отдышались в сумрачной декорации сада.

— Я за тебя испугалась, — прильнула ко мне Валя.

— А я за тебя.

Стало хорошо.

Из формата блаженства нас вывел дикий и недалекий свист.

Мы побежали через сад к огороду, падавшему на бугор. Оттуда можно помчаться домой по бездорожью, хватая темень

переходящего в ночь вечера. Но хутор уже проснулся. Крики, гиканье, топот ног — все слышалось отчетливо. Славная охота намечалась, неважно, что дичью оказался я сам.

Скорее всего, время было упущено, но на всякий случай можно было попробовать. Нет, поздно! На бугре угадывались бродячие поисковые силуэты, становившиеся рельефнее от вспыхнувших фонариков. Их лучи беспорядочно скользили по всем направлениям, напоминая метание зенитных прожекторов. Вот несколько из них поскакали к огородным грядкам, за которыми присели мы.

Я ухватил Валу на себя, падая в межгрядную тропинку как в окоп. Она тихо и покорно взвизгнула, и осталась лежать на мне. Сердце стучало тревожно и сладостно.

Под неистовость продолжавшейся охоты мы целовались и целовались, пьянея от запахов укропа и помидоров, от тепла земли, шалея от адреналина близкой опасности, дрожа от соприкосновения тел. Мы словно парили над неведомой пропастью, страшись ее и желая ее грешных соблазнительных влечений. Покрывало вселенной укутывало нас в мираж вечности.

Трепетный ветерок пытается слизать с нас тайну греха.
Время захлебнулось.

Глава 2

Зима всегда длится долго, но и она как-то заканчивается внезапно. Еще, казалось бы, вчера, мы с пацанами молотили друг друга клюшками на заснеженном ставке, и, поди, уже и закапало с крыш, и солнце поцеловало меня через прохладное окно, и голодной капеллой зачирикали воробьи на черных прутьях веток тополей.

Наступила весна.

Этой весной мы расстались с Валей. Все вышло по-дурацки просто.

Танцы в клубе в тот майский, пахнувший акацией вечер были в разгаре. Привычно жались у колонн парни и девчонки, боясь быть отвергнутыми при медленных мелодиях. Неотвергнутые упоенно прижимались друг к другу под аккомпанемент страданий солиста клубного ВИА Юры, печально трясшего гривой льняных прядей при любом слащавом фальцете. Я слонялся чуть поодаль от музыкальной мелодрамы, нарочито лениво зевая, как и подобает ветерану подобного шоу. Никакого амура со стрелами и в помине не было, когда мой взгляд уперся в невысокую стройную подругу, сиротливо подпиравшую спиной стену зала. Каштановые волосы красиво струились по склоненному лицу, и во всей ее фигуре сквозили одиночество и неуверенность, словно она случайно спутала танцзал с библиотекой. Меня вдруг охватила неведомая жалость к ней. Будто пинком сапога что-то подтолкнуло к этим каштановым декорациям.

— Ты не из местных, вижу, — тоном почетного мачо начал я.

— Да, — пролепетала она, и на меня испуганно взглянули серые глаза.

И надо же — я в них утонул. Во всяком случае, в тот вечер.

А через какие-то мгновения я уже показывал ей улицы Криничанки, а затем вдруг мы шли по тропинке к ставку, и там, на берегу, я вместе с ней валился в юную жаркую травку, торопливо снимая с нее и себя ненужные одежды, хотя мы оба и не понимали, что нужно делать потом, но было огненно и приятно просто чувствовать наготу тел, трепетавших под натиском рук и губ. Наконец я проводил ее в какой-то домище на южной окраине, куда она приехала погостить... Это наваждение засыпало меня вдруг, затмив все мысли о Вале, о себе, да обо всем, черт возьми. После школы, как только вечерело, я на велике, преодолевая кряжи и взгорья, колдобины и перекрестки, мотал в стольный город Кировск. У пятиэтажного, хмурого многоквартирного особняка, с корявыми акациями у подъезда ситцевым платьем

трепетала сероглазка, и после приветственного смущенного бормотанья, обнявшись, мы плыли к задумчивому темному парку, садились в его дебрях на одинокую скамейку и целовались, целовались, целовались...

Как-то днем, когда, рассеянно топая в школу на консультации по выпускным экзаменам, я пересчитывал ленивые туши облаков, какая-то тень перекрыла мне путь.

С неба мой взгляд переместился в горизонтальную плоскость. Некая смесь мужика и парня дохнула в меня жареными семечками, икнула и добро ощерилась.

— Привет, пацан.

— Здравствуйте, — с туманной интонацией ответил я.

— Ну че, сватов скоро засылать будем, — то ли утвердительно, то ли вопросительно булькнула смесь и, вполне ощутимо хлопнув по моему плечу, захрюкала дурацким смехом.

Только теперь я смекнул, что этот весельчак вроде и есть хозяин домища на южной окраине, куда приезжала погостить моя Кировская зазноба.

— Угу, — тупо кивнул я и ускорился к школе.

Какая иногда мелочь сподвигает нас на чувства, но такая же мелочь способна эти чувства разрушить.

Спущенное колесо велика, неожиданно зарядивший дождь, луганская «Заря» со «Спартак» по телику... — да мало ли какие веские причины могут быть. Велопутешествия в Кировск иссякли. Каштановые и серые цвета мне перестали сниться. Сероглазка больше не волновала сердце. Как пришло наваждение, так и ушло.

Как резцом по душе, да каким там резцом — мотыгой по мозгам, катком по обнаженно слежавшемуся организму, кометой по сущности полоснуло забывшееся было имя — Валя.

Школа уже готовилась к выпускным экзаменам. А мне в голову не лезла ни литература, ни физика, ни все остальное — предметы сливались в некое расплывчатое пятно, и я их

воспринимал как роман «Правосудие» Дюрренматта, который сдуру когда-то взял в библиотеке, увлекшись невиданной фамилией автора и сдуру его прочитавший и ни хрена не понявший. Все славянские буквы учебников превращались в знакомое печальное лицо. Наяву это лицо оказывалось не печальным, а надменным, пресекавшим любые попытки с моей стороны объясниться и покаяться. Валюха меня не замечала, и ее сузившиеся от брезгливости глаза, когда я в порыве назойливости все же попадал в периметр ее зрения, походили на взгляд исследователя амброзии, куда вдруг влез таракан.

Сестрица Людка, ставшая Людочкой в моей примитивной ласковости, на мою отчаянную просьбу организовать конфиденциальную встречу со своей подругой, разводила руками:

— Та не хочет она тебя видеть. Если ты дурак, то это не лечится.

— Сама дура, — ныл я, — черт попутал, объясни ей. Люблю я ее.

— Черта и люби, — отрезала Людка как приговором и добивала, — когда ты с той гримзой по поселку шлялся, гордый, как петух, Валька чуть не отравилась. А теперь накобелился, да? Так что теперь ты пострадай...

— Мне что тоже отравиться?

— Да иди ты... — и сама Людка-Людочка уходила, а я топтался на месте словно в кеды налили горячего железа.

Несколько раз я бегал на хутор, затаясь, выстаивал часами перед забором Валиного дома, в надежде вдруг выйдет. Караулил ее по пути в школу. Но дом мрачно отсвечивал сизой тишиной, а в школу она всегда шла вместе с хуторскими, демонстративно отворачиваясь в сторону при обнаружении моей скорбной фигуры.

Первая любовь, сколько о ней написано... У каждого она своя, счастливая и грустная, крутящая метели чувств и сбрасывающая в хрусталь горного озера, и несущаяся

к пламени протуберанцев, и превращающая сердце в воск, лед, шелк, кремь... и зачастую в сотоварищи приглашающая одиночество. Что-то говорит мама, ласково треплет плечи батя, и ты им киваешь, выдавливая сморщенную улыбку, бегаешь с пацанами за мячом на лужайке, порхаешь в драке после танцев, талдычишь умное на экзамене скучающему учителю, а перед тобой она, только она. И не вытравить, не убрать, не выплакать, не затереть.

Я написал письмо. Чтобы оно получилось чарующе впечатляющим, без нытья и бабьих причитаний, смахивало на ласковое признание заблудшего в лабиринтах случайностей верного мачо, я его запорошил изошренными тропами русского языка, сладостными признаниями (ради чего перечитал и частично использовал известные мне творения эпохи романтизма, начиная со страданий гетевского юного Вертера и заканчивая строками из письма к онегинской Татьяне). Затем прочел и прослезился сам — такой эпистолярный шедевр растопит даже самое остервеневшееся сердце.

— Людка, — ввалившись в ее квартиру, заорал я голосом непризнанного пока литературного гения, — сделай доброе дело для брата. Пусть и двоюродного.

— Че надо? — вывернулась из кухни сестрица с лицом утомленной от вида грешников попады.

— На, передай Вальке, — я протянул заклеенный конверт, в котором покоилась моя исповедь.

— Ладно, — меланхолично кивнула она. — На неделе, когда будет экзамен.

Я чуть не примерз к полу.

— Какой к черту — на неделе. Сегодня. Обязательно сегодня!

— Тю-у, приспичило чи как, — Людка встала в позу — руки в боки.

Эта дура никак не врубалась, что решается моя судьба, что перед ней струится падший ангел, жаждущий вернуться

в чертоги ушедшего времени.

— Сегодня, — прошипел ангел моим затяжелевшим языком.

— Так сам и отнеси, — брякнула Людка глупость, но тут же осознала. — Хотя, как она тебя... ну это самое, как вы встретитесь... Это че, на хутор топать?

— Я тебе мороженого куплю, — смущенно пробормотал я.

Видно, в моей персоне что-то так было необычно, что сестрица махнула рукой.

— Давай сюда. Сбегаю уж.

Через час мы бились в футбольной баталии с соседней улицей. У меня словно крылья выросли, я был в полной уверенности правильности и успешности своей затеи, ну ведь не деревянная же карга моя Валя-Валентинка, она оценит мое творение и сокрушительную искренность моего слога, ведь сама же любит литературную лирику и все такое сердечное. Потому я носился угорелым нападающим, втыкая в сетку очередной мяч под улюлюканье пары глушащих портвейн мужиков, внезапно к хлебу получивших еще и бесплатное зрелище и потому, вместо заунывных выяснений кто кого уважает, превратившихся в маститых болельщиков. Обалдевшие соперники, равно как и моя ватага, явно не понимали — откуда в нашей глубинке явился русифицированный Пеле, но меня несло. В забвении я кричал: «Пас, ну, скорей» —, и опять летел по поляне, обводя и сокрушая, падая и вскакивая... Соседняя улица была не просто посрамлена, она была уничтожена.

— Тебе надо играть в стахановском «Шахтере», — обнял меня Сашка Ткач, — это было супер.

— Да ладно, — скромно отвечивал я, растянувшись на пахучем ковре буйной майской травы, щурясь на застывшую в небе яркую пуговицу солнца. Все вокруг, и я сам светились радостью бытия, торжеством победной юности, похожей на светлые косматые облачка, самозабвенно танцевавшими на сцене неба.

Все хорошо...

Возле клуба на площади уже становилось оживленно. Суббота манила криничанскую молодежь танцами. Где-то в клубном чреве слышались звуки настраиваемой гитары, и голос Юрки Подлесного пробовал некие рулады своих творений. Сновали парочки и просто бредущие за ручку смущенные души, пахло любовью и цветущей акацией. Шаловливый ветерок трепетал по юбочкам и пузырил рубашки. Воркующий смех, гогот пацанвы, скрывающей за ним робость приглашения на танец. Брезгливое бормотанье отплясавших свое лет сорок назад старушенций, специально устраивавших променад у клуба в это время.

Все хорошо...

Возле угла дома стояла Людка, шелкая семечками. Пришурясь, она разглядывала мою игривую походку, будто решая, к ней приближался арабский скакун-иноходец или герой-братеньник.

— На, — она протянула мне конверт, — зря только ноги топтала.

— Чего? — прошептал я, чувствуя, что падаю куда-то глубоко и не вижу дна.

Людка беззаботно махнула рукой.

— Да не стала она его брать, сказала: верни.

— И все? — пискнуло что-то во мне.

— Угу. И все, — кивнула равнодушно Людка, как будто речь шла о какой-то безделушке. — Семечек хочешь?

Глава 3

Шелковые струи июньского ветерка треплют мою бесшабашную голову на Бахмутском шляху. Батя, рулевой нашего К-750, мотоцикла с коляской, надежно ведет наш ревуший болид, восседая за рулем, аки патриарх на троне. В коляске, закрывшись пледом, покорно восседает мать, словно наседка, трепетно защищающая кладку, ну и на заднем

сиденье застыл я, считая машины, которые мы обгоняем и которые обгоняют нас. Счет не в нашу пользу, а я сдуру загадал, что если мы обгоним больше, то... Валя простит и вернется ко мне. Потому я злюсь, но бате указывать не смею, дабы не наткнуться на рывканье мотобазилевса.

Отец влюблен в свое детище, как... как я в Валю, ради этого мотыка он отказался покупать машину, а ведь ему недорого предлагали самый настоящий «Запорожец», напоминающий увеличенную мыльницу. Батя еле в нее влез, попросил меня приткнуться рядом, на месте правого пилота, сомнительно побряхтел и сплюнул:

— Живопырка, нету простора.

А потом появился сверкающий черным никелем красавец К-750. И большей забавы для себя папулечка больше не желал. Приходя с работы, наскоро умывшись и поев, он несся к стоящему во дворе трехколесному коню и корпел над ним, как я недавно над физикой во время выпускных экзаменов. Однажды дождь помешал святодействию, у бати тут же испортилось настроение, он наорал на мать, что та якобы мешается под ногами в нашей малогабаритной двушке, тут и я подвернулся под руку, мол, хватит без толку носиться по футбольным полям, надо в институт готовиться... А потом за неделю выстроил во дворе у нашего угольного сарая гараж, чем-то напоминавший вход во дворец. Никто из соседей и не вякнул, зато после этого двор украсился еще парой гаражей, правда в них отливали спесью не мотоциклы, а настоящие «Жигули».

Сейчас мы ехали к материнной родне в Горск, стало быть, к моему деду Алеше и бабушке Нюре. Намечался традиционный сбор всех живущих в окрестностях сестер Зароченцевых вместе с их мужьями и детьми. Мне нравился этот табор под Горском в деревушке Ивановка, где покато под речку от самого забора уходили уютный домик с двумя кухнями — летней и зимней, погреб, похожий на дот, солидные огороды, сад с грушами и яблонями, в центре

которого застыл огромный стол, обитый черной клеенкой. За ним вольно могли восседать душ пятнадцать, а за всем этим колыхалось камышовое поле, в котором крякали сонные утки, и все стопорилось на самой речке, вернее, речушке, текущей от ивановского ставка, очень мелкой, но все же обрамленной дряхлеющими деревянными мостками и мостиками. Вся эта красота несколько раз в год наполнялась гомоном большущей родни.

Предваряя намечающийся сабантуй, дед Алешка с раннего утра брал лопату и, яки ветеран стройбата, горделиво брел на огород.

— Куды? — подозрительно вопрошала баба Нюра, колыхаясь внушительностью габаритов перед тощеньким дедом.

— Туды, — зло кряхтел дед, пуская в бабу Нюру струю дыма от беломорины, — пока гостей нет, перекопаю там кучочек, опосля будет не до того.

— Так уже все посажено, — надвигалась на него танком бабушка.

— Полоть надо, — пояснял находчивый дед.

— А че ж это не тямкой, а лопатой?

— Да где ж ты ее, стерва, дела, не найти, — бухал решительно настроенный дед. — Иди картошку вари, скоро подъезжать будут.

— Да вон же стоит у сарая, — кричала моя бабушка в спину Зароченцева-старшего, который посчитал диалог законченным и продолжил движение.

Бабушка обреченно всплескивала руками, ей оставалось надеяться, что истинная цель утреннего похода в огород не будет достигнута.

Зря она надеялась, дед обладал удивительным нюхом. Он ведал, что бабушка еще весной з акупала где-то в огороде бутыль с самогоном эдак литров на двадцать, приберегая его как раз к нынешнему дню. Оставалось дело за малым — отыскать и отведать содержимое первым,

а вдруг оно не той крепости.

Он мелкими шажками, как опытный сапер, пересекал огород, минуя посаженные участки, зорко выискивая пустоши, манящие свежей травкой, осторожно тыкал острием лопаты в землю. Наконец, под черенком тихо взвизгивало стекло. Подобно археологу дед аккуратно освобождал бутыль из заточения, из кармана заношенного пиджака доставал стакан, и происходило священное действие дегустации. Для бутылки какой-то стакан не влиял на объем, а на деде это оборачивалось умиротворенностью и оживлением. Он терпеть не мог, не знаю почему, Брежнева, но отведав стакашку был к нему милостив, и позже за общим столом в саду не ругал его как обычно по трезвости, а только рассказывал старые засаленные анекдоты о вожде, над которыми один и смеялся.

Наш мотоцикл объехал серые очертания ивановского ставка, спустился у края плотины на единственную одноколейную улочку, вдоль которой зажатая высокими буграми ютилась вся Ивановка из нескольких десятков усадеб, проверил местные ухабы и замер у калитки.

Из двора уже слышалась палитра голосов, среди которых выделялось мощное сопрано тети Лены, пятой по счету из зареченских дев, и пока первая из них, моя мама, выдавливала себя из мотоциклетной коляски, я уже бежал по стелящейся вниз тропинке ко двору, в гурьбу моих двоюродных братцев и сестриц, целуясь с шестой, последней теткой — Таней. Для меня она навсегда осталась не теткой Таней, а просто Таней, потому что была стройной, всегда юной, обворожительно обаятельной. И тому не смог помешать даже ее муж-пьяница, с которым она недавно развелась. И если бы я обладал даром иконописца, то с нее и писал бы. После Тани я втыкался в крутые бока тети Лены, костерившей хихикающего радостного деда.

Бабушка, как добрая гусыня, ловила меня и прижимала к своему потному и пахнущему рассолом платью. Людка кивала мне от шелковицы, ее сиреневые губы сообщали о том,

что пусть и недоспевшая, но все же хороша эта шелковица. Муж тети Лены Виталий, флегматичный здоровяк, у стола сцеживал из легитимизированной бутылки самогон по бутылкам, заодно проверяя вкус с моим крестным, дядей Васей, папкой Людки.

В сарае гулко мычала чем-то обиженная корова, по двору стрекачом носились заполошливые курицы с надменно медлительным петухом, звенели птицы в небесах и пахло покоем, довольством, жареным мясом и вечностью ... Сочное, здоровое, веселое солнце обливало всех нас, таких же здоровых и веселых. Беспечное, счастливое уходящее детство.

Я лежал в камышовой тишине, считая облака. Ленивая роскошь тишины, где даже взмах крыльев потревоженной сороки подчеркивал благодать этой сытой тиши, убаюкивала, и даже мысли о Вале оказывались каким-то незрелыми, как шелковица на губах Людки.

— О, разлегся, чуть не наступила, — сверху надо мной склонилось ее лицо.

— Иди губы помой, — предложил я, недовольный прерванным покоем.

— А не получается, — махнула она рукой. — Валька, глянь на него, разлегся баринном.

Тут же нарисовался еще один лик, сестры Вали, дочери второй из зароченцевских дев — тети Зины. Обе — мои сверстницы и болтушки, отвлекающие меня от познания мироздания, о чем я им и сообщил тут же.

— Глянь на него, — заголосила Валька, — хрена нажрался, что ли. Помчали на ставок купаться.

А и ладно. К черту.

— Помчали!

Теплая мутноватая вода ставка обволакивала наши тела, мы брызгались друг в дружку и верещали от упоения, подплывали к круче плотины, у которой в кустах пыхтели скукой рыбаки, ловившие бубырей, и нагло шлепали ногами, вздымая водяные взрывы под их матерный вихрь, бросались грудью

на береговую траву и млели под апельсиновым солнцем. А после, изголодавшись, бежали иноходью к дедовой хате, зная, что нас там ждет уже почти готовый, дымящийся в казане жирный кулеш, и мы пусть и получим нагоняй от бабушки, что запропастились неведомо куда и насколько, но все равно сядем общей кучей за стол, смутно и все же радостно ощущая себя общей семьей...

Это был последний общий сбор в Ивановке.

Беспечное счастливое уходящее детство...

Время щадило нас, но мы этого не понимали.

Откуда мы могли знать тогда, что бабушка Нюра через пару лет умрет, сразу одряхлевшего деда Алешку моя мама перевезет доживать к нам на Криничанку, где от тоски по бабушке и Ивановке он тоже скоро отправится на вечную встречу с ними, как и мой дед по отцу Федор, внезапно скончавшийся от солнечного удара. Сестра Валя выйдет замуж по любви, но счастье будет недолгим, а потом ее доконает гибель сына у железнодорожного пути, и что никто не собирался расследовать это как убийство. Сама Людка и ее юная сестрица Иринка вместе с тетей Раей и моим крестным уедут на его родину — Полтавщину, прямо в гоголевские места Великой Багачки. И последний мой телефонный разговор по мобильнику с состарившимся крестным, дядей Васей, в который вмешивались слышимые с включенного там телика какие-то обрывки слов Зеленского, окончится его ледяными словами — було б у меня здоровье, взяв бы винтовку и пошел убивать вас усих, клятых москалей. Умрет от инфаркта дядя Виталий, и тетя Лена переедет жить к дочери тоже по имени Люда в соседний с Горском Первомайск, который месяцами будет регулярно обстреливаться ракетами и хаймерсами, а сын Люды Артем запишется добровольцем в украинский тербатальон. Уйдет из жизни мой отец, сначала надорвавшись при подъеме на второй этаж с двумя ведрами воды (мятежный Донбасс отключат от нормального водоснабжения), и они разольются по всей лестничной

площадке, а ночью его окончательно настигнет самая гадкая профессиональная болезнь шахтеров. А в утро начала СВО, испугавшись грохота пушек, не выдержит сердце моей мамы...

Сама Ивановка захиреет, все дома покроются тленом и гнилью, а в сочных камышовых поймах разведутся змеи.

...А пока, а пока спокойная звезда солнца ласково убаюкивала счастливой безмятежностью время отрочества.

Дмитрий Бобылев

СКВОЗНЯК ВНУТРИ

1.

То, что на улице Углежогов называли домом, оказывалось квартирой в одном из длинных одноэтажных бараков. Сборно-щитовые бараки, построенные в незапамятные времена из досок с насыпанным между ними опилом, считались временным жильем для рабочих лесоперевалки. Но умерло первое поколение рабочих, а бараки все стояли, пережив уже и страну, их создавшую. Многие крыши прогнулись дугой и от этого походили на избушки в детской книжке с картинками. Когда шел дождь, Лешина мама расставляла по всей комнате тазы и ведра, чтобы в них капала вода с потолка. А в хорошую погоду ребята все время проводили на улице.

К компании сверстников Леша привязался Гришка. Гришка бегал со всеми, а вернее сказать, за всеми, потому что в игры его не брали. Маленький и неуклюжий, он вызывал только смех и жалость, но его не гнали, разрешая и не замечая присутствия. Из-под ног играющих выскочил камешек и поскакал к краю грунтовой дороги. Леша поднял его: в пористый кусок шлака забились глины. «Кидаешь об дорогу, а он не ломается», — придумал Леша загадку. Гришка отскочил вслед за камнем, и Леша увидел круглую дырочку на его трико. Сквозь дырочку белела попа. Ощущение чужого конфуза обожгло его, и Леша твердо пообещал себе, что никогда в жизни не позволит себе такого позора. Резко охладев к игре, он поспешил домой, чтобы загадать загадку маме.

На следующий день дом Гришки сгорел.

Леша все пропустил, он и сам-то был ненамного старше Гришки, и родители заперли его дома. Говорили, что тушить

барак собрались всей улицей — а может быть, просто собрались поглазеть. Говорили также, будто Гришка с братьями поджигали спичками тараканов. Загорелись какие-то тряпки, и от дома почти ничего не осталось. Обгорелые доски мужики растащили на хозяйство, а Гришка с братьями куда-то уехал. А вскоре и Лешиним родителям дали квартиру.

— Как это, пятиэтажка? — Леша никогда не видел многоэтажных зданий. Папа отвечал:

— Это как будто один дом поставили на другой, а на него — третий, и так пять раз.

Воображение Леша заняла сказочная конструкция из деревянных избушек, поставленных друг на друга прямо на коньки крыш, но почему-то не падающих. Наверное, их прибили гвоздями. Как и приставные лестницы, чтобы подниматься вверх.

— Тебя там Шевяковы зовут, давай недолго там.

На высоком крыльце Шевяковых, крашенном половой коричневой краской, собралась вся компания. Лешу неожиданно усадили в самый центр у стены, а друзья расселись перед ним полукругом. Все молчали с серьезным видом.

— Ты переезжаешь, — сказал Женька взрослым голосом. — Что тебе подарить на память?

Леша опешил. Он знал, что подарки нужно дарить на день рождения. В таких случаях мама давала ему какую-нибудь детскую книжку, потому что работала в книжном магазине. Кто-то на самом дне сердца подсказывал, что нужно ответить «ничего», что это было бы красиво и хорошо, и совпадало бы со взрослым тоном Женьки. Но испуганный Леша, кривясь от собственного неожиданно барского голоса, произнес вальяжно:

— Н-не знаю, что вы мне подарите...

В памяти возникли и детали от неизвестных механизмов, которыми друзья играли, воображая их роботами. Но детали — это ценная вещь, кто же станет их дарить просто так!

Вспомнился и «Сникерс», только что порезанный на равные дольки, чтобы досталось каждому. Но «Сникерс» съеден, а два «Сникерса» бывает только у богачей. Наверное, Женька тоже думал, что Леша ответит «мне ничего не надо». Потому что никакого подарка у него не было. Леша так и остался с пожеланиями хорошей жизни и чувством досады от неправильного ответа. Досады, не испытанной ни до, когда его в общем-то ни о чем и не спрашивали, ни после — на неудачных экзаменах, собеседованиях, встречах и расставаниях. Это было точно, потому что Алексей никогда не мог забыть этого чувства, похожего на сквозняк в груди. И потому он сразу узнал его, встретив снова, четверть века спустя.

2.

До Ростова Алексей добрался на самолете, а оттуда в Горловку ходили дорожные автобусы. Чтобы сэкономить, он нашел попутку на «Бла-бла-каре» и въехал на территорию республики вместе с местными. Таможенник почти не глядя пролистывал украинские и донецкие паспорта, но российский паспорт Алексея мусолил минут пятнадцать, только что на язык не попробовал. Видимо, не мог поверить, что россиянин с петербургской пропиской добровольно едет в пусть не горячую, но тлеющую точку.

Первым, что увидел россиянин на донецкой земле, оказался брошенный посреди степи танк. Сгоревший, весь рыжий от ржавчины, без башни. Затем слева показался холм с грудой камней наверху — разбомбленным мемориалом советским воинам. Отсюда потянулись деревушки, каждый третий дом в которых зиял руинами. Попутчики, обрадованные туристу, подробно рассказывали, что здесь происходило пять лет назад. На «Европе-плюс» вдруг поставили украинскую песню.

— Вы знаете украинский? — спросил Алексей.

— Ну конечно, знаю, — хмыкнул водитель.

— О чем она поет?

— Так, дрянь всякая, про любовь, — поморщился водитель и выключил звук.

За окном проплыли искореженные трубы детской площадки.

Встретили Алексея неожиданно радушно, тем более, что он никого здесь не знал. В ДНР его пригласил журналист Григорий на день рождения своей газеты. Сам Григорий жил сейчас во Львове, но связей с донецкой газетой не терял. Книжки стихов с георгиевской лентой на обложке он провозил «на ту сторону», положив их под торт.

Алексей, охочий до перемены мест, поехал. И вот теперь Григорий нашел ему квартиру в центре города, и Алексей вручил хозяину двухтысячные купюры. Одноглазый дед долго вертел их в руках, а затем спросил:

— Это что, теперь деньги такие? — но все же взял.

Григорий провел экскурсию по Горловке.

— Вот здесь упал первый снаряд этой войны. Остановку починили, а на асфальте дыры так и остались. Там, дальше, бабушки продавали зелень, туда тоже прилетело. Теперь рыночек переехал в центр города. А вот в этом доме — гид указал на кирпичную двухэтажку с заколоченными окнами — находился городской суд. Теперь ты, наверное, можешь купить его за три своих зарплаты. Не хочешь обзавестись недвижимостью? А вон там, видишь, гипсокартон на стене? Это значит, прилетел снаряд, в квартирах сразу заделывают, а где никто не живет, оставляют так. Город по вечерам обстреливают, но ты не волнуйся, это в основном по окраинам, в центр не долетает.

Перед сном Алексей вышел на балкон. Комендантский час опустошил улицы. Проехала одинокая машина, и снова все стихло. Ночью дом сотрясся от канонады — дрожали стекла, сыпалась штукатурка. Из канонады вычленялись пулеметные очереди и отдельные звуки разрывов.

Утром в дверь позвонили. Григорий пришел с продуктами и сразу стал готовить «чепуху», категорически отмахиваясь

от попыток помочь. Сварганив что-то среднее между драниками и омлетом, все скормил гостю, сославшись на аллергию.

— Вечером пойдем к Надежде, там тебя нормально покормят. Красивые приборы тут, всегда хотел такие, — отметил он, подавая вилку с белой пластмассовой ручкой. Алексей узнал ее, такие же видел у бабушки в детстве. Наверное, пластмасса имитирует тут слоновую кость.

До вечера Алексей был предоставлен самому себе и вышел прогуляться. Возле магазина старушки продавали черешню и клубнику. И это в середине мая! Рядом околачивался младшеклассник, опасно косясь на пластиковые стаканы с ягодой. Алексей выбрал старушку, казавшуюся самой древней, и купил у нее большой стакан черешни.

— Ну, пожалуйста... — неожиданно протянула другая. Но она продавала клубнику, а клубнику Алексей не любил. Тем не менее, в душе у него как будто потянуло сквозняком, когда он уходил без клубники. Досадуя на это чувство, Алексей развернулся и, широкими шагами подлетев к старухе, протянул ей мятый полтинник.

— Держи, — сердито скомандовал Алексей пацану и, избавившись от ягод и от старухи, поспешил осматривать фонтан на площади. В мутной воде фонтана плавали пятнистые лягушки.

Горловка оказалась очень зеленым городом. На центральной улице рабочие косили траву и подрезали деревья, но стоило свернуть с нее, как все утопало в растительности. Птицы гомонили, как в лесу. Возле площади в тротуаре застрял снаряд, вокруг него проросла травка.

Вечером пошли к сестре Григория. Стальная дверь в парадную оказалась погнута и пробита осколками, напоминая терку. Надежда с матерью накормили гостей вкуснейшим борщом и рассказали, что дверь пострадала от снаряда, который разорвался прямо на крыльце.

— Ремонт начали делать до войны, да так и бросили: все равно все трещинами идет. Поначалу стекла заклеивали скотчем и рамы не закрывали до конца, думали, что это помогает от взрывной волны, чтобы стекла не вылетели. А в первые дни-то попадались объявления «Остекление окон фанерой и ДСП». Сейчас, конечно, поменьше стреляют.

Алексей напросился поближе к передовой. Григорий и так собирался поехать туда — отвезти в поселок продукты родным, но взять с собой попутчика отказывался наотрез. Наконец, после четырех дней уговоров, согласился.

В поселок добрались на жигуленке, дежурившем возле конечной остановки как раз для такой цели. Окопы начинались сразу за окраиной, но в поселке все равно жили люди. Здесь разрушения встречались чаще — похоже, их и не устранили. Асфальт был испещрен ржавыми пятнами, и Григорий сказал, что это следы от осколков. Постучались в дом с забором из металлических листов. Забор просвечивал во многих местах.

— Вот это — сегодня ночью прилетело, — сообщил пожилой хозяин дома, ковыряя пальцем продолговатое отверстие размером с колпачок от ручки. — От крупнокалиберного пулемета. Вся крыша латанная-перелатанная, машину вон на ночь матрасами закрываю.

За обедом хозяин рассказал, что осколки он собирает и сдает в металлолом.

— Видел, как клуб разнесло? — обратился он к Григорию. — А вот пойдем, гостю твоему полезно будет увидеть.

Заросший сквер издали походил на лес. Навстречу меланхоличный мужик вразвалочку пер за собой тележку с кирпичами.

— Не в первый раз замечаю, что заброшки тут сразу разбирают на кирпичи, — отметил Григорий. — Не понимаю только, зачем разбирают? Не строят же ничего!

Белым пятном среди густой зелени маячил клуб. Сталинская архитектура, апеллировавшая к античности, здесь

максимально приблизилась к образцам. Колонны еще стояли, а крыши не было. Всё вокруг окропилось белой пылью, даже кирпичи белели, а не краснели, даже зелень казалась серой.

— Вот, тут мне грамоту вручали за победу в соцсоревновании, — торжественно произнес дед, приложив руку к колонне. Раздалось громкое шуршание, и сверху рухнуло. Алексей закашлялся, и, закрыв голову руками, метнулся в сторону...

Обратной машины не было, и до остановки по пыльной дороге брели пешком. Григорий прихрамывал, аккуратно обходя высохшие колдобины.

— Дед-то в рубашке родился. Не в первый раз у него такое. Когда шахтеров завалило в 90-е, это его смена была. А он занемог, не вышел на смену. И сейчас — полметра в сторону, и всё. Как она там держалась-то, эта шиферина. Я, дурак, упал, колено разбил, а ему хоть бы хны. — Григорий улыбался, радуясь весеннему дню.

Назавтра праздновали день рождения газеты. Приехали друзья газеты даже «с той стороны» — с Украины, значит. Говорили речи, сухой мужчина проповедовал хранить свои архивы и иметь доверенное лицо, если что-то случится. А то, недавно умерла местная писательница, и родственники все ее рукописи отправили на свалку.

На чаепитие скидывались по пятьдесят рублей. Алексей достал из кармана джинсов полтинник, но Григорий категорически отказался его брать:

— Ты что, ты же наш гость!

Уговорить его удалось словами, что пятьдесят рублей здесь — это намного больше, чем пятьдесят рублей в Питере. Действительно, при местных зарплатах ценность банкноты возрастала раз в десять, и Алексей впервые почувствовал себя небедным человеком.

Наутро Григорий пришел не один, а вместе с Надеждой. Они принесли с собой кусок курицы и стали готовить суп, снова не позволив себе помогать. Надежда ушла, а Григорию

нужно было на рынок: у него сломалась дверная ручка. Алексей увязался следом.

— А потом купим тебе билет на нормальный автобус, не знаю, как ты не смог их найти, какие там полторы тысячи!

Обычный городской рынок на задворках перетекал в барахолку. Товар был разложен на земле, на расстеленных листах пленки. На спинке стула висел настоящий чекистский плащ, весь рассохшийся. Грудой валялись ржавые медали, аккуратными рядками блестели современные копии. Инструменты всех назначений, просроченные шоколадки, грампластинки и советские книги.

Продавцы представляли здесь отдельный интерес. Колоритные, с обветренными лицами, они узнавались по какой-то особой манере держать себя и в целом напоминали рыбаков. Казалось, что они здесь не ради прибыли, а ради процесса — по тому, как они переговаривались между собой, как сквозь зубы и будто бы снисходительно отвечали покупателям — с показным пренебрежением, принимаемым как часть игры. Покупатель чувствовал себя свидетелем важного дела, к которому мог приобщиться, если не жалко мелочи.

Нашли и дверную ручку. Слегка потертую, но в целом — какую надо.

На выходе Алексей увидел набор столовых приборов. Тех самых, с белыми пластмассовыми ручками и массивной стальной частью. Оказывается, у кого-то еще сохранились они полным комплектом, и даже в коробке, похожей на чемодан. Алексей вспомнил, о чем говорил ему Григорий, и замедлил шаги.

«Дорогие, наверно. Продавец какой неприступный. Хранил, наверно, всю жизнь, цену знает. И как Григорий с ними потащится на «ту сторону»? Он же тут сам на несколько дней. Тут нельзя просто прицениться, он сразу поймет все. Да и неудобно как-то. А вдруг это глупо, может, он просто так сказал про вилку, а я вот как барин, с таким вот жестом сунусь

к нему?» — Алексей вспомнил почему-то крашенное коричневой краской крыльцо и — смутно — глаза окруживших его друзей, и свой вальяжный тон. Он, значит, от смущения смотрел вниз, раз крыльцо запомнил, а не глаза. Приборы хищно поблескивали на весеннем солнце, как инструменты хирурга.

И Леша не посмел.

Григорий окликнул его, и турист поспешил следом, чтобы друг не заметил, куда он смотрит.

Ранним утром Алексей стоял на остановке в ожидании дешевого автобуса, о котором не знал Интернет, зато знал Григорий. Народу собралось порядочно, но билет был куплен, беспокоиться не стоило. Ветер поднимал тучи пыли над пустынной площадью. Приходилось зажмуриваться и отворачиваться от нее. В душе Алексея веяло сквозняком, от которого не укрыться за дощатой остановкой. Он чувствовал себя вырванным из контекста бытия в Горловке, как будто не сделал того, зачем ехал сюда — а зачем, он и сам не знал. Из-за поворота показался большой современный автобус с зеркалами заднего вида, похожими на усики муравья. Народ скучковался и придвинулся к дороге...

Александр Гуляев

ШАХТЁРСКИЙ СКАЗ

— ... и вот, значит. Шахта та была самая обычная, а хозяин на той шахте был пришлый, из немцев. Жадён, что просто слов нет, за каждую копейку удавиться был готов, и всё-то ему мало было.

— Как Чубайс! — хохотнул кто-то в углу.

— Может, и так, — согласился рассказчик, боец с характерным позывным «Уголь». Бывший шахтёр, начавший воевать ещё в 2014-ом году в первом ополчении. Уже неоднократно побывавший в госпиталях, посечённый осколками так, что кожи, не украшенной шрамами, на всём теле осталось общей площадью максимум с пару ладоней, Уголь каждый раз снова возвращался в строй и сражался ещё отчаянней. Словно прирожденный воин, который всю жизнь только и делал, что воевал. Василий Тимофеевич (так Угля звали в обычной жизни) укров ненавидел люто — во время АТО он потерял жену и дочь. Какой-то белобрысый добробатовский ублюдок с водянистыми рыбьими глазами расстрелял из автомата машину, на которой Уголь ехал вместе со своей семьёй. Василий Тимофеевич чудом выжил, а вот Олеся и Катеринка погибли на месте.

Уголь глубоко затянулся, смакуя терпкий дымок сигареты, и продолжил.

— Экономил, словом, чёртов ганс на всём. Даже на том, на чём и экономить не додумаешься. А особенно на безопасности шахтёрской. Люди-то ему что — так, мелочь, материал расходный, главное — прибыль, да чтобы пожирней.

— Ну точно Чубайс, — раздался голос всё того же

комментатора. Но Уголь на этот раз прерываться на ответ не стал.

— И приказчика себе под стать подобрал, тоже сволоту редкую. Крепи в тоннелях уже совсем в негодность пришли, а немцу хоть бы хны, держат вроде пока, и так сойдёт. Да только предел-то всему есть. Не выдержали в тот раз крепи, смену, сколько их там было, в шахте и завалило. Шубин как узнал, так и поседел весь в один момент, даже борода как снег сделалась.

Уголь задумчиво провёл рукой по абсолютно белому ёжику волос на макушке, тихо вздохнул о чём-то своём и стал рассказывать историю дальше.

— Он тогда не со сменой был, на новой шахте газ выжигал. Как был, так к немцу и залетел. В опалённом тулупе, мокрый, грязный, волосы дыбом, глаза горят. Орёт дурниной, а голос у него — ого-го какой зычный был, я, мол, тебя, сукин кот, предупреждал. Приказчику в морду сразу треснул со всего размаха и давай немца душить. Охранники вчетвером еле оттащили, здоровенный был мужик. В общем, не вышло у него хозяина к чертям на встречу отправить. Правда, и охрана не удержала: вырвался Шубин и в окно сиганул.

— А фриц-то чего? Обделался? — тот же парень, что уже дважды упоминал Чубайса, молодой цыганистого вида брюнет из добровольцев, снова не смог удержаться, чтобы не вставить свою реплику.

— Что ж ты балабол, Москва! — беззлобно осадил брюнета ещё один из отдохавших бойцов, носивший позывной «Альфа». — Вот все вы там в столице такие: спешите куда-то, спешите. Сс...шь, небось, тоже на бегу? Дай дослушать спокойно.

Присутствующие засмеялись бесхитростной шутке, улыбнулся даже Уголь.

— Кто ж его знает, может, и обделался со страху, — и рассказчик пожал плечами. — Только не сошла ему с рук гибель шахтёрская. Немец тот поехал через несколько дней новую шахту инспектировать. Шубин только того и ждал. Он-

то ту шахту вдоль и поперёк изучил, хорошо знал, где работать можно, а где ещё метан в тоннелях стоит. Дождался хозяина с его прислужниками да рванул себя точнёхонько в тоннеле с метаном. Там они все и остались... А Шубин с тех пор так и бродит по шахтам нашим, ни стены, ни темнота ему не помеха. За справедливостью следит и брату нашему шахтёрскому помогает. Где об опасности предупредит, где выход покажет.

— Так то ж сказки, — опять подал голос Москва. — В деревнях — домовые, у вас вон — шубины.

— Сказки сказками, — отрезал Уголь, — а у нас бригадира Шубин раз из шахты вывел, когда завал случился. А бригадир, скажу я тебе, мужик был непьющий, и вранья от него никто в жисть не слышал.

— Нам бы сейчас сюда этого Шубина, — негромко сказал Альфа. — Нацикам на завод подарочков отнести, чтоб как того немца...

И махнул рукой в сторону невидимой им сейчас громадины «Азовстали», откуда до сих пор огрызались прочно засевшие укропы.

— Да уж... — задумчиво произнёс Уголь. — То б дело было. И я бы с ним...

Воцарилась тишина. О счёте шахтёра к азовцам знали все.

Тишину нарушил всё тот же неугомонный Москва.

— Цой, братка, а спой что-нибудь душевное!

Бурят с позывным «Цой», полученным за некоторое внешнее сходство с известным рок-исполнителем и умение отлично управляться с гитарой, взял инструмент, провёл пальцем по струнам и подтянул пару колков.

Зазвучали негромкий перебор и всем известная песня, рождённая здесь, на земле Новороссии:

Сколько судеб переплела,
Сколько жизней переломила,
Сколько мирных людей убила

Необъявленная война.
Когда вспыхнула вдруг она,
Люди грудью своей закрыли
Землю, что у границ России,
И остались в ней навсегда...²⁸

Затем, чтобы поднять градус настроения, Цой спел разухабистую «Песенку про Сашку», которую написал про Альфу его товарищ — поэт на гражданке, а потом весьма артистично исполнил несколько шуточных вещей Высоцкого, включая «Диалог у телевизора». Ту самую, про шурина и Зину. А где-то в стороне заработала система ПВО.

— Не спится с-с-сукам, — протянул Шаман. — Кстати, вот про эту песню. Мне кореш интересную историю рассказывал. Всеволод Абдулов, ну этот, что труса играл в «Место встречи изменить нельзя», который Фокса отпустил, в семьдесят седьмом году в аварию попал у нас под Тулой и лежал в нашей областной больничке. И Семёныч приезжал его навестить. Вот. Высоцкий посмотрел, значит, на обстановку и говорит, типа, сотрудникам: «Тяжело тут у вас работать». И ему кто-то то ли из медсестёр, то ли из санитарок, такая, в возрасте уже, в ответ: «Да, это тебе не про попугайчиков петь». Но, Семёныч, конечно, глыба. Интересно, что бы он на это всё сказал...

Шаман, разумеется, не был настоящим шаманом. Чистокровный русский, всю жизнь в городе прожил. Но всерьёз изучал разное. Необычное. И вроде как даже сам умел что-то этакое. Возможно, именно на этой почве они и сошлись так близко с Цоем.

— Он бы спел, — поправил товарища певец. — Приложил бы, наверное, наркомандующего клоуна от души...

И запел:

²⁸ Слова из песни Сергея Лысенко «Не стреляй»

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф...²⁹

Потихоньку воцарялась тишина. Бойцы погружались в крепкий и, в то же время, чуткий сон, который мог быть нарушен здесь в любое мгновение.

Немолодой уже сержант с позывным «Отец» еле слышно молился, сжимая в ладони серебряный крестик. Нет, сержанту не было страшно, да и молился он не о собственных жизни и здоровье. Когда-то, кажется, в другой жизни, Отец, будучи уже в зрелом возрасте, открыл для себя Бога и даже всерьёз думал о поступлении в семинарию. Но необъявленная война распорядилась по-другому. И сейчас Отец молился о здравии своих бойцов.

А ночью он увидел странный сон.

Отцу снилась Киево-Печерская лавра. В лавре хозяйничали люди в натовском камуфляже. Они деловито упаковывали церковную утварь и бесценные реликвии в контейнеры без опознавательных знаков. Очевидно, творилось то, что на языке «прогрессивного мирового сообщества» именуется «защита культурных ценностей», то есть банальное разграбление. Между собой чужаки разговаривали на английском.

Громкий вздох пронёсся под сводами зала и коснулся пришельцев дуновением холодного ветра. Вышколенные наёмники вмиг обернулись ко входу, ошетилившись стволами, готовыми в любую секунду изрыгнуть из своих жерл рой смертельно жалящих ос.

От арки входа на них с горьким участием взирал старый монах в традиционном монашеском облачении, прижимавший к груди правую руку, сложенную в двуперстии. Несмотря на

²⁹ Слова из песни Владимира Высоцкого «Баллада о детстве»

высушенную долгими церковными постами плоть, в монахе явственно угадывалась воистину богатырская стать. И широкие плечи, и могучая грудь, и массивные запястья, покоящиеся на груди, — всё выдавало в нём человека недюжинной физической силы. Но как он прошёл через внешнее кольцо охраны? Должно быть, засиделся где-то в укромной келье, вознося молитвы своему православному Богу, или, быть может, поднялся откуда-то из подземных пещер.

— Негоже, — прошелестел монах тихим грудным голосом, в котором ощущалась всё та же мощь. — Не вами оставлено, не вам и руки накладывать.

— Слушай, старик, ты как сюда попал? Кто пропустил? У тебя есть пять секунд, чтобы ответить. А пока подними руки. И помедленней.

Обратившийся к монаху, судя по всему, один из старших офицеров, произнёс эту фразу на хорошем русском языке, но особенности постановки ударений в словах выдавали в нём уроженца Польши.

Старик укоризненно покачал головой.

— Я сюда не попадал, я здесь был. А вот вы пошто заявились...

И монах сделал шаг вперёд. Оружие в руках наёмников тут же ожило, наспиговывая тело старика раскалённым свинцом. Возможно пришельцы увидели в движении угрозу, но, всего вероятнее, старик, которого здесь не должно было быть, просто начал раздражать. А у них было ещё много работы.

Но удивительным образом пули расхитителей святынь не причиняли никакого вреда непонятому монаху. Монах сделал ещё несколько шагов вперёд, а ряса оставалась абсолютно целой, без единого пулевого отверстия, несмотря на то, что в его сторону был выпущен не один десяток, а то и не одна сотня пуль. Это абсолютно противоречило всем известным законам физики, но, тем не менее, это было, происходило сейчас в реальности.

Наёмники отстреляли по полному магазину каждый, но ничего не изменилось: старик оставался цел и невредим. Только злое эхо выстрелов продолжало шумно гулять по залу. Нет, страх ещё не овладел опытными бойцами, но уже начал прорастать пока ещё тоненькими гибкими щупальцами, будто оживший сорняк, где-то глубоко внутри.

— Кто ты, старик? — в бессильной злобе прокричал всё тот же поляк, убирая палец с бесполезного, как выяснилось, спускового крючка.

— Я Илия, — ответил монах негромко. — Из-под Мурома...

И встали за спиной монаха, помимо собственной, ещё две тени: воина в островерхом шлеме и книжника со свитком и пером в руках.

Гриц выдавил из блистера розовую таблетку и двумя пальцами левой руки аккуратно, почти с любовью, положил её под язык. Откинулся на стенку и ненадолго прикрыл глаза. Как и обычно, через пару минут навалившиеся было невероятная усталость и боль в пробитом пулей бедре чудесным образом стали растворяться, уходить в никуда. Таблеток, щедро раздаваемых бойцам ВСУ офицером из страны мечты за океаном, было ещё предостаточно. Офицера звали просто «господин полковник», и он разговаривал с солдатами на весьма хорошем русском языке. Что ни у кого не вызывало какого-либо отторжения.

Молодцы всё-таки эти американцы! Великая страна, и всё у них такое же, великое. Мощное. Что эти таблетки, снимающие боль и возвращающие силы без каких-либо вредных последствий — уж американские учёные-то точно не будут своих военных дрянью всякой пичкать; что прессованное мясо в банках (настоящее мясо, не жилы, как в рашке) и суповые концентраты. Не то что у ваты донецкой или ненавистной русни.

Гриц открыл глаза и потянулся, готовый хоть сейчас подняться наверх и стрелять, стрелять, стрелять в чёртовых

колорадов. Но приказа пока не было, и солдат остался здесь, в надёжно укрытом от любой напасти подземном бункере «Азовстали». И снова сомкнул веки, погружаясь в воспоминания.

Гриц воевал с 2014-го, когда большой войны ещё не было. Вместе с друзьями участвовал в майдане, который почти привёл Украину в новый мир, в котором они зажили бы не хуже, чем господин полковник, показав средний палец рашке, столько лет паразитирующей на его Родине. Почти, да не совсем. Шахтёрское быдло, те самые сепары, вдруг с чего-то решили, что они больше не с Украиной. Особенности.

С теми же друзьями Гриц вступил в добробат. Даунбассовским утыркам надо было хорошенько вправить мозги. Спасибо государству, само предложило. Настоящее государство, не рашка ватная.

Великий человек, про которого Грицу рассказывал ещё дед, всё самое главное сказал и написал уже много лет назад. Повзрослев, Гриц, при всей своей нелюбви к чтению, изучил «Майн кампф» от корки до корки. Спасибо деду.

Его дед тоже сражался с руснёй. Только в составе УПА. Прошёл всю войну, успел знатно покуролесить и после её окончания, был ранен и до самой своей смерти в 1992 году сокрушался, что не перерезали они «всех краснопузых и жидов». Сокрушался, впрочем, только в стенах своей квартиры, да и то после лишней выпитой рюмочки забористого мутного самогона. Героический мужик, даром что времена другие были. То ли дело у них сейчас: и оружие, и лекарства, и инструкторы со всего НАТО.

Надо только перемоги дожждаться. И погонят кацапов от Мариуполя и до самого Кремля. Гриц лично помочится на Красной площади, а потом пойдёт по квартирам и будет трахать красивых московских девок. Кто там у них живёт возле Кремля? Актриски, небось, какие-нибудь или певицы. С надутыми губами и такими же сиськами. Женщины у бойца

не было давно. Хотя нельзя сказать, что это для Грица являлось такой уж серьёзной проблемой.

Когда-то уже достаточно давно (а на войне так и вообще время тянется совсем по-другому) ему попала в руки книга о воинах Древней Греции. Гриц, конечно, предпочитал читать про армию Германии или про викингов, но ту книгу изучил тоже. Книга читалась легко и интересно, хотя её автором и был какой-то большеголовый учёный, вроде бы даже целый профессор. Фамилию Гриц, естественно, не запомнил.

Так вот, тот самый ботан вполне убедительно доказывал, что в элитных войсках у греков связь между братьями по оружию была обычным делом и вообще усиливала боевую сплочённость. Гриц тогда похмыкал по молодости. А потом война затянулась, и всё изменилось. Таблетки, опять же, американские...

— Гринь, ку-ку!

Чья-то ладонь дружески похлопала Грица по плечу. Солдат снова открыл глаза и почесал так быстро отросшую густую чёрную бороду. Перед ним, дружелюбно скалясь в широкой улыбке, растягивающей наколотую на щеке пару симметричных молний во что-то сюрреалистичное, стоял Валера. Если бы не эти сине-фиолетовые стигмы, вряд ли кто-то со стороны смог бы поверить, что видит перед собой, как говорится, «упоротого» нацика. Добродушное лицо, пухлые щёки и почти никогда не сходящая с лица улыбка создавали Валере имидж типичного деревенского увальня из русской глубинки, начинающего стареть в окружении яблоневых деревьев и неспешно копошащихся куриц. Если только вы не встречали этого псевдорусского парня из Львова на поле боя. Там добродушный пухляш становился яростным берсерком, для которого не было других целей, кроме как убивать-убивать-убивать.

— Ку-ку, Гриня! — повторил Валера, радостно скалясь.

Он словно бы ожидал от Грица какого-то ответа. Но вопроса не было, а фильм «Новые приключения неуловимых», Гриц

никогда не видел, так что остроумие оценить по достоинству не мог. Да и вряд ли бы он стал смотреть фильм, где главные герои носили форму с красными звёздами, а один из них к тому же ещё и был цыганом.

— Спать?

Валера продолжал улыбаться.

Вместо ответа Гриц словно бы нехотя кивнул и снова закрыл глаза, уходя из реальности в другой мир.

Сон Грицу приснился донельзя странный. Чёрно-белый. И-в то же время отдельными мазками цветной. Вот он, Гриц, стоит в белоснежных сверкающих доспехах и шлеме с высоким гребнем посередине поля, трупами заваленного, и меч руками сжимает. Вот лежит, некрасиво раскрыв мёртвый рот, гоплит Валерий. Левая нога в кожаной сандалиии согнута под неестественным углом, а на правой сандалиии нет. Веснушки приобрели некрасивый серый оттенок, который выглядит особенно отталкивающе из-за того, что голова покоится на красном плаще. Да только вряд ли теперь это Валерия беспокоит.

А вокруг, куда взгляд ни кинь, катится волна. Серых, безликих, скучных. То ли людей, то ли так, биомусора, вроде сепаров донецких. «Орки», — щёлкает в голове невидимый переключатель, словно возвращая память или наводя резкость. Не место им в мире. Раздавить, уничтожить под корень! И вся надежда теперь на него, на Грица Лучезарного. Да как тут одному справиться?

Одному, да не одному. Чувствует Гриц, как спину прикрывает кто-то. Свой. Но отчего-то обернуться и рассмотреть своего никак не получается. Да и что тут оборачиваться? На всю жизнь Гриц его запомнил, только вот имя запомнил. Вроде на похожее на слово «дракон». Не то поляк, не то вообще румын какой. Высокий, худой, бледный. После каждого боя бродил Дракон по укреплениям да развалинам, трупы орочи искал. Как найдёт, нагнётся низко-низко, будто поцеловать хочет, и замирает. Только причмокивание

невнятное и еле слышное в воздухе висит. Словно бы проклятья Дракон мёртвым шлёт. А потом головы отрубит, на арматуру торчащую или на штык-нож насадит и любуется. Смотри, мол, небо, какой я частокोल устраиваю.

Порой кажется, что без разницы Дракону, над чьими телами измываться: орочьими или своих же. И так, и так ему весело, будто нет в жизни радости другой. Жуть.

Но, жуть или не жуть, а с тыла к Грицу никак не подобраться. Стоит Дракон, рот бледногубый скалит, зубы не по-человечьи острые обнажая, а за спиной, будто сам по себе, плащ чёрный развевается. Ну чисто крылья, как у мыши летучей. Гигантской мыши. Даже Грицу страшно делается. Грицу страшно, а вот оркам — нет. Лезут один за одним, упорно, без страха. Да ещё и поют что-то, на своём, на орочьем. Про то, как яблони в Мордоре цветут да кто-то на берег выходит. Яблони — и вдруг в Мордоре. Странно...

Окружённые нацики не оставляли попыток выбраться с территории завода. То ли в них всё ещё жила вера в обезумевшего от белого порошка клоунозидента, то ли пилюли и уколы бравых «союзничков», отключая всякий здравый смысл, непрерывно творили мутагенные процессы в недрах черепных коробок запертых на «Азовстали».

Очередную попытку прорыва укров бойцы ДНР и «большой России» встретили честь по чести. Спокойно, ожидаемо.

Ожидаемо, да не для всех. Уголь был уверен, что в оптику (жаль, не снайперскую) он явственно разглядел среди поспешно отступивших нацистов того самого рыбоглазого ублюдка. Который по какому-то недосмотру небес всё ещё оставался жив. И, когда нацики уходили в свои подземелья, Уголь рванул за ними, слегка подволакивая раненую в этом же бою ногу — пуля из вражеского АК застряла где-то в мягких тканях бедра. Но бывший шахтёр чётко знал, что делать. У него теперь были и план, и ответы...

Гриц забросил в рот парочку голубых таблеток. Сейчас требовались именно эти. К сожалению, действуют они не сразу, придётся подождать. Но это ничего, мелочи жизни. И да, сегодня не вышло, но они в очередной раз показали себя. И древним хладноглазым богам, время встречи с которыми наступит ещё нескоро, и рашистам, пришедшим менять его, Грица, жизненные устои, и донбасским маргиналам. Покажут и ещё, ведь колонна вот-вот будет здесь.

И тех, кто останется жив, он лично заставит скакать вокруг державного прапора и усердно кричать «Слава Украине!». Конечно, двигаться с перерезанными ахилловыми сухожилиями будет затруднительно, но уж пусть они постараются. Гриц даже радостно улыбнулся возникшей картинке.

А потом вдруг в тоннеле появился незнакомый Грицу боец. Таблетки, похоже, начали действовать, и азовец даже не успел удивиться букве Z на рукаве новоприбывшего. Последним, что видели безэмоциональные рыбы глаза, была странная двойная тень на стене и яркая вспышка следом.

Сержант с позывным «Отец» тихо молился за упокой ушедших сегодня, вспоминая сейчас не позывные, но имена.

— ... раба Божьего Василия...

.

Михаил Афонин

ВЕЗУНЧИК

Женьку Самойлова покусала собака. Огромный кобель вцепился в, будем говорить культурно, ногу так, что прокусил плотные камуфляжные штаны. И всё бы ничего, если бы дело происходило где-нибудь в городе, где до больницы рукой подать. А тут, на «передке», или ЛБС, так сокращённо называют линию боевого соприкосновения, из медицины — только фельдшер Жора Водопольев, который к здравоохранению имеет отношение весьма косвенное. Жора — студент-недоучка, некогда мечтавший стать биологом, пока 2014 год не перечеркнул его далеко идущие планы.

— Снимай штаны, Самойлов, зелёной намажу, — Водопольев выслушал Женькин рассказ и теперь не сдерживал издевательскую улыбку. — Везунчик.

Женька хотел было спросить что-то на счёт уколов от бешенства. Сколько их там в подобных случаях положено? Сорок? Тридцать? В живот? Но благоразумно решил промолчать. С лекарствами, Женька знал, напряжёнка. Волонтёры привозят самое необходимое — и на том спасибо. Централизованные поставки тоже есть, конечно, но неповоротливая машина государственного регулирования тормозила нещадно. Заказы медчасти выполнялись настолько не в срок, что о «срочно надо» не могло быть и речи.

— Готово! Штаны натягивай и свободен, — плотно закрыв пузырёк с зелёным лекарством от всех окопных болезней, Водопольев сразу потерял к Женьке интерес и уселся к покусанному спиной. Заполнение всякого рода «бумажек» никто не отменял даже в условиях боевых операций.

Женька вышел от фельдшера, и первым, с кем столкнулся, оказался Славка Борогодов. Ждал тот его, что ли? Хотя, скорее всего, так и есть. Славка — известный весельчак и балагур, за последнее время успевший стать Женьке лучшим другом.

— Позывной менять будешь? — на полном серьёзе, пожёвывая травинку, доверительно спросил Славка.

— Это зачем? — Женька не распознал подвоха.

— Может, ты теперь Диким захочешь стать. Или Бешеным, например.

И тут Женька густо покраснел. Он вдруг понял, что Славка пытается его подколоть. Собака, благодаря которой Жора превратил нижнюю часть спины Женьки в ярко-зелёное полотно, вполне может быть больна. Бойцы, слышавшие разговор, дружно рассмеялись.

— Чего ржёте? — бросил Женька и ушёл, так и не ответив другу.

Естественно, менять позывной он не собирался. Даже о таком и не думал, пока Славка не спросил. Сейчас он, Евгений Самойлов, — «Тося».

За этим вторым именем стоит долгая история, связанная совсем не с женщиной, как можно подумать, а с приёмным отцом, отчимом Женьки. Надпись «Тося» с разрешения командира красуется даже на прикладе Женькиного автомата. Но это совсем другая история.

Вообще, позывной есть у каждого бойца. Кто-то предложил его для себя сам, у кого-то оно сложилось, что называется, исторически. И, чтобы вы знали, громких слов никто в этом качестве не берёт. Сейчас не берёт. А вот раньше, когда всё только начиналось, пацаны, насмотревшись фильмов, через одного были Стрелами, Кинжалами и Барсами.

Теперь — всё иначе. У кого-то позывным стала производная от фамилии. Серёга Лысенко, допустим, — Лысый. У кого-то — топоним. Место рождения или ещё что: Крым, Керчь, Одесса, Арбат, Бутово. Кто-то — Дед, Мазай, Моряк...

Славка Богородов хотел назваться Богом. А что? Фамилия позволяет. Но ротный, услышав это дело, авторитетно заявил: — Будешь «Сява». Понял, боженька? Нашёлся мне тут отец небесный.

Славка не собирался отставать от друга и быстро догнал прихрамывающего Женьку.

— А может, собака эта полезная? Будет нам служить. А ты станешь собаководом. Вы же теперь одной крови, — Славка примостился рядом с усевшимся на ступеньке блиндажа Женькой.

Женька не отвечал. Укушенный зад болел, несмотря на «помазание» зелёной.

— Вот дед мне про кота рассказывал. Подобрал, значит, котейку в Белоруссии, а потом он им в полку помогал, — Славка не унимался.

— Дед? Это ты про Великую Отечественную?

— Ну прадед. Какая разница?! Рассказывал же!

— Трепло ты, Слава. Хоть хороший человек, но трепло. Как оно всё в тебе? — Женька хотел встать, но Славка не позволил.

— Одно другому не мешает. Посиди ещё. Хочешь, про кота расскажу? — Славка ничуть не обиделся.

— Которого подобрал дед, который прадед?

— Именно! А хочешь, у Водопольева обезбол для тебя выбью? Лишь бы ты улыбнулся.

— У Жоры? А даст? — Женька с надеждой и сомнением посмотрел на друга. Водополев славился своей прижимистостью. Ничего от боли Славке не вколол и таблеток никаких от щедрот своих не отсыпал. Впрочем, жадность эта, когда дефицитные лекарства не разбазариваются направо и налево, не раз спасала бойцам жизнь. Так что за куркульство фельдшера никто не осуждал. Все понимали.

— Мне?! Даст! — Славка хлопнул в ладоши и потёр руки, типа, не волнуйся, всё на мази.

Славка убежал в медицинскую палатку, но скоро вернулся с пустыми руками. На невысказанный вопрос Женьки ответил, что фельдшера нет на месте.

— Ладно, так слушай, без таблетки.

Возражения, конечно, не принимались. Славка сел поудобнее, насколько это возможно на ступеньке, и набрал полную грудь воздуха.

Славкин прадед, Иван Ставрович Богородов, ушёл на войну добровольцем. Как многие мальчишки тех времён, приписал себе год и отправился «бить фашистов». Мамка, она воспитывала Ивана одна, даже не знала. Он потом ей написал.

— На фронте Иван Ставрович героем, как хотел, чтоб один сотню фрицев в рукопашной, не стал. Вместо винтовки вручили ему плакатное перо, чёрную и откуда-то взявшуюся красную тушь и рулон бумаги. Велели рисовать агитацию для штаба и писать всякие объявления и прочее. Ибо почерк у Ивана был не просто каллиграфическим, а примерно-показательным. Хоть сейчас в учебники по чистописанию.

— Не то что у тебя, обалдуй! — по затылку Славки прилетела крепкая оплеуха. — Попросил вчера. Или когда? На днях, в общем, было. Я диктовал, Сява записывал. Лекарства инвентаризировали и новый список для волонтёров писали. Так ни черта ж непонятно!

Это неслышно, что удивительно при его росте и весе, сзади к друзьям подошёл Водополюев:

— Давай, ври дальше про деда. Я начало слышал.

Славка и продолжил.

— Привели военные дела Ивана Ставровича с полком, разумеется, в Белоруссию. И вот шёл он как-то по сожжённой фашистами деревне. Накрапывал дождик. Некоторые дома ещё дымились, поэтому группа, куда напросился Иван, получила задание искать выживших. Шанс невелик, конечно. Но вдруг?

Идёт Иван, значит, оружие наизготовку. Расслабляться нельзя. А вдруг немцы засаду устроили? То-то же.

Видит, шевелится кто-то у печи. От хаты, как всегда бывает при пожарах в деревянных домах, одна она и осталась. Потому что каменная. Иван осторожно туда: «Есть кто живой?»

Тишина. Никто не ответил. Но шевеление под обугленными досками усилилось. Иван аккуратнейшим образом положил вверенную ему винтовку на землю и начал разбирать завал.

— Бабу нашёл? — Жора Водополев так и стоял за спинами Женьки и Славки.

— Двух! — засмеялся Славка. — Не перебивай.

Никаких баб, разумеется, Иван не обнаружил. Но кое-кто всё же нашёлся. Из-под завала, как только Иван с подошедшими на подмогу товарищами его раскидал, серой молнией выпрыгнул кот и впился зубами в Иванову ногу.

— Точно! Чуть не забыл из-за тебя, — Водополев отвесил Славке вторую за сегодня оплеуху. — Оголяй зад, Самойлов, обезбол принёс. Битый час по располагаге тебя ищу, а тебе тут Сява баки забивает.

Славка потёр ушибленный затылок, но ничего не сказал. Ссориться с медициной, особенно в военных условиях, глупо. Да и по-дружески Жора это сделал. Он же не виноват, что рука такая тяжёлая.

Женька послушно расстегнул разодранные, зашить ещё не успел, пятнистые брюки и повернулся к фельдшеру голыми ягодицами. Водополев тут же сделал укол.

— Больно? Терпи! — скорее по привычке, чем действительно из жалости громко произнёс Жора.

— Не беда, пройдёт, — за двоих, за себя и за Женьку ответил Славка. Парень надеялся, что фельдшер поймёт, что он имеет в виду и свои подзатыльники. Мол, всё понимаю, не обижаюсь.

— Так что там дальше, про деда? — наконец подал голос Женька.

— А дальше — отодрал Иван кота от своей ноги. С большим трудом, стараясь зверюге не навредить. Кот-то ни в чём не виноват. Наоборот — везунчик, выжил в пожаре. Иван не хотел его покалечить.

Кто-то из Ивановых сослуживцев вспомнил про бешенство. Но Иван даже не успел по этому поводу забеспокоиться. Про него он тоже кое-что знал ещё из школы. Пионерский вожатый, Толик Пьяных, рассказывал, мол, если животное поражено, то и пена из пасти, и водобоязнь. Боятся бешеные воды, даже не пьют.

Изо рта кота, называть его пастью можно только с очень большим преувеличением, ничего пенного не вытекало. Это Иван Ставрович смог разглядеть достоверно. Да и водобоязни не имелось. Освобождённый представитель семейства кошачьих, как только увидел плошку с дождевой водой, тут же к ней бросился и стал лакать. Жадно, аж причмокивая. «Как же тебя зовут, котофей? — перевязывая место укуса, разговаривал Иван с животным. Тот, будто признавая свою вину, тёрся о его здоровую ногу. Извинялся. — Будешь Серым».

Имя действительно казалось более чем подходящим. Кот носил длинную, Иван таких раньше и не видел, серую шерсть.

— А дальше? Давай в двух словах, мне бежать надо. Рассказывай, чем всё закончилось, а то потом от тебя не допросишься, — Жора снова хотел дать Славке подзатыльник, но передумал.

Славка поднятой Жориной руки не заметил.

— Кот стал Ивановой «тенью». Всюду за ним ходил, а при первой же возможности залезал на руки.

Авиацию он чуял. Как немецкие самолёты, так он минут за десять начинал благим матом орать во всю глотку. Много жизней этим спас, а немцам — наоборот, подгадил. У наших зенитчиков было время подготовиться. А предупреждён...

— ...значит вооружён. Черчилль сказал, — блеснул

интеллектом Водополюев. — Верю я тебе, Сява, с трудом. Не верю совсем, если точно.

— А зря. Был бы дед жив, рассказал бы, что как только намечается вражеский налёт, так рыжий кот всем, кого видел, в ноги кидался, а после сразу на дерево карабкался, чтоб повыше, и оповещал, — стал оправдываться Славка.

Ему не хотелось выглядеть вруном. Тем более, рассказал он только то, что собственными ушами слышал от деда. Ни слова не выдумал.

— Точно, заврался. То серый кот, то рыжий. Трепло! — Жора, на некоторое время присевший рядом с друзьями, закричал и стал подниматься. — Ногу тут с вами отсидел. Пойду я. А так всё хорошо начиналось.

Водополюев ещё что-то разочарованно хмыкнул и ушёл. Славка посмотрел на Женьку, а тот спал. Сидя. Как сидел, так и задремал. Разомлел, видать, от Жориного укола. Боль ушла, организм расслабился.

— Рыжим кот оказался. Не дослушал, а выводы делает, — понимая, что никто не слышит, сам себе говорил Славка. — Возле речки полк стоял. Кот, как воду увидел, так шасть туда, и отмылся. Пепел это был, он отошёл, настоящий цвет шерсти наружу проявился. Имя менять не стали.

Серый вообще плавать любил. Как полк дислокацию поменял, большой воды поблизости не оказалось, ему специально в ведро наливали. Так, чтоб доставала до горла. Кот залезал и часами там сидел. Порода такая, наверное, морская.

Славка потормошил Женьку, тот только неразборчиво пробурчал что-то в ответ.

— Вот это тебя разморило! — Славка снял с себя форменную куртку, свернул и подсунул другу под голову. — Спи, ладно. Сейчас обед принесу, от запаха проснёшься.

Когда Славка шёл в сторону полевой кухни, видел, что «Женькину» собаку изловили и кормят всем личным составом. Нормальный пёс, это видно. Не злой и не бешеный.

Испуганный, просто. Но ничего. Отойдёт, приживётся. Наверное, как тот серый кот, на самом деле оказавшийся рыжим.

Михаил Афонин

ТОСЯ

Своему автомату Женька сразу дал имя. Нет, не какое-то героическое, типа Змей или Томагавк, и даже не ироничное, однако явно намекающее на цель и результат, Свинобой. Всё гораздо проще и даже обыденней, что ли. Тося. Эти четыре буквы, хоть и не положено по Уставу, Женя выцарапал на прикладе.

— Баба твоя? — первое, что спросил ротный, когда увидел надпись. Он и не думал Женьку ругать или объявлять «наряды вне очереди», как в фильмах про войну и армию. — Ладно, можешь не отвечать.

И Женька не ответил. А вот в казарме, товарищам по оружию, таким же добровольцам, пришлось рассказывать всё как есть.

— У отца такая татуировка была, — немногословный Женька надеялся, что на этом дружеский «допрос» закончится.

— Мамку Антониной звали? У меня соседка была, баба Тося. Антонина Ивановна, если по паспорту, — спросил Славка Богородов, Женька запомнил его имя сразу. Его, Женькиного, родного брата тоже звали Славой.

— Маму звали Людмила, — как можно скучнее, в надежде, что отстанут, ответил Женька.

— Тогда что за Тося? Ошибка молодости? — Славка рассмеялся, а за ним и остальные. — Бывает. У моего бати якорь наколот, а в море ходил только на надувном матрасе.

На счёт «ошибок» Женька рассуждать не стал:

— Покурю, пока есть возможность, — Женька встал и, не дожидаясь, вдруг кто решит с ним за компанию, ушёл в курилку.

Не рассказывать же всем, на самом деле, что папка у него неродной. Мама вышла замуж, когда ему, Женьке, только исполнилось четыре. В «свадебное путешествие» молодожёны, если можно так сказать, поехали в посёлок Мелекино, на первый спуск. Это под Мариуполем. Младшего сына, а детей мамин муж сразу усыновил, взяли с собой. Женькин брат, Слава, остался дома. Ему в тот момент было уже тринадцать. А значит — есть свои подростковые дела: и «отработки» в школе, и летний трудовой лагерь, тоже от учебного заведения. «Не младенец», такое определение Женька услышал от родителей. Правда, не понял смысл. Разве не очевидно, что Слава не в пелёнках и не просит соску?

— Что написано? — Женька показал на наколку. В четыре мальчик ещё не умел читать, поэтому спросил у папы. Он сразу стал так называть этого, почти незнакомого на тот момент, мужчину. Впоследствии выяснилось, что детское сердце не ошиблось. Женька и Слава получили любящего их и мать заботливого отца и мужа.

— Тося написано. Знаешь, что это означает? — папа посадил Женьку к себе на плечи. — Видишь, вон там кораблики? С песка-то не видать!

— Не знаю. Что значит? — Женька рассматривал морские суда, скорее всего, баржи.

— Это счастливые буквы. Расшифровывается — Твоим Отцом Стану Я. ТОСЯ, если по буквам. Понял? — мужчина лукавил, но малышу знать этого совсем необязательно. Была когда-то Тося, да вся вышла, а наколка осталась.

— Понял. Я тебя люблю! — Женька изогнулся у папки на плечах и поцеловал того в макушку. Мама, наблюдавшая за всем этим со стороны, только улыбалась.

Мамы не стало через два года. Погибла она до обидного нелепо. Не сгорела от онкологии или ещё от какой болячки, нет. На автостанции «Центр», которую в народе именуют не иначе как «Яма», её насмерть задавила маршрутка.

Мамин муж, теперь вдовец, детей не бросил. Мужчина стал заботиться о них за двоих. Это был 2006 год.

Начало Майдана 2013 года в памяти Женьки не отложилось. А вот Новый год, 2013/2014 запомнил хорошо. Отец тогда остался без работы, предприятия в Донецке, где они жили, потихоньку схлопывались. То есть, закрывались одно за одним. Хотя, если положить руку на сердце, это «потихоньку» стало стремительным и скоротечным. Но Женька тогда, по малости лет, такие тонкости не замечал.

За новогодним столом, а семья никогда не нарушала народные традиции и собиралась вместе, отец произнёс речь. Только не обычный праздничный тост, а совсем даже наоборот.

— Я поеду в Киев. Говорят, там деньги платят на майдане этом. Попрогаю, с меня не убудет, — отец залпом махнул бокал шампанского, поставил его на стол, подумал, налил себе снова и снова выпил. — Иначе, братцы, нам хана. Жрать не за что.

— Я с тобой, — старший, Славка, отпил из своего бокала.
— Двоим больше заплатят.

— А я? — в Женькином бокале пузырился лимонад, но он тоже, как все, сделал большой глоток.

— А ты дома, — отец накладывал себе салат оливье.

— Один? — удивился Женька.

— Один. Не младенец, — Славка взял салатник из рук отца, положил оливье в тарелку брата, а после и себе.

В памяти Женьки всплыл «не младенец» из детства. Ему уже тринадцать, как тогда, во время их отдыха в Мелекино, Славе. Только мамы больше нет.

— Я спать пойду. С Новым годом! — Женька ушёл в свою комнату.

Отец со Славой уехали. Деньги они действительно привезли. Некоторое время семья жила безбедно.

— Если бы знал, на что подписался, ноги бы моей на майдане не было, — позже, когда начали обстреливать Донецк, говорил отец. Естественно, он произносил это только в кругу семьи. Выносить такой постыдный факт из биографии на суд общественности в Донецке, означало стать изгоем. Объектом насмешек — так вообще сто процентов.

Женькин папа чувствовал свою вину за то, что происходило. Как человек здравомыслящий, он понимал, что был только каплей в море, но совесть не давала уснуть всё равно. И ответственность за детей, хоть Слава уже давно не ребёнок.

Именно из-за чувства долга перед детьми любимой женщины Женькин отец не пошёл в ополчение. «А ну как убьют? Как вы без меня? Или ещё хуже — стану калекой. Вам и так тяжело, а будет ещё хуже. Стану обузой», — говорил он детям.

Женькин папа пошёл работать электриком. Его бригада восстанавливала повреждённые украинскими обстрелами линии электропередач. Служба по военным временам очень опасная, но мужчина на рожон не лез и работал на совесть. Это несмотря на то, что четверо из его бригады погибли прямо во время выездов на объекты. Каратели не жалели никого. Видят, что приехали ремонтники, — и открывают по бригадам огонь из миномётов или делают работяг мишенями для снайперов.

Слава тоже без работы не сидел. Первое время он торговал на рынке, как сам говорил, «работал на дядю», а после организовал свой бизнес. Парень ездил на Украину, закупал там всякие колбасы, приправы и прочее, что требовалось в Донецке. Город в то время находился в жёсткой блокаде — украинским товарам большая дорога перекрыта, а российских на всех не хватало. Цены взлетели до небес.

— Спекулянт ты, Славка, — говорил старшему сыну отец.

— Это почему? Я людей кормлю, — оправдывался Слава.

Чуть позже Слава стал ездить в Мариуполь, чтобы обналичивать донецким старикам украинские пенсии.

Естественно, за процент. «Челноков» такого рода появилось достаточно.

— Ты же на людях наживаешься. Кто ты после этого? — отцу не нравилась деятельность сына.

— Не я, так другой. Процент у меня божеский и людей не кидаю. Знаешь, сколько мошенников? А у меня всё честно, — Слава снова находил себе оправдание.

Женька в работу брата не вникал. Он учился и вообще был «на хозяйстве». На нём держался весь дом.

В одной из своих поездок в Мариуполь Слава познакомился с девушкой. Влюбился и женился, так говорят в подобных случаях.

— Что-то ты, Слава, как-то скоропостижно всё это, — шутил папа.

Слава уехал жить к супруге. Оттуда молодожёны перебрались в Польшу. Слава регулярно выкладывал в соцсетях фото со счастливой улыбкой. Ни Женька, ни отец его не осуждали. Каждый строит жизнь по-своему.

Когда в Донецке стали выдавать российские паспорта, Слава с женой вернулись, получили вождеденные документы и переехали в Воронеж.

— Несладко в Польше было? — выводил Славу на откровение отец.

— Всё нормально, — бурчал Слава. Больше из него про «жизнь в Европе» невозможно было вытянуть ни слова. С началом СВО Женька пошёл служить. К этому времени он уже достиг совершеннолетия. Дома парня не держало больше ничего. Брат в Воронеже, а отец, наконец, дал благословение.

— Осторожней там, сынок, — только и сказал он на прощание. А что мужчина ещё мог? Понимал, Женька — пацан упёртый, если решил, с пути не свернёт.

Через три месяца Женькин папа погиб в собственном дворе, наступил на мину-лепесток. Украинцы стали разбрасывать такие над жилыми кварталами Донецка.

— Евгений Самойлов награждается медалью «За Отвагу», — командир перед строем вручил Женьке коробочку с наградой. — Давай, герой, рассказывай, как было дело.

Женька молчал. Все говорили, что он совершил подвиг, но парень так не считал. Его группа, а служить парень попал в разведку, нарвалась на засаду. Женька остался прикрывать товарищей.

— Со страху всех бандеровцев перестрелял со своей Тоси. Да, Женька? — Славка Богородов, записной весельчак, пытался погреться в лучах Женькиной славы. Он, Славка, и сам был в той переделке. Его, раненого в ногу, Женька вынес на себе. — Я бы тоже помогал, но потерял много крови, без сознания был. А так...

Тося, автомат, погибла в том же бою. Пуля, предназначенная Женьке, попала в приклад и ушла в рикошет. Вот, о чём на самом деле, жалел Женька. Прикладу конец, значит и автомат пойдёт на свалку. Боевые потери, так сказать. Но ведь Тося спасла Женьке жизнь, как не крути.

— А также Евгений Самойлов награждается... Хотя, какая эта награда герою? — командиру подали что-то, замотанное в камуфляжную сетку. — Разворачивай, раз такое дело.

Когда свёрток оказался в Женькиных руках, он почувствовал, как сердце стало колотиться с удвоенной силой. Что там? Парень снял с презента импровизированную подарочную упаковку.

В Женькиных руках лежала его Тося. Оружие отремонтировали, но не узнать Женька не мог.

— Официально разрешаю нанести на приклад имя, — командир не мог сдержать улыбку. Ранее такого он никогда не говорил и не делал. — Тося? Пусть будет Тося.

— Служу России! — Женька закричал так, что у самого заложило уши.

Женька нацарапал имя на новеньком прикладе. Твоим Отцом Стану Я, Тося. Нет, он не считал себя родителем

автомата. Эти буквы, как и в первый раз, на его первом оружии, стали памятью о воспитавшем Женьку мужчине.

Сейчас Женька и Тося несут службу под Донецком, на Марьинском направлении.

Оксана Саликова

ЗА САНЬКУ!

— Леха! Леха! Барс! Вылазь, к тебе пришли, — из землянки долго никто не выходил.

— Барс! — ещё громче крикнул командир позывной Лехи Басенко.

— Что? — из темноты земляного укрытия, наконец-то, выглянул Барс.

— К тебе корреспондент, Расскажи, что можно, а я ушел, — командир похлопал Барса по плечу, улыбнулся и быстро ретировался, оставив ничего не понимающего Леху с корреспондентом один на один. А чего Леха может рассказать корреспонденту? Он такой же, как все здесь, но, может, чуть моложе других. Ему недавно только 22 стукнуло, но воюет он давно, как 18 исполнилось, так сразу и пошел. Сам из Донецка, батя — шахтер тоже воюет, мама — бухгалтер, сестрѐнка ещё есть. Ничего особенного.

Корреспондент очень внимательно изучал его, немного отвлекаясь на свою аппаратуру.

Они отошли от входа в укрытие и присели на утрамбованную землю, подперев спинами стену окопа, и корреспондент начал разговор:

— Скажите, Алексей, за что Вы воюете?

Санька бегал с мальчишками по пыльной улице. Играли они в войну. Ничего, кроме войны, они не знали. Но что уже четко для себя уяснил пятилетний Санька, так это то, что быть взрослым очень горько, больно и страшно. Он еле-еле стал

себя помнить, а уже видел, как мама плакала, когда папа и дядя Боря, папин брат, уходили на войну. Как потом, через время, отец с почерневшим лицом, сообщил маме, что его брат погиб. И плакали мама с бабушкой. Как потом, уже по весне, плакала мама. Сжимая Саньку в объятиях, она что-то причитала про сироту, и горячие слезы капали ему на макушку. Потом он с бабушкой ходил в больницу к маме, ее ранило, когда в машину скорой помощи попал снаряд. Из маминой бригады медиков водитель и фельдшер погибли на месте, а за маму врачи боролись. Но и мама ушла на небеса, так говорила бабушка. И жил Санька теперь с бабушкой, бегал по улице с автоматом, как у папы и дяди Бори, который подарил ему Дед Мороз и «слушалкой», что ему отдали в больнице в память о маме. «Слушалку» мама всегда носила на шее, как все врачи. Название у этой штуки уж больно мудреное, Санька его не запомнил.

Сегодня как-то уж очень громко и близко бухало, бабушка пару раз выглядывала за ворота и смотрела, где играют мальцы. Санька почти окружил укропа и вынес с поля боя товарища, как вдруг сильные руки бабушки подхватили его прямо во время перевязки друга и отнесли в дом на диван под стенку рядом со шкафом.

Там было безопасней всего, так когда-то говорил папа. Бабушка тяжело дышала и крепко обнимала его. Санька сжимал в руках свой автомат, мамина «слушалка» одним концом вываливались из кармана. Бухало так, что закладывало уши. Бабушка что-то бубнила, Санька не понимал что: ему было очень страшно. И вдруг очень сильный взрыв раздался где-то на крыше. Крыша в секунду рухнула на них с бабушкой, один конец балки, державший крышу, упёрся в шкаф, остальное упало на диван и придавило бабушке ноги. На Саньку сыпался какой-то мусор.

Падала мебель, билась посуда, звенели разбившиеся окна, кричала бабушка, кричал Санька. В комнате стало мутно

от пыли и обрушившийся штукатурки. Что-то продолжало сыпаться на них с крыши. Уши заложило. Санька через туман видел, как бабушка, лёжа, придавленная какими-то обломками, из последних сил кинула в сторону окна табуретку. Опять зазвенели разбитые стекла, проём почти очистился от них. В комнату потянуло воздухом, бабушка жадно дышала, жестами звала Саньку.

— Санька, милый мой, вылезь в окошко и иди на солнышко, все время на солнышко. Слышишь меня, все время на солнышко. Там спокойнее, и там точно наши, русские.

Опять стало бахать, бабушка слабеющей рукой подтолкнула его к окну. Ему было очень страшно, но он послушал бабушку, вылез через разбитое окно и со всех ног пустился бежать. «А где же солнышко? А вот где, мне туда». «На солнышко, на солнышко, на солнышко», — повторял Санька, убегая от бомб. Он не останавливался, хотелось поскорее оказаться как можно дальше от обстрела, туда, где солнышко. Он шел, хотелось кушать, но больше всего хотелось пить. Ночью было страшно и холодно. А ещё ночью снова очень сильно бахало. В каких-то развалинах он нашел старую рваную клеёнку, завернулся в нее и заснул на битых кирпичках, подстелив себе картон, валявшийся там же. Когда засыпал, его испугала мысль: а что если завтра будет пасмурно? То, что солнышко не стоит на одном месте, он даже не подумал, дома оно всегда светило в окна со двора.

На исходе вторых суток он дошел, дошел, как сказала ему бабушка — на солнышко, туда, там русские!

Алексей отслеживал свой сектор боевого охранения, он давно заметил мальчика, бредущего в серой зоне.

Неизвестно откуда взявшийся малыш чешет по полю прямо на него. Он ещё раз посмотрел на мальчугана в оптику. Грязный, испуганный, замотанный в какую-то тряпку, все

время посматривающий куда-то в небо. В одной руке автомат-игрушка, в другой — какие-то трубки. Ну да ладно, разберемся. Парнишка приближался к секрету Алексея, и в нарушении всех правил маскировки Барс из положения лёжа присел на корточки, когда малыш поравнялся с ним. Ребенок от неожиданности растерялся и испугался. Пересохшим ртом еле-еле выдавил:

— Дяденька, Вы русский? Не стреляйте. Я к вам шел.

Корреспондент федерального канала, бывалый военкор, прошедший не одну войну, брал интервью у самого молодого воина разведроты Алексея Басенко, позывной «Барс». У каждого бойца свои мотивы и счёты к врагу. Что двигало этим парнем чтобы в свои восемнадцать добровольно пойти в окопы?

— Скажите, Алексей, за что Вы воюете?

Парень грустно усмехнулся, нахмурился, потом надолго задумался и сказал:

— За Саньку...

Юлия Рубинштейн

НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦЫ

1. Вместо зачина. 24.04.2024

Ровно один абзац пояснения из сегодняшнего дня. То, что будет дальше — не рассказ. А репортажная правда. Всё так и было. Просто мы, обычные люди, осенью 21-го ещё не знали, что наступит и вообще-то, как таковой, будущий год, 2022-й, и 24-е февраля этого самого года...

2. Октябрь 2021

В день рождения мужа, второго октября, я всегда звоню тёте. И в день рождения сына, и дочки. Так договорились. Она не может позвонить сюда. Потому что живёт на Донбассе.

Звоню и в этот раз. И на дежурное «ну, как дела» слышу ответ: «плохо».

Удовольствие пожаловаться на жизнь — одно из сильных, затягивающих, но тётка жалобоголизму не подвержена. Да и голос — плохой. Невооружённым ухом слышно. Оказывается, соцработница, которая ей помогала, загремела в больницу. Корона. И соседка, которая в магазин идёт — так уж себе и ей, — тоже на бюллетене, под врачебным арестом.

— И до туалета уже с трудом... Похоже, у меня то же самое...

Тёте девяносто три года. Прописью, для корректора-маловера. Старая врачиха, когда-то — гроза местного директората. Потому что всегда вставала на сторону простого гражданина. А на её сторону кто теперь встанет? Кроме меня?

В конторе, гоняющей туда автобусы из Питера, отвечают:

— Справки? Какие ещё справки. Паспорт российский, и ша. Ближайший рейс в понедельник, бронируем.

Воскресенье. Спасибо мужу, он понял. Понедельник. День да ночь — сутки прочь: Питер, Тверь, Тульская область, Воронежская, утро вторника — Изварино.

Самое паршивое, что формально и в самом деле нет оснований требовать, чтобы меня к тётке пустили. Вся надежда на то, что это Донбасс. Побывав там в 15-ом, видела: таки другая страна. Живут и борются за жизнь, а не бумажки сочиняют. Ну, упрёмся — разберёмся.

Деятель в камуфляже без знаков различия:

— Рюкзак откройте. Там, под этим, что? А в этом кармане? Там три тряпочки, но перешерстил внимательно.

— Можете идти.

Дальше будка, где надо предъявлять паспорт. Точно ведь завернут. А если на арапа, на «морду лопатой»? Пригибаюсь, якобы чтоб не задеть железный прилавок, на который как раз и кладут паспорта — и мимо. Молчание. Ура?

Нет, хватились.

— Пройдите сюда.

На двери — «служебное помещение». Старлей, который привёл меня, ещё один лейтенант, стол и на нём монитор. Сажусь напротив.

— Паспорт сюда. Почему вы прошли мимо контроля?

Морду лопатой!

— Я рюкзак на контроле показала. И сказали, можно идти.

— Кто сказал?

— Ваш коллега, в камуфляже.

— А дальше? Зачем вы шли, нагнувшись?

— Чтобы не удариться головой о прилавок.

— Какой прилавок? Какой коллега? Что вы дурочку разыгрываете?

— Ну конторку, или как у вас положено это называть.

Они западают на такие слова, вроде «положено». Все, кто в погонах, на это западают.

— Вы знаете, что вы нарушили пограничный режим? И что за это...?

— Ничего не нарушала. Мне сказали — можете идти, я и пошла.

— Посмотрите.

На мониторе я, нагнувшись, иду по проходу.

— Это вы?

— Да.

— Смотри, смотри, она прямо как кентавр чешет! — это соседу-лейтенанту, а потом снова мне: — Ну так что же вы дурочку разыгрываете? Вы нарушили. Зачем? Знаете, что за это...?

Сыплет уголовные статьи. Внутри делается пусто, но тётка там одна, а прошло уже три дня.

— В городе Алчевске, бывший Коммунарск, у меня живёт тётя, ей девяносто три года, она плохо ходит даже по квартире. Три дня назад мы созвонились, я узнала, что она осталась без всякой помощи. Кто за ней ухаживал — заболели. Кроме меня, некому нянчить.

— Вы знаете распоряжение правительства России от двадцать седьмого марта?

— Об ограничении выезда? Знаю.

— Слова «тётя» там на самом деле нет, — старлей продолжает бубнить, — родители, дети, при условии, при наличии. Перебиваю:

— Да, и знаю, что слова «тётя» там нет. Но ей девяносто три года, и она осталась без всякой помощи. Кроме меня, некому нянчить.

— И нужно было нарушать...?

— Ничего не нарушала. Ваш коллега мне сказал — можете идти, я пошла.

— Он нам не коллега. Он таможенник, вы знаете, что это вообще разные службы?

— На нём не написано. Он разрешил, я пошла.

Опять — зачем, опять я объясняю насчёт не удариться

головой. Раза три, по кругу. Потом старлей раздражается длинной речью о том, что он подчиняется ФСБ, а таможня ему не коллеги. Показывает бумаги — пограничные правила. Пустографку:

— Подпишите.

Как раз про то, что я нарушила эти самые правила, подлежу уголовной ответственности и предупреждена. Подписываю. По возможности размашисто, уверенно.

— Из всякого правила есть исключения. Прошу об исключении, потому что тётке девяносто три года, она ветеран тыла Великой Отечественной, — и далее по тексту.

— Какое может быть исключение? Вы же знаете, почему принято такое распоряжение.

Знаю. Твержу о беспомощной тётке-ветеранше. Он не слушает. Привели ещё одного нарушителя. Не в тот коридор сунулся. Ссылается на «поддал вчера». Выталкивает из себя по фразе с большими паузами. Автобус, наверно, уже уехал. Не могут же сорок человек ждать, пока разберутся с одним. Да таким неудобным.

— Как же вы ездили в Финляндию?

Ага, у него там база данных. Тоже годится.

— Вот найдите, найдите тётю в вашей базе данных, она проживает в Алчевске. Девяносто три года. Родная тётя.

Трясу перед ним свидетельством о рождении:

— Вот, батя — Юрьевич, и она Юрьевна, родная сестра отца. Муж умер в пятнадцатом, детей не было. Некому нянчить, кроме меня.

Ещё одного приводят. Тоже не в свой коридор сунулся. Сколько времени прошло? Сколько ещё тётя там выдержит? Входит тип в штатском.

— Я представитель ФСБ.

— Весьма обязана, я Юлия Григорьевна.

Кажется, именно это называется — светски.

— Прошу способствовать пропуску меня на территорию ЛНР, там ждёт моей помощи... — далее по тексту.

— Где вы работаете?

Называю.

— А давали вы там подписку о сохранении гостайны?

— Не работаю с гостайной.

Для тех, кто не в курсе: дал такую подписку — значит, обязался никому не рассказывать, что давал подписку. Штатский тем временем развивает детектив. Меня алчут использовать или спровоцировать — на что, кстати? — чьи-то разведки. Вспоминаю поездки в Питер, на головную площадку нашей конторы. По Большой Посадской, мимо дома, где жили великие. Мемориальная доска Евгению Шварцу. «У нас такие тайны — обхохочешься». Его, Шварца, слова. Перебиваю:

— И если вы за интересы государства, то поможете ветерану тыла Великой Отечественной, которой девяносто три года... — далее по тексту.

— А я как раз и могу вам помочь, от меня сейчас зависит, какое решение будет принято.

Тянет и тянет из меня — а давала ли я... База данных есть. Из неё он правду узнает. Рассказываю про завод, где начинала. Вот там-де давала подписку. Это было в другой стране, она называлась — СССР, и всю тайну рассекретили в 89-м. Сама грифы замазывала. Это правда, ничего, кроме правды, зажигаюсь, рассказываю с порядочным азартом. Завершая напоминанием, что тётка уже три дня без помощи.

— Пройдёмте за мной.

Узкий коридорчик, повороты, двери, комната, ещё двое в камуфляже. У одного, перед монитором, есть знаки различия.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант.

Удивился-обрадовался — вскинул этак физиономией. Круглой, неслужебной.

— Зачем же вы пытались пройти... — и вся волынка сначала. Я долблю про девяносто три года, про ветерана тыла. Некому нянчить. Пропустите.

— Ваш паспорт.

Листает паспорт. Смотрит на монитор. Листает. Смотрит. Листает что-то на мониторе. Говорить уже выдохся. Суждено ли тётке дотерпеть до меня? И вдруг:

— А знаете, что вы есть в википедии?

Поворачивает ко мне монитор. На нём фото. Я с гитарой перед микрофоном. Бардовский фестиваль «Костры», Волгоград, 89-й год.

— А сейчас спеть что-нибудь можете?

— Давайте я вам спою, а вы меня пропустите. К тётке.

Но до такого не доходит. Как сработало что-то. Давешний штатский открывает дверь:

— Пройдёмте.

Выходит под открытое небо. За ним я, за ним лейтенант.

— Поскольку ваш автобус ушёл, мы нашли человека, который...

Лейтенант уже что-то объясняет водителю серого «фольксвагена». Вооружённой погранецкой властью обязывает его доставить меня в Алчевск. Сажусь, и мы покидаем российский КПП. Местный, луганский — просвистываем без звука, мутовкой сквозь тесто. Показали в окошко паспорта, и ша. Водитель не возмущён, что навязали попутчицу. Бывает. «Да и не такое бывает», — говорит он.

Луганск. На улицах почти пусто, некоторые здания побиты, в трещинах, попадают забранные щитами окна. В одном месте водитель обращает моё внимание: а вот это недавнее. Груда стекла, трещины по кладке. А был техникум. Стратегического значения здание, да, конечно.

Алчевск от пятнадцатого года отличается в плюс. На металлургическом заводе появилось новое: стального блеска цилиндр этак с пятиэтажный дом, цветная огромная надпись: ЙОД. Новое производство. Тротуары в ямах, но не от обстрелов — просто износ. Проезжие части улиц получше: есть свежие заплаты. Прощаясь, сую тысячу. Это здесь большие деньги, водитель пытается отнекиваться, но я говорю:

— Не буду благодарить, так в свинью же обращаюсь, и укропы на сало пустят!

От души веселится. Я убегаю. Ищу, где можно подключиться к местной мобильной сети — вдруг тётка уже в больнице. Старое, знакомое по 15-му году, закрыто. Жалюзи ржавые. И другое знакомое закрыто. На ржавый замок. Наконец ошастливили действующие МТСники. Но как набираю тётин мобильный — так слышу мову робота. А городской, стационарный — вообще «в молоко».

Бегу на почту. Междугородного там не было и при СССР. Но перед операторшей возвышается старый чёрный дисковый аппарат.

— Разрешите, пожалуйста, позвонить! Мобильный не берёт, а тёте девяносто три года...

— Не положено.

— Ветеран тыла Великой Отечественной, и некому её нянчить, кроме меня!

Разрешают. Ура. Др, дrrrr, дrrrr — отсчитывает «декадка», старая-старая АТС.

— Юля? Ты где?

Говорить надо раздельно, громко, связь даже внутри города хрустит и скрежещет. Наконец кричу «спасибо» — и наружу. До тётки пять минут. Сталинский, послевоенной постройки дом обшарпан, сыплется штукатурка. Не от снарядов, опять-таки — от износа. По Алчевску не стреляли: завод принадлежит олигарху со столь мохнатой лапой, что сумел пресечь. Еле теплится лампочка в подъезде. Вкрутить помощнее — сожрёт столько энергии, что ЖЭК не сможет заплатить, и отключат вовсе. Формального запрета на мощные лампочки нет, не чаушеская Румыния и не наши сороковые. Есть здравый смысл. Взбегаю на третий этаж. Гремят ключи за двойной железной дверью.

— Ты меня очень растрогала. Не обнимай меня, не обнимай! Меня же заразила эта нянька. Она в больнице с температурой, в ковидном отделении.

— Я вас поцелую только в завиток на затылке. Как у Эльдара Рязанова. И надену маску.

— Вот и надень.

Делать надо то, что дома. Здесь должен быть дом. Перемываю посуду, до какой добираюсь. Тереть надо и не жалея силы, и с хорошим реактивом. Потому что вода раз в два или три дня на полдня. И такая жёсткая, что не все средства в ней моют. Вдобавок сильно открывать кран нельзя, иначе либо сам кран слетит, либо потечёт раковина. А если еле хватает сил встать с постели... Регулировать газовый обогреватель тоже нет сил. Тётя спит под тремя одеялами. Ну, теперь будет тепло. Газом здесь топят с зимы 2014-15-го, когда отопительный сезон не состоялся.

Какой-то суп сварить. Какую-то кашу. Тётя ест овсянку. Ест. Это хорошо.

А потом ничего не ест.

До туалета уже никак, только до ночной вазы.

Умываю — смоченной в тёплой воде салфеткой.

— А я мечтала помыться, — на подушку через висок сбегает слеза.

Ванна занята запасом воды, по графику сегодня должна была быть, а вот нету.

Тётя засыпает. Храпит. Потом нехорошо храпит. Становится ясно: пора звонить в скорую.

— У нас ещё с десяти утра вызовы не обслужены.

Какое нарушение границы, ребятки? Мы с вами по ту сторону всех и всяческих границ. Полседьмого вечера. Пятница. Накануне предупреждали: в городе отключат электроэнергию с семи вечера на двое суток.

Вызов врача — длинные гудки. Пожарная, по-нынешнему спасатели. «Вне сети». Остаётся милиция. (Официально — полиция, но никто так не говорит.) Кто-нибудь, кто довезёт до больницы! Ноль-два и городской пятизначный номер ни тпру ни ну. Стучусь к соседу, у того «Лугаком».

МТС украинский не дружит с «Лугакомом». И в Россию — с него да, а из России на него — нет. Поэтому дать кому-то позвонить по мобиле — естественно. Солидарность.

— Не дай бог, мы живую трупом запишем, — милиция не понимает, чего от них хотят.

— Не дай бог.

— Что мы, окажем медпомощь?

— Хоть до скорой доведите, они говорят — с десяти утра вызовы висят.

— Вернётся машина, тогда к вам, ждите.

Тётя уже не дышит. Света нет, горят свечи. У дверей и у её кровати.

Часа через два стучат. Трое мильтонов. Повторяю под протокол то же, что погранцам: девяносто три года, ветеран тыла, все няньки заболели. Меня перебивают:

— Да, конечно, — кто с вас что спросит, что вы могли сделать? Всего три дня, четвёртый? Давайте напишем хоть неделю.

— Если это в вашу пользу...

Сами вызвали бригаду из морга. Не просто исполнители. Люди. И помнят об этом — здесь, по другую сторону границы. Я не говорю им «до свидания», его не будет, говорю: счастливо. «Уходишь — счастливо», — пел Юрий Визбор.

А дальше надо собирать справки. У которых есть срок действия. Сутки, двое, трое. И про отключение электричества в правилах ничего нет. Про субботу и воскресенье тоже не всегда. Одна справка нужна, чтобы получить другую, та предъявляется в окошко, где выдают третью. На каком-то шаге разрешается покойного похоронить.

Первая инстанция — морг.

Белый халат спрашивает:

— Чем болела?

Выслушав перечень болячек — диабет, гипертония, печень, суставы — уточнив ещё, что не было ни болезней сердца, ни инсульта, пишет в справке: кардиосклероз.

А самая серьёзная инстанция — ЗАГС. Подъезд, лавочка, места от силы для троих. А к началу работы собралось человек двадцать-тридцать. Очередь скапливается потому, что на регистрацию смерти отведены только вторник и четверг. Внутрь нельзя. Пока не позовут. ЗАГС, как положено, в горсовете, а перед горсоветом площадь, на которой стихия гуляет по-степному. Ветер превращает даже несильный дождь в плётку, прохлёстывающую жгучим ознобом.

— Куд-да? Не видите — объявление? Выйдите за дверь! Не больше двух человек в помещении! — у служащей крысиный оскал. Железных зубов не видеть, не 50-е, а манеры те самые. Где пишут такие указивки, взращивают такие манеры?

Простите меня, плакавшие под дождём! Тётю знал весь город, в том числе — люди, имеющие отношение к похоронному бизнесу, и искомая бумага мне досталась по благу. Тот, кого из-под крыши не гонят — вот кто самый крутой бластмейстер.

Пятница зарезервирована под свадьбы. Война войной, а жизнь жизнью. Дети тоже существуют. Учатся. Идут из школ в то же время, как и в России. В субботу — учебный день, но было отключение — не учились. На почте девчушка явно младшеклассного возраста сидела возле свечки рядом с операторшей (внучка?), что-то клеила.

Время от пятницы до вторника уходит как раз на справки и на организацию собственно похорон. Ритуальные конторы трудятся без устали. В неделю умирает 90-98 человек. В стотысячном городе. Оценка 2016-го года, после массового бегства в 2014-15 годах, то есть годная и сегодня.

Отключение энергии никого не смущает. По всему городу рычат генераторы. В кафешках, магазинчиках, на балконах квартир. Война войной, а жизнь жизнью.

В России на такую же численность умирает человек 20-25 в неделю. Что до ковидобесии, что сейчас. Это если город не депрессивный, если там есть трудоспособный народ, семьи

с детьми. А такая статистика — значит, остались в основном старики, вымирающие от отсутствия медпомощи. Заводская больница брошена, прекрасной архитектуры послевоенные здания рушатся. Некому работать. На весь город два терапевта. Так сказали в поликлинике, когда я пришла узнать, кто занимается работой с ветеранами. Вот и погибают необслуженные с десяти.

— На пятницу поставим на очередь, — говорят мне ритуальщики. Разговор происходит в субботу. — Гробы привезут только в пятницу.

Ни делать, ни возить их тоже некому. И не на чем. Правда, похоронная контора в городе не одна. Удаётся договориться на среду.

Тётя была диабетик, в доме ни сахара, ни чаю, ни кофе. Вот сейчас бы немножко кофе, чёрного и сладкого, и хоть в тюрьму, хоть в гроб. Кафешка на Московской: «BUNKER — кофе — пиво». Божественный запах с порога. И я решаю:

— А позвонить от вас можно?

Кивок. Как в фильмах про комиссара Мегрэ, где все звонят из кафешек.

— Номер скажите только... А-а, в Россию? Тогда мы вот так...

Без капли растерянности. Будто таких проходит по десятку в день. Появляется многодюймовый навороченный смартфон.

— У того, кому звоните, есть Вайбер или Вотсапп?

— Да, да, Вотсапп!

Через все границы слышу голос мужа. Пусть моя новость печальна, пусть и ему теперь предстоит невесёлые хлопоты — дать знать остальной родне, но на какие-то минуты расступается безнадёга. Я говорю с любимым. Светло и тепло. С улицы доносится техническое ворчанье. Денег за разговор с меня не берут, такая услуга штатно подразумевается в любом мелком заведении (кафе, магазин, даже банк). Входит в набор. Бармен Костя сочувствует. Всей подвижной южнославянской физиономией. Перевожу дух. Расплачиваюсь российскими —

здесь за всё берут рублями, пенсии и те в рублях, гривны можно только обменять в банке, безнал рублёвый тоже в ходу — перед Костей на стойке вполне себе пинпад. Как и много где. Выхожу на улицу — в ворохе жёлтой листвы у остановки автобуса вольготно полулежит трёхцветная, «счастливая» кошка. И даёт себя погладить.

Доводилось слышать от человека, хлебнувшего в 90-е: если в городе есть дворовые кошки, если они не выглядят драными и не шарахаются от прохожих — город населён пока ещё людьми.

Город-таки населён людьми. Даже в конторах не кричат чайчými, как на родимых просторах, голосами: наденьте маску, без маски не обслуживаем. Люди в масках — есть, но это частное дело каждого. Боятся немногие. Тут уж или бояться, или жить. А больных — на те же 80 тыс. народу — не больше, чем в России.

Бояться здесь стыдно. У самых ворот кладбища выгорожен участок, где лежат тридцати-сорокалетние мужчины, ушедшие в 2014-ом... 2015-ом... Совсем недавно — тоже есть. Перед ними-то и стыдно.

Даже из отключения энергии извлекают пользу. По улицам снуёт передвижная вышка троллейбусников — ремонтируют контактную сеть. Первый признак, первый звук включившегося электричества — характерное «ууу» набирающего скорость троллейбуса за окном.

Коллеги не пришли ни хоронить, ни поминать тётю.

— Нам не разрешают, — говорит медсестра, которая работала с ней в 2000-ые. — Не должны, говорят, отвлекаться на соблезнования, потому что и так тяжело. У нас же не объявляли эпидемию. Жить-то надо — и работать ездить, и гуманитарку возить. А народ болеет...

Она просто медсестра, сочувствует не по должности, а на самом деле. Когда спрашиваю: «Кому надо сказать, что...», у неё вырывается:

— Ооо-ой... Эх...

И только потом уже какие-то слова. То, что говорится по обязанности — звучит не так.

Въехать из Донбасса в Россию — проще, чем в какую-нибудь Финляндию. Сплошное нарушение всего и вся. Или блюсти правила, или уж жить. Никто не лезет в рюкзак и не спрашивает — а что это такое? — указывая на зарядник от телефона. Разве что одно отличие:

— Снимите все головные уборы! — командует напыженная, аж сморщенная дама, внося в автобус не то подозрную трубу, не то прицел. — Дистанционное измерение температуры!

Так и покидаю Донбасс — сняв шапку.

3. Опять 24.04.2024

Ни слова после 24.02.2022 не убавила, не прибавила. Кроме двух абзацев: до и после. И не меняла настоящего времени на прошедшее. Оно станет прошедшим, когда победим.

Сергей Васильев

САШКА

Рассказ основан на реальных событиях.

— «Режиссер» — «Паскалю», «Режиссер» — «Паскалю», я подбит. Разорвало «гусянку». Нахожусь под плотным огнем. Ведем бой. Ведем бой, — громко, но спокойно повторял хрипловатый мужской голос в наушниках шлемофона Сашки, а на заднем плане эфира слышались четкие звуки стрельбы из пулеметов и автоматической тридцатимиллиметровой пушки.

Парень прекрасно понимал, что сейчас происходит там — впереди по разбитой и искореженной снарядами улице, с выгоревшими многоэтажными домами, раздербаненными в щепки деревьями и черными пустыми глазницами воронок в асфальте, над которыми висел сизый пороховой дым.

Светловолосый, худощавый, невысокий двадцатилетний Сашка, с перемазанным чем-то черным лицом, внимательно смотрел в прицел танковой пушки, до хруста сжав зубы. В радиоэфире посекундно раздавались голоса, которые отдавали команды, о чем-то говорили, просили о помощи, кричали, смеялись, матерились...

Так всегда бывает, когда идет штурм города. Вокруг творится неразбериха и непонятно, где свои, а где чужие. Обстановка меняется моментально — каждую секунду. Сейчас боевики здесь, а не успеешь глазом моргнуть, как они уже там. Кругом все бахает, стрекочет, визжит, пищит и кричит, лязгает и разбивается, горит. Пахнет насыщенным порохом, сырой землей, свежей древесиной, бетонной пылью,

выхлопным дымом от дизтоплива и едким — от сгораемого пластика.

В отсеке экипажа танка, в котором находился Сашка, стоял сильный запах пороха, раскаленного металла и пота, исходящего мужскими телами от пропитывающего их адреналина. Раздавался пискливый звук работающих приборов и приглушенный рокот двигателя.

Их танк в этом месте оказался случайно, когда менял позицию для очередной стрельбы. Выскочили на улицу, а тут — на тебе, увидели и слышали. На войне много чего происходит случайно, и от того, кто и как сделает следующий шаг, много чего зависит.

Парень видел, что метрах в семистах перед ними подбитая БМП яростно огрызается всеми стволами, ведя огонь куда-то влево в сторону покореженных многоэтажек. На ее броне стальные сердечники смертоносных пуль высекали фейерверк ярких золотистых искр.

Сашка не к месту вспомнил, что так же взрывались маленькие петарды, которые он вместе со своими друзьями покупал пачками перед Новым годом. А потом они ходили по улицам небольшого провинциального городка, поджигали их и разбрасывали, пугая кошек и прохожих. Соседи постоянно жаловались на него за это, а мать ругала и обещала отобрать эти веселые разноцветные цилиндрики с порохом.

Почему до сих пор боевики не сожгли обездвиженную БМП, он не знал. Видимо у противника закончились снаряды, нет дронов, и теперь он терзает ее из стрелкового оружия в надежде причинить ей хоть какие-нибудь повреждения и по возможности уничтожить экипаж.

А вот экипаж не собирался сдаваться или покидать обстреливаемую со всех сторон, раненую машину. Да это было бы и глупо. Как только они откроют люки и покажутся снаружи, их тут же всех положат, поэтому у них оставался лишь один выход — идти до конца. Помощи они не просили, наверное, понимали, что сейчас происходит

вокруг и ждать чего-то сверхъестественного им не придется.

«Смелые и отчаянные мужики», — с восхищением подумал Сашка, когда увидел всю эту картину. Он оторвался от прицела и вопросительно посмотрел на Гену, своего командира танка. Широкоплечего, такого же невысокого, голубоглазого двадцатипятилетнего парня, чуваша по национальности. Тот в свою очередь, отстранился от триплексов и вопрошающе оглядел свой экипаж.

— Ну, что делать будем, мужики? — серьезно спросил Гена у них.

Рамиль, механик-водитель танка, чернявый весельчак двадцати трёх лет, переглянулся с Сашкой. Тот прочитал в его глазах — нельзя бросать мужиков! Еще он заметил, как напряглись желваки на скулах Рамиля, а в глазах мелькнул металлический блеск.

— Надо вытаскивать мужиков, — с полной уверенностью в голосе сказал Сашка, — иначе их точно сожгут. У них от силы осталось минут десять. Сейчас, эти черти притащат пару РПГ и все — звездац мужикам.

— Рамиль, ты как? — спросил Гена.

— Нормально. Я только «за». Командуй, Ген, — и мехвод покрепче ухватился руками за рычаги управления танком.

— У нас трос есть? — снова спросил Гена у экипажа.

— Был, на корме, если его чем-нибудь не снесло, — ответил Рамиль.

— Тогда, расклад такой. Подлетаем к БМП, разворачиваемся, цепляем трос и вытягиваем мужиков, — быстро проговорил командир. — Все согласны, с такой постановкой плана?

— Да, — дружно отозвались Сашка с Рамилем.

— Кто пойдет наружу? — продолжил Гена.

— Да, я и пойду, — сразу же отозвался Сашка. — Тут и думать нечего. Можете ничего не говорить. Мы все здесь не трусы, вот и все. Закончили на этом.

Генка тяжело выдохнул, а Рамиль, сверкнув глазами,

повернул голову к своим триплексам в люке.

Сашка давно уже решил все про себя. Экипаж может обойтись без наводчика, а вот без механика-водителя или командира, который знает и умеет все, нет. Генка был самым опытным из них и мог заменить любого. Мог выполнить любую задачу. Так что, как не крути, наружу лезть оставалось только Сашке.

Он знал, чувствовал, что пацаны не бросят мужиков в беде, потому что это не по-русски! Своих в беде не бросают. Как там говорил великий Суворов? «Сам погибай, а товарища выручай!» Значит, так тому и быть.

Было ли Сашке страшно? Конечно, ему было страшно. А кому не боязно на войне, особенно когда прекрасно осознаешь, что сейчас по тебе будут стрелять и могут убить? Но после того, как ребята решили вытаскивать мужиков, его охватил какой-то детский и безумный азарт. Он подумал, что начал играть в рулетку, на кону которой стоит самое дорогое, что у него есть — жизнь. Парня даже начал потряхивать мелкий озноб, а сердце в груди застучало как пулемет.

— «Паскаль», «Паскаль», я «Коробочка пять». Стою сзади тебя. Удаление семьсот, — зазвенел металлом голос командира танка. — Иду к тебе. Иду к тебе. Держитесь, мужики. Сейчас мы вас вытянем.

— Принял тебя, «Коробочка пять», вижу, — с нотками радости, раздался хрипловатый голос в наушниках Саши. — Что хотите делать?

— Зацепим вас и вытянем, — спокойно ответил Гена.

— Вы что, совсем придурки? — удивился мужчина на другом конце радиосвязи, и парни услышали звуки пулеметной стрельбы. — По нам ведется плотный огонь. Вы только голову высунете, вас сразу же положат!

— Ничего. Бог не выдаст — свинья не съест, — весело отозвался командир. — Пару минут и мы у вас. Ждите, мужики, мы сейчас. По возможности прикройте огнем

и поплотнее.

— Принял. Удачи. Ждем вас, мужики.

Гена, быстро окинул суровым взглядом ребят, улыбнулся, припал к триплексам и, как-то по-гагарински, громко сказал:

— Поехали!

Танк взревел турбинами, резко дернулся и с лязганьем, вырывая куски асфальта металлическими траками, устремился на помощь подбитой БМП. С каждой секундой скорость многотонной машины нарастала. Больше медлить было нельзя. Стальная громадина редела и перемалывала дорожное покрытие, оставляя за собой два широких следа, будто вспахивала его бороной.

Не доезжая до БМП нескольких метров, танк снизил скорость и резко развернулся на сто восемьдесят градусов, после чего мгновенно замер. Рамиль был отличным мехводом и умел чувствовать свою тяжелую машину. Сашка быстро расстопорил замки своего люка и как кошка выпрыгнул наружу, стекая по броне.

В его уши молниеносно ворвались звуки уличного боя, а в нос ударила смесь резких едких запахов. Быстро, как на смотровых учениях, спрыгнул на корму танка. «Слава Богу!» — подумал он, когда увидел, что тяжелый металлический буксировочный трос спокойно лежит на броне машины.

Немедля Сашка ухватил его посередине и подтащил к борту танка. Спрыгнул, снова взялся за тяжелый трос и начал стаскивать металлический канат на землю. Тут же вокруг него начали ложиться пули, подымая мелкие черные фонтанчики на земле и высекая ядовитые яркие искры на асфальте и на стальной броне танка.

В это время БМП открыла сильнейший огонь со всех стволов, пытаясь подавить точки боевиков, из которых велась смертоносная стрельба по отчаянному бойцу. Башня танка начала медленно разворачиваться, тоже выискивая точки огня противника. Ребята хотели прикрыть Сашку своим орудием.

Парень, сильно напрягшись, с криком, поднял неуклюжий тяжелый трос на свои руки:

— Давай... — и потащил его к специальному креплению, которое находилось сзади многотонной машины.

В этот момент Сашке казалось, что время замедлилось. У него создалось впечатление, что он как будто бы идет против течения быстроходной горной реки — до того все происходило медленно. Он не обращал внимания, что вокруг него все свистит и жужжит, рикошетит и, кувыркаясь, летит в стороны. Подымаются грязные фонтанчики от земли, и раздаются резкие звуки металлического града пуль, которые били по броне БМП и танка.

У парня стучала только одна мысль в голове: «Нужно зацепить трос и вытащить ребят. Нужно им помочь. Без нас они точно погибнут». Умирать сейчас ему нельзя! Пот скатывался с его лба крупными горячими каплями и затекал в глаза, мелким ручейком струился между лопаток, увлажняя одежду.

Сашке нужно закрепить трос, а он, зараза, был такой тяжелый. Уходили драгоценные секунды, и пропасть между жизнью и смертью неумолимо сжималась, грозя поглотить всех. Закрепил одну петлю на танке и, пятясь спиной вперед, потянул другой конец к корме БМП.

Пуля ударила в верхнюю кромку троса и сильно дернула его, чуть не вырвав из рук. Порвала металлические волоски и распушила их, оставив красноватую полукруглую борозду от своей медной оболочки.

Другая пуля скользнула по верху черного шлемофона Сашки. Разорвала ткань и разворотила ее корявыми лохмотьями наружу. Парень почувствовал, что по шлемофону что-то стукнуло, но отвлекаться на мелочи он не мог. Сашка продолжал упорно, но медленно — так ему казалось в тот момент — тянуть трос.

— Давай! Давай... — с натугой кричал он, волоча непослушный металлический канат.

Через несколько секунд другой конец троса был закреплен на корме БМП. Сашка облегченно выдохнул. «Теперь все будет нормально, только надо аккуратно вытянуть мужиков. А сейчас быстро назад, к своим пацанам», — радостно подумал он и бросился к танку. Взлетел по броне, нырнул в свой люк и мгновенно застопорил замки на нем изнутри.

Рамиль тут же дал по коробке и плавно прибавил газу. Танк дернулся и медленно пополз, утягивая за собой покалеченную БМП. Бронированная машина уползала непобежденной с линии огня противника под прикрытие бетонных, некогда жилых домов.

— Спасибо, мужики! — услышал Саша радостно-усталый мужской голос в наушниках своего шлемофона...

В этот день ребята-танкисты подарили шанс выжить отчаянным мужикам из подбитой машины. Сашка подарил им этот шанс. Простой русский парень, двадцати годов от роду, который не бросает своих в беде, потому что, так с детства учили его.

Татьяна Сурова

ХАРОН

Рассказ посвящен подвигам участников СВО

Свист, разрывающий в клочья барабанные перепонки, и оглушающий грохот уносили нас далеко от земли, окутывая едким дымом. Пламя раскаляло души шедших сквозь свинцовый дождь и раскаты орудий в самое пекло, сметавших на своем пути «демонов зла». У меня дед с фашистами в Великую Отечественную войну воевал, здесь же на Донбассе.

Палец хладнокровно нажимал на спусковой крючок, раздавая каждому «демону» по монетке.

Мое имя Харон. У меня больше нет имени, нет прошлого. Время и чужая боль позаботились стереть из памяти все воспоминания, кроме тех, что приходят ко мне в редких снах. Поэтому я здесь. Сражаюсь со злом современного нацизма. За будущее наших детей. За их свободу и мир, свой народ, за Родину, как и дед. И за тех, кто уже не вернется из боя.

За спиной ухнуло и отдалось звоном в ушах. Вражеская арта топорно работает, забивая снаряды куда попало. Деревья с треском валит в разные стороны, разрывая крепкие стволы в щепки. Слева от меня снова ухнуло, снаряд вспорол землю и вырвал с корнем часть уцелевшей лесопосадки. Ещё одна ударная волна накрыла сильно, отдаваясь тупой болью в голове. Чья-то невидимая рука свыше выключила свет.

Лежу в полутьме, пытаюсь понять, где нахожусь. Пахнет сыростью, как в погребке. Мозг моментально реагирует, оружие при мне, снаряга тоже, руки и ноги свободы. Пытаюсь привстать. В темноте послышались непонятные шорохи, больше похожие на неторопливые шаги. И тишина. Давно не было такой тишины, звенящей в ушах.

Из подвала осторожно выползаю в дом: добротный особняк в два этажа, обставленный по-хозяйски, со вкусом. На первом этаже ничего интересного, уютно, тепло. Гостиная с диваном, заваленным газетами, точнее сказать, бережно укрытым газетами от пыли. На стене телевизор, тоже закрыт газетами. Стеллажи с книгами, шкафы с книгами, видимо, читать здесь любят. Вещи всё аккуратно разложены. С кухни пахнет едой.

На второй этаж ведет витая лестница, больше похожая на музейный экспонат, лакированная и резная «под старину». Один недостаток, жутко скрипит. Боком заползаю наверх. На верёвке, натянутой по второму этажу, сушится мужское бельё. Как в сказке, три двери: угадай, за которой из них тигр? Из-за двери справа раздаётся возня и неторопливые шаги.

Припав к дверному косяку, прислушиваюсь. Слышу чьё-то спокойное дыхание. Выбиваю дверь и скидываю винтовку. Спиной ко мне сидит мужчина за синтезатором.

— В доме есть ещё кто?

Мужчина даже не обернулся:

— Нет, я здесь один.

Окидываю комнату взглядом, на полках фотографии семьи и детей.

— Жена погибла... детей эвакуировали... — продолжал он.

— Сам почему не уехал?

— Я строил этот дом... — мужчина замолчал и положил руки на клавиши, — и ничего не брошу, ни дом, ни сад, это все мое родное, и я отсюда не уеду.

— Сыграй что-нибудь... — сползаю по стене, положив голову к дверному косяку.

— Как тебя зовут?

— Харон.

— А имя?

— Нет имени. Ничего нет.

Мужчина закрыл глаза, пальцы его плавно перебирали клавиши в такт ровному дыханию. На секунду мне показалось, что мелодия знакомая. Настолько, что перед глазами стали

вставить живые картины, цепляющие больно за душу.
Мужчина всё играл:

— Харон, как спутник Плутона?

— Нет. Как перевозчик в мир мёртвых, — рука инстинктивно сжала винтовку.

В окне, напротив, по стеклу заплясали образы прошлого. Музыка вызывала приятные воспоминания, отогревая душу от холода. Выпускной школьный бал. Счастливые лица родителей. Лучшая ученица школы поёт со сцены песню собственного сочинения. Проигравший ей по баллам на золотую медаль одноклассник скромно отходит за пыльную портьеру актового зала. Пальцы ложатся на клавиши расстроенного пианино, по памяти подбирая любимую мелодию. Под давно забытый мотив погружаюсь в сон.

Мне кажется, что он длится целую вечность, а на самом деле всего пару минут. Просыпаюсь от того, что стало дико подташнивать от запаха приготовленной еды. Спускаюсь на первый этаж. Хозяин дома готовит ужин. Чисто из праздного любопытства интересуюсь:

— И много у тебя припасов?

— Достаточно. Консервы овощные. Немного тушёнки, хорошая, своя, домашняя, и овощи тоже. У меня огород большой, сад. Макароны и крупа ещё сеть. Кофе немного осталось. Сахар только закончился.

Хозяин дома ставит сковороду с макаронами на стол и достает две тарелки. Порывшись в рюкзаке, нахожу маленькую шоколадку в золотой обертке, которую уже целую вечность таскаю с собой:

— Держи, мне не пригодилась.

Он берет шоколадку и добавляет:

— Может, кофе?

— Может, и кофе, если крепче ничего нет.

— Я не пью...

— Я помню. А ты не изменился.

Снимаю каску и стягиваю балаклаву:

— Не узнаешь? Не думала, что судьба такая шутница и снова сведет нас вместе.

Хозяин дома всматривается в мое лицо и сползает на стул.

— Спасибо, что спас.

Хозяин дома ест молча, опустив голову, иногда поглядывая на мои руки. Он так и молчал остатки вечера.

Спала в гостиной на первом этаже. Утром проснулась от щелчка замка на входной двери. Хозяин дома стоял у двери в спортивном костюме и резиновых сапогах. Костюм поношенный, но аккуратно, в его стиле бережливости.

— Ты куда?

— За грибами, тут недалеко.

— За какими... грибами... тут линия фронта в пяти километрах.

Сажусь на диван и смотрю на него в упор. Он резко двигается с места и нервно идёт в мою сторону:

— Послушай... я тебя сюда не звал...

Хозяин дома, видимо, хотел также что-то добавить, но грубить не привык и вспомнил, что сам меня притащил контуженную в дом. Привстаю и беру винтовку:

— Тогда я с тобой.

— Мне не нужна твоя помощь.

— В грибах я не разбираюсь совсем.

— И охрана не нужна.

— Просто прогуляюсь за компанию.

— У линии фронта? — он всячески старался отделаться от моего присутствия рядом.

— Тебе нужны грибы, а мне патроны.

Хозяин дома знает грибные места. Рядом как из-под земли вырастает рослая фигура. Нацик наставляет в его спину автомат.

Щелчок. Хозяин дома оборачивается на шум и ошарашено смотрит на распластавшегося «демона».

— Зачем ты... он же не стрелял...

Обшариваю нацика, снимаю броник и забираю оружие.

— Он направил оружие тебе в спину. Тебе, безоружному. В спину. Выстрелил бы, только патрон заклинило. Оружие надо чистить, это спасет тебе жизнь. При любом раскладе. Патронов не густо. Бери, пригодится. Ты один в доме, на первое время хватит.

Надеваю ему на голову каску, отдаю ему бронник, автомат и боекомплект к нему.

Остатки вечера мы убирали листья в саду. Он рассказывал о сортах яблонь, а мне казалось, что он рассказывает историю своей жизни. Словно он и не был там в лесу. Внезапно послышался свист. Снаряд упал в посадку у дороги рядом с садом. Осколок скосил самую большую яблоню, от чего её разнесло в щепки, остался лишь дымящийся изуродованный обрубок ствола.

Хозяин дома выронил грабли из рук и застыл в оцепенении от увиденного. Он умирал вместе с любимой яблоней, за которой заботливо ухаживал не один десяток лет. За секунду «до» сбиваю его с ног, оба катимся по земле, падая в углубленную грядку под рассаду. Ещё один снаряд в то же место, и осколок снова падает рядом с погибшей яблоней, нас засыпает землей и древесными остатками от пенька. Он закрывает глаза и отворачивается, пряча боль.

И плачет за двоих: за себя и погибшую яблоню.

До ночи он пролежал на диване в библиотеке, молча всматриваясь в ночное небо и мерцающие огоньки далёких звёзд, оплакивая потерю.

— Справа, в кроне яблони, это звезда Ригель, — прислоняюсь к дверному косяку.

— Так значит, всё-таки Харон в честь планеты? Странное имя для женщины.

— Харон не планета, а спутник Плутона. Так же как и Ригель, двойной системы, только планетарной. Древние египтяне считали Ригель царём звёзд и покровителем умерших. А Харон — перевозчик душ в мир мёртвых.

Хозяин дома понимал, о чем я говорю, и, опустив глаза, спросил:

— Значит и «спутник», и «перевозчик»?

— Выходит так, — пытаюсь отшутиться.

Начинаю понимать, почему он меня спас. Он искал проводника в мир своих воспоминаний. Порой мне кажется, что и я чьё-то воспоминание.

Засыпаю на диване на первом этаже, слушая, как он ровно дышит на втором, роняя во сне книгу из рук. Мне снится то, что я вспоминать не хочу. Ему снится то, что он хочет забыть, но не может. Сердце просит музыки, рука тянется нажать на клавишу, нарисованную воображением на подоконнике, залитом лунным светом. Спиной он чувствует чей-то теплый взгляд. Спустя мгновение вместо клавиши синтезатора палец нервно жмет на выключатель, пару раз попадая мимо. Свет гаснет, и только луна видит, как мужчина и женщина стоят, обнявшись, слушая биение сердец друг друга.

Утро хмурое, туманное. Хозяин дома бережно собирает опавшие яблоки в коробку.

— Откуда взялась первая яблоня?

— Миллиарды лет и селекция, — спокойно и уверенно отвечает хозяин дома.

— Почему миллиарды лет и селекция не сделали из сорняка с твоего заднего двора яблоню? Он так и остался сорняком. Яблоню посадил ты, а до этого ее кто-то вырастил из семечка и привил. Так откуда взялось первое семечко яблони?

— Заинтриговала, — хозяин дома первый раз улыбнулся, — мне это тоже всегда было интересно.

Замечаю движение на дороге. Шепчу ему в спину:

— В дом... бросай все... в дом быстро....

Оба забегаем в дом и запираем дверь.

— Неплохой расклад. Семеро. Броник где?

Он уходит и через мгновение возвращается в полной экипировке и с автоматом.

— Стрелять умеешь?

— Нет.

— Это хорошо, — отшучиваюсь, и показываю, как работает автомат.

Страх в его глазах не было, он защищал свой дом.

— Так переключить на очередь, так одиночный. Лучше одиночный, выпустишь весь магазин, останешься без патронов. Приходится экономить, у нас их мало. В полный рост не вставай и бей по ногам. Дам знак, если нужно сменить позицию или придется уходить.

— Я не оставлю свой дом.

Его фраза звучала настолько уверенно и твердо, что уговаривать и приводить доводы, было бы бесполезно, но я попыталась:

— У тебя дети, о них подумай. Им нужен отец.

Нацки пробуют открыть дверь, затем выбивают окно рядом и пытаются залезть в дом. Я не знаю, как он научился стрелять, но в первые секунды боя в моей лодке прибыло. Сраженный пулей «демон» навалился на оконный проем и повис на нем. Забираю рожки с патронами и спихиваю труп обратно. Пуля свистнула где-то сверху, влетела в оконный проем, засыпав осколками недобитого стекла. Хозяин дома схватился за плечо, в которое угодил осколок стекла.

— Сильно задело?

— Нет, стеклом, неглубоко.

Нацки залегли в кустарнике, но близко не суются. Одиночными пристреливаюсь. По нам тоже.

Выбиваю окно рядом.

— К косяку прижмись и одиночными стреляй вон в те кусты шиповника. Если бы они не пришли в твой дом, пришли бы в любой другой. С оружием.

Хозяин дома пристреливается по кустам. Нацки отвечают прицельным огнем. Через оптику снимаю двоих. С дороги слышится стрельба. В кустарник, где залегли нацки, летят гранаты. Свои своих не бросают. Парни осторожно обходят

дымящийся кустарник. Высовываюсь из окна, на душе отлегло. Наша разведка.

— Ты куда пропала? — кричит старлей.

— Отработала и зашла к однокласснику кофе выпить.

— Смотрю, удачно зашла. А что нас не позвала? На кофе с огоньком.

Послышался дружный смех.

— Так вы сами приходите.

— Ну что, кофе попили?

— Нет, не успели.

— Тогда мы вовремя.

Солдаты направились к двери.

— У вас тут как принято, в дверь или в окно? — пошутил старлей.

Хозяин дома снял каску, вытер потный лоб рукавом, и мы все вместе засмеялись.

Сергей Гурьев

ШАХТА

Рассказ о тяжелом труде, бесконечных силах и оптимизме жизни.

Тягости каждого дня, которые преодолеваются через шутки и огромную сплоченную дружбу.

Автобус

Старый советский автобус плавно плывет по дороге, темные занавески, сквозь блеклое стекло мелькают тени, пустые улицы, маленькие дома.

Поздняя весна, пасмурно, солнце еще не встало, вдалеке наливается рассвет.

На сиденьях — уставшие силуэты, тишина и отсутствие речи, только редкий металлический звон.

Невольно ловишь взгляд, без эмоций, тяжелый и пустой. Бесперывно смотрит, словно монотонная низкая нота. Без вопросов и какой-то цели, глаза шахтерского труда. Качнувшись сильно на большой яме, автобус перетрусил все свои детали с характерным звуком и туманом из пыли. Из окон вперебежку зачередовались лучи света от фонарных столбов.

На остановке вошла смена, разговор и громкий смех, улыбки во все золотые зубы. Самый активный ведет историю с большим энтузиазмом, эмоциональной краской и матом, машет руками, в кулаке сетка с перекусом, по-шахтёрски — тормозком, обёрнутым газетой.

Атмосфера наполнилась каким-то необъяснимым праздником, невольно лезла улыбка от изложений и череды шуток.

Чем ближе к шахте, тем темп и сочность остроты юмора нарастают.

Прибыли. Распахнуты двери, и весь хохот-шум вытекает к проходной.

Роба

Серая, темная, из грубой плотной ткани, характерный запах прачечной, стирают спецсредством ДБ. Помню, в детстве отец приносил это средство в стеклянной банке, его используют при бурении шпуров в проходке — отлично смачивает угольную пыль. Мы делали из него жидкость для мыльных пузырей, это были самые лучшие, большие и радужные.

Мотаешь портянки на автомате и удивляешься этому, всё получается в определенной последовательности, иначе слезет, и привет, мозоли, а шагать прилично нужно. Первый раз в шестнадцать лет показал мне старый шахтер, как надо крутить, сразу запомнил, ловко он утянул, удобно было.

Сапоги со стертым краем, счесанный нос, будто кто-то ходил не один десяток километров. Позже оказалось, что подошва правого, да и левого, здорово пропускают воду. Мало комфорта от ходьбы с мокрым нутром.

Размер всего комплекта одежды не будет впору, не магазин, подбирают из того, что есть. Штаны великоваты, лишнее в сапог, ширину поясом подхватим, а там ещё и фонарь-коногонка будет, и поправляешь всю дорогу одно с другим.

Ствол

Тяжелая железная дверь, воздух порывом бьет в лицо, одинокая лампа дневного света мерцает редкими вспышками, рельсовый путь обрывается.

Четыре сигнала от стволового, и в проеме устремляется вверх стальной трос.

Смена кучно ждет в сторонке своей очереди, разговоры,

суета возле окошка табельщицы.

Клеть плавно остановилась на уровне, слышны голоса, безликие лица, все слилось в одной гамме. По одному оперативно выходят черные люди, лишь белые глаза и зубы.

Клетевой дает рукой команду на погрузку, собирает жетоны, плотно упаковываемся, засов, четыре сигнала, спуск.

Холодные металлические листы и свежий поток воздуха пробирают. Темно, шум поверхности исчез, только звуки конструкции при движении. В луче от коногонки — капёж воды и зримое ощущение скорости по мелькающим блокам ствола.

В душе тревожно, вниз полкилометра, вспоминаешь истории по технике безопасности о падениях.

В тесноте начинается диалог двух людей, один с подколками и шуточными оборотами сыплет последовательно вопросы. Ведёт беседу хорошего настроения, ярко и с матами, выразительно льется речь от оппонента. Всеобщий смех.

Из темноты появляется зеленоватый свет, медленно останавливаемся, сигнал, засов, выходим.

Ярко освещено, сквозняк. Вагонетки пустые и с лесом, крепи и оборудование. По штреку упорядоченная паутина из кабельных линий. По-над стенкой в ряд — пускатели. Гул сухой подстанции. Повсюду усыпана инертная пыль.

Рельсы и высокие бетонные арки. Временная мнимая свобода светлого пространства успокаивает и приглашает в путь.

Путь

Перед дверью со словами «Скорей! Будете вразвалку идти — пешком пойдете!» нас дружно обогнали несколько человек.

Вокруг облако инертной пыли из-под ног, лучи коногонок. По мере усаживания в вагонетки огни гаснут, много свободных мест, темно.

Холодное сидение, пронизывающий воздух, тихий шум

диалогов, тронулись. По пути разглядываю состояние крепи, обводнение, обвалы. Прикрываю свет ладонью, смотрю лица, отраженно сверкают глаза. Монотонная тряска усыпляет.

Рука по плечу, суматошные лучи, прибыли. Дружно направляемся за всеми, можно идти, не задумываясь. Под ногами также толстый слой инертной пыли.

Наклонный штрек, глубина больше километра, огромный барабан лебедки с намотанным тросом спускает и поднимает необходимые грузы дальше. Садимся в козу, кабина вагона, сигнал, поехали. Идем плавно, уже удобно, можно вздремнуть.

Освещенная площадка разбудила за несколько метров до остановки. Далее местный аттракцион — Баба-яга. Подземная канатная дорога наподобие горнолыжных. Подвешенный трос, закрепленная изогнутая труба, доска, подножки.

Нужно ловко прыгнуть, держаться и расслабиться. Приятное качение вниз. Местами можно прошагать из-за провисания. Попадают скрипучие и ритм отбивающие ролики, механическая музыка. Текут обильные ручьи, пороги, водопады.

Уклон сменился горизонтом, вдалеке свет, умело встаем. Переходим через несколько выработок, река по колено, плывем по доскам и рельсам, в стороне вагонетки с грузом.

По пути несколько вентиляционных ляд, под ногами утрамбованные черные холмы, местами лужи, скрытые налетом пыли, можно знатно нырнуть в яму.

«Зайдем попить?!» — поступило предложение. Слева ответвление, тупик. В конце стоит оглушающий шум. Из кровли в вагонетку потоком льется прозрачная, очень вкусная вода, трудно напиться.

Далее длинная дорога вниз по откаточному штреку, справа ленточный конвейер, под ногами зыбучее месиво. От потоков сапоги окончательно промокли.

Местами крепи сильно опустились, пролазим. Воздуха мало, жарко, пыльно. Каждым вдохом пытаешься дышать глубже.

Лава. Вот оно сердце шахты, кормилица. Глубина километр. Мощные механизированные крепи, рештаки, заваленные углем, комбайн спит в ожидании смены. В забое молчит тело земли, пауза продвижения участка.

Шашки

Уткнувшись светом, каждый одиноко сидит в закутке. Смена ест, тишина, только шелест газет. Кто первый справился, мостится поудобней.

— Тихий час, — пошутил один, укладываясь на доску, — пятнадцать минут меня не тревожить, — добавил.

Сон тут протекает по-особенному, быстро и крепко, после — ощущение бодрости, словно спал несколько часов. Гасишь свет, и перед глазами — ничего, всматриваешься в черноту. Полнейшая тишина, слышно, как кровь пульсирует по венам и шум в ушах.

— Куда собрался? На исходящую иди! — прозвучал голос из темноты проходящему мимо с газетой в руках.

— Я не туда... — ответил веселым тоном, шелестя газетой и укладывая ее в карман.

— Знаем мы вас, потом дыши вашим... — пробурчал исходный.

— С собой забирай! — насмешливо добавил с другой стороны.

— Как молодой! — добавил третий.

По выработке прошел групповой легкий смех.

— А что за молодой? — спросил еще кто-то.

— Да был у нас случай... Устроился один пацан, приставили его к бригадиру, сказали, слушай его, от него ни на шаг. Первый спуск, поел тормозок, подходит и спрашивает: «Где в туалет по-большому?» Тот дай да приколись, говорит:

«Тормозок брал, газета осталась, вот в нее аккуратно заверни и наверху выкинешь. Что мы тут дышать будем твоим? Все так делают!».

Тихий смех расходится по сторонам, заинтригованный голос:

— И что?

— Сходил, приходит так скромно, мы улыбаемся неявно. Бригадир аккуратно спрашивает: «Где добро?» Тот отвечает: «В газете, в пакете, в кармане». Бригадир похвалил: «Молодец! Наверху выкинешь».

Смех уже рывками, но ждут финального аккорда.

— Как смена закончилась, пошли на ствол, он сел в клеть, а бригадир по связи попросил пост охраны наверху, говорит: «Едет пацан, номер такой-то, в кармане аммониевые шашки!» И бросил трубку.

Рокот ржания окутал все пространство.

Спустя несколько минут голос с придыханием от смеха спрашивает:

— И чем закончилось?

— Да чем?! Бригадиру выговор и больше никого из молодых ему, а паренек уволился сразу.

— А наверху чем закончилось?

— Да там его встретили, спрашивают: «Что везешь?» Он: «Ничего...» А ему: «Показывай». Он «Не покажу!» Ему: «Показывай, говорят!» В общем, достали они его шашки...»

Штрек

С усилиями вверх, сапоги скользят по жиже и ручьям, мало воздуха, жарко.

Уходим вправо по уклону, через несколько дверей— старый участок, он погашен и забутован, но есть выработки для дегазации. Где-то там находится оставшийся промежуточный распределительный пункт, питающий лаву.

Вентиляционная лядя поддается с трудом, после открытия поток моментально вносит тело и закрывает за собой. Хлопок, пыль, свист воздуха.

Лучом осветил направление. Брошенная выработка, просевшие крепи, пробитые затяжки. Много труда и сил оставили люди, километр под землей, черное золото...

По мере продвижения высота становится заметно ниже, местами нужно на присядках.

Спереди рамы вросли полностью, тысячи тысяч тонн сверху, Донбасс давит.

Мой зам улегся и пополз проверить возможность:

— Можно! Дальше расширяется!

— Может, назад?

— Нужно! Мы не были там почти два месяца, надо глянуть состояние пускателей, какие живые и не эксплуатируются, потом переместить их. Все будет хорошо!

— Ладно, идем!

Полз за ним в полуметре, наклоняя набок голову и сняв лампу с каски. Большие штаны вылезли из сапог, роба надулась потоком воздуха, по спине пронизывает холод.

Десять метров, где расширение — непонятно, назад даже посмотреть невозможно, мелкий штыб сечет лицо.

Зам остановился, что-то непрерывно кричит, мне видны только ноги, трудно разобрать речь. Отполз, вижу: торчит острый кусок породы и упирается ему в спину. Подполз максимально близко, крикнул: «Помолчи! Тебя порода держит, не суетись, попробую подвинуть, а ты вперед иди!»

Медленно отодвинул в сторону его самоспасатель: «Давай выдыхай, и спокойно, без суеты!»

Поправил свою батарею, самоспасатель на бок, перед глазами этот острый кусок. Последний узкий участок западни, медленно вперед!

Зам что-то бормотал, разглядывая электрохозяйство. Здорово потрепали шахтеры все на медь, не тронули только работающее под напряжением, остальное вразброс,

покоренные внутренности, пустые оболочки.

— Куда эта дверь? — спросил я.

— Это еще на старую лаву, ниже идет, заброшена давно.

— Схожу посмотрю!

— Внутрь не ходи! С краю...

Самое глубокое место на шахте, больше километра, части рам нету, обвалы, оголившаяся кровля, воздух стоит полностью, дальше нельзя, возможно, газовый мешок, метан, вдох — и труп.

Под ногами на фоне черного бархатного ковра красивым блеском сверкнул кусок угля. «Пойдем-ка со мной! Вряд-ли когда-то так глубоко заберусь».

На-гора

Все, что нужно, сделано. На-гора!

Баба-яга молчит, на помосте сидит человек. Из блока шахтной связи — фон сети, нет реакции на кнопку. Он посветил и спокойно сказал: «Не работает! Ремонт сухой, до конца смены!»

Некогда, надо успеть на центральную подстанцию — ЦПП — до реверса струи, там ждет электрослесарь.

Вверх через поток холодной реки, сапоги мокрые напрочь, портянки стоптаны в пласт. Еще рывок, и на площадке уклона.

Людские вагоны отцеплены, грузы доставляют, идти запрещено.

— Мне нужно вверх!

— Иди на наклонный! В карете поедешь?! — смеется слесарь.

— Только никому! Атракцион со всеми удобствами! — догнал меня фразой зам.

Грузовая вагонетка, куски породы, железки, разместились.

— Подымай осторожно! Ответственный груз... — по АГС сказал слесарь.

— Понял! — прозвучал ответ.

Сигнал, и медленно едем вверх, вывороченные секции, торчат глыбы.

— Почему так повело?

— Трос оборвало, вагонетка улетела и побила, слесарь погиб...

Глаза расширил от удивления, вот согласился.

— Добрый день, господа! — насмешливо приветствовал человек с добрым лицом на погрузке.

Далее на ленте можно немного отдохнуть. В пустой промежуток среди породы прыгнул зам и улегся, через метров двадцать и я.

Длинная, качает из стороны в сторону, периодами перекосы и просадки. Музыкальные ролики, каждый поет свой ритм, массируя позвонки.

Протяжный сигнал, остановились, ждем. Через пятнадцать минут мимо нас проходит группа людей. «Что разлеглись? Пешком пошли! Ремонт на распреде!» Вклинились в длинную змейку шагающих лучей.

Станция, пустой путь, лавочки заняты, беседы, кто-то спит. «Через пару часов будет...» — услышал среди речи.

Многие двинули по ленточному, я по откаточному, если кто будет ехать, подберет.

Дорога вела быстро и легко, ровный горизонт, навстречу свежая струя, рамы в рядочек, местами посыпана инертная пыль.

Неожиданно впереди обвал, голоса и свет. Увидев меня, заворчали и принялись шустро двигаться. «Добрый!» — среди всех поздоровался только один в ответ. Не любят итээровские белые каски шахтеры...

После обвала путь прервался на ответвление, распрепункт или ЦПП, сейчас не понять, одни остовы и части старых масляных ячеек. Тут когда-то был отец, что-то подключал, ремонтировал...

Посмотрел, потрогал и двинулся до руддвора.

Реверс

На руддворе много людей, голоса, обсуждения, шутки.

— Догнал? Думал, ты заблудился. На-гора? — с улыбкой спросил зам.

— Нет, мне нужно на промежуточный!

Погрузились в клеть, усталость наполнила тело, радостное ощущение подъема притуплено, надо сделать еще дела.

Плавно остановились на уровне площадки, старый довоенный горизонт, тусклый свет, маленький руддвор, тишина.

За дверью водоотлив и далее ЦПП, компактно рядом размещены высоковольтные ячейки в небольшой бетонной выработке.

Возле сухой на лавке спит водяной, — у понизительной подстанции спит слесарь-водоотлива; рядом сидит электрослесарь.

— Целый час тебя жду!

— Да отключено все было, пешком добирался по основному.

— Скоро реверс, пойдем отключать и проверим все.

По согласованному времени и подтверждению с диспетчером отключаем подземное напряжение шахты, шесть тысяч вольт, остается только свет в руддворах.

Слесарь проверяет защиты, систему автоматического резерва, выкатывает и смотрит внутри. Дошла очередь до проверки состояния изоляторов. Вводной отсек можно проверить только два раза в год, совмещают как раз с реверсом в шахте, чтоб в праздник попадало. Сидя напротив меня, сверху на оболочке, откручивает закипевшие болты. Ведем разговоры о разном. Крышку в сторону, светит на изоляторы.

— Идеально! Да, эти мы меняли пару месяцев назад. Закрываем!

Громкий хлопок, вспышка, вокруг в момент разошлись тонкие молнии в разные стороны, выработка осветилась

в ярко-белый свет, его отбросило со страшной силой в противоположную сторону.

Тишина, в глазах бесконечный зайчик, ничего не видно.

— А-а-а! — стоном.

По звуку подошел ближе на ощупь. Он весь скован, без движений, повторял: «Рука! Рука!»

Ослепление стало отпускать. Склонившись над ним, взял за каменное плечо, перевернул на спину, потрогал руку.

— Всё на месте! Слышишь?!

— Я не чувствую ничего! — повторял безудержно.

Стал разминать его мышцы, правая рука бездвижно прижата к груди, левой пытается ее отодвинуть. Спустя несколько минут спазм отпустил, но вид был — как надутая желтая резиновая перчатка с торчащими пальцами.

В душе очень тревожно, череда непрерывных мыслей, адреналин бил плотно.

— Как так?! Старый осел, не проверил напругу! — ругает себя слесарь.

— Ты открутил вводной отсек, слышишь, вводной, ты ошибся!

— Это хорошо, что провел возле изолятора, а не тронул его рукой! Сгорел бы полностью! А так стрельнуло по воздуху!

— Все, хватит проверок, сиди отдыхай! День рождения у тебя сегодня!

Закрутил и направился в руддвор, успокоиться, посмотреть старый горизонт. Штрек уходил с уклоном вниз, секции рам стоят не везде, но нет просадки, крепкая кровля. Под ногами идеальный бархат из пыли с легким переливом и блеском от света. Впереди очень давно заброшенное направление, тут кипела шахтная жизнь, люди шутили, трудились, оставляли жизни. Очень тревожно на душе, и идти желания нет.

В момент стало очень тихо, остановилась струя, полнейшая тишина. Направился ближе к стволу. Да, воздух стал! Сейчас будет реверс.

Шум из глубины нарастал непрерывно несущейся волной, становился сильнее и громче. В одно мгновение звук и поток воздуха и пыли с огромной скоростью устремились перед глазами вверх по стволу. Быстрое облако окутало меня вмиг. Закрыв глаза рукой и замер, нечем даже вздохнуть. Ощущение будто из-под земли выпустили нечто, оно несется наружу.

Глаза

Ожидание, конец смены, многие с грустными и уставшими лицами, живчики сбиваются в группу, яро шутят, что-то обсуждают. Их энтузиазм бодрости поражает. Есть особые молчуны, которые, словно хищники, ловят очередную клеть.

Грузимся, прессуемся как можно больше, очень плотно, руку не поднять и не повернуться, еще и еще, подпирают бодро оставшиеся.

«Выдыхай давай!» — толчком вламываются последние.

Сигнал, поехали вверх, по стволу мелькают бетонные секции, дивной змейкой вьется силовая кабель, капеж воды.

В душе очень необычное ощущение, которое испытываешь только тут, когда поднимаешься из-под земли.

Все едут тихо, никто ничего не говорит, отсутствуют улыбки и мимика, однотонные черные силуэты и сверкающие отблеском глаза в темноте.

Глаза, которые пришли на шахту в шестнадцать лет пацаном, и, проработав всю свою жизнь, стоят напротив меня дедом, пытающимся взглядом донести тягость каждого дня, скупую мужскую боль, которая преодолевается через шутки и огромную сплоченную дружбу.

Крайняя, бутылёк, тормозок, отпуск, свадьба, дни рождения, все праздники жизни переплетены между трудными днями, сменами и жизнями парней, оставшихся там навсегда.

Глаза с черным вокруг, не отмытые до конца, как символ этого труда, бесконечных сил и оптимизма жизни.

Замедлили скорость, плавно поднимаемся, сверху через копер виден свет, небо вызывает радость и самостоятельную улыбку.

Очень быстро выходим, молчаливо встречает следующая смена, гуськом на улицу курить, на свежий воздух.

Солнечно и тепло, щебечут птицы, яркие белоснежные облака, запах кустов сирени.

Шахта.

Александр Сурнин

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Из книги «Блокадные были»

Война есть продолжение
политики другими средствами.
Карл Филипп Готлиб фон Клаузевиц

Небо этого дня
Ясное,
Но теперь в нём броня
Лязгает.

Владимир Высоцкий

Война сама по себе никуда не уходит. Её нужно выжигать, как чуму.

В первый визит в город карателей, слава Богу, всё обошлось. Но это никого не успокоило. Город сжался в ожидании. Уже все понимали, что если танки заходили один раз, то они обязательно вернуться. И если один раз городу повезло, то на той стороне будут приняты все меры для того, чтобы везение не повторилось. Все ждали нового нашествия, хотя на людях бодрились и повторяли, словно затяжную мантру, что всё будет хорошо, что войны не будет, что нацгвардия не найдёт «террористов» и уедет восвояси, хотя было ясно, что «террористов» уже нашли.

Но, повторяю, возвращения укровоенных ждали. Подспудно, но ждали. Потому-то в эти дни очень много людей приходило к зданию исполкома, где расположился штаб Народного ополчения Донбасса, чтобы записаться

в ополчение. Но увы, на всех катастрофически не хватало оружия. Поэтому у многих просто записывали данные и отправляли их домой со словами: «Подожди пока. Нам тебя вооружить нечем. Не пойдёшь же ты в бой с палкой или с голыми руками. Подожди, как только появится оружие, мы тебя вызовем». И вызывали. Но это было потом.

Так миновала неделя. Затем вторая. И люди немного успокоились. Людям вообще свойственно быстро успокаиваться и многое забывать. Даже то, чего забывать нельзя ни в коем случае. И спустя две недели, расслабившись, многие даже пропустили первый звонок — бой в Славянске, соседнем городе, маленьком по сравнению с Краматорском городишке, принявшем на себя первый удар этой войны. Нет, конечно же, ополчение и командиры заметили всё, что нужно, но для мирных жителей — так совпало — всё заслонила собой одесская трагедия, случившаяся в тот же день. Других тем для разговоров тогда не было. Люди, не веря ушам своим и произносимым ими же словам, повторяли на все лады предполагаемое количество сожжённых, проклинали убийц и говорили о том, что, мол, ждали беды здесь, а она пришла туда.

А беда уже стояла у ворот.

И на следующий же день она постучалась.

На рассвете люди проснулись от гулкового взрыва, после чего над мгновенно притихшим городом раздались всё усиливающиеся звуки автоматной стрельбы. Эти звуки стоит услышать хотя бы один раз, чтобы потом никогда ни с чем не спутать. Судя по всему, на окраине завязался бой, причём нешуточный.

— Сынок, — услышал Алик сквозь сон мамин голос. — Просыпайся, бежим.

— Куда бежим? Зачем?

— Стреляют...

Алик вскочил как по тревоге. Собственно, это и была тревога.

Он мгновенно всё услышал.

— И куда ты хочешь бежать? — спросил он маму.

— Куда-нибудь. Где безопасно.

— Нигде не безопасно. Это когда-то в нашем доме было убежище. Мы там пацанами играли — помнишь? Так оно залито почти под потолок. Куда ты ещё побежишь? Безопаснее всего дома. Сядь и сиди. Только к окнам не подходи.

— А ты?

— А я послушаю.

Мама села в кресло, и тут же к ней на колени забрался огромный серый кот тигровой масти. Он прижался к маме, и ему было явно не по себе. Что ж, на то она и стрельба.

Алику не раз приходилось слышать стрельбу и видеть перестрелки и на Кавказе, и в Москве в середине 1990-х годов. Как себя при этом вести, он знал, но ему и в кошмарном сне не могло присниться, что эти навыки когда-то придётся использовать дома. Он осторожно встал в простенке у окна и прислушался. Затем сделал вывод:

— Не бойся, это далеко.

И для успокоения добавил:

— Пойду-ка я чайник поставлю.

Пять минут спустя поставил на мамин столик кружку чая, бурча себе под нос: «Тоже мне, панику развели... Стреляют, стреляют... Откуда ты взялся, Саид?.. Пей себе чай спокойно, и никуда бегать не надо. Особенно в твоём почтенном возрасте. Забаву нашла — бегать неизвестно куда...»

Краматорск делится на несколько больших районов: Старый город (исторический центр), Соцгород (район, построенный при советской власти вместе с заводами), Даманский и Чернобыль (спальные районы). Между ними стоят крупные заводы, а вокруг располагаются многочисленные посёлки из частных строений. Так что Краматорск занимает достаточно большую площадь, сопоставимую со многими украинскими областными центрами, и стрельба действительно шла далеко. И пока она

не зазвучала под окнами, за свою целостность можно было не волноваться. Всё так, но маме Алик не стал этого объяснять. Сидит себе в кресле, подальше от окна, гладит кота, пьёт чай — ну и слава Богу. Что ещё нужно для полного счастья? Только одного — чтоб не стреляли.

Попив чай, Алик категорически заявил:

— Хрен с ними со всеми... Война войной, а работать надо, сроки сдачи никто не отменял, — и включил компьютер.

Но работа не ладилась. Компьютерная полиграфия требует большого внимания, а какое ж тут внимание, когда глаза на мониторе, а уши в перестрелке. Через пару часов трудовых мучений Алик не выдержал, выключил компьютер и пошёл обуваться.

— Ты куда собрался? — тут же поинтересовалась мама.

— Выйду воздухом подышу.

— Сдурел? Вон, стрельба какая.

— Стрельба далеко. Не добраться. Транспорт не ходит.

— Откуда ты знаешь?

— За два часа ни одного автобуса за окном не увидел.

— А если они сами сюда приедут?

— Это вряд ли. Если б могли, уже приехали бы. Видно, ополченцы их таки задержали.

— Несёт тебя непонятно куда...

— Всё будет в порядке.

На улице было жарко, ясно и непривычно пусто. Над всей Испанией безоблачное небо... Пройдя метров пятьдесят, Алик увидел единственную широко распахнутую дверь — словно кричащий рот. Это была дверь питейного заведения. Удивлённый Алик заглянул туда и увидел внутри Свету, хозяйку. Света же при виде Алика радушно воскликнула:

— Ну вот и первый посетитель! Заходи, Алик! У меня и водочка есть, и закуска горячая только поспела...

— Света, ты героиня! На улице стреляют, а у тебя работа кипит!

— Далеко стреляют, — ответила Света Алику его же

словами. — Да и вообще, кто они такие, чтоб я из-за них закрывалась? Много чести. Ты сам подумай: если бы я была закрыта, куда бы ты зашёл?

— Не знаю, Света. Ты одна на всю улицу, как солнышко утреннее.

— Ну давай я тебе водочки налью.

— Скажи, Света, — вдруг спросил Алик. — Тебе не страшно?

— Всем страшно, — задумчиво ответила Света. — И мне страшно. И тебе страшно, я знаю. Но страх и трусость — две разные вещи.

— Ну да... — утвердительно хмыкнул Алик. — Не путайте сырое с холодным.

— Присаживайся.

Алик присел за столик, вынул из кармана телефон и нажал на кнопку.

— Васюня, — произнёс он в трубку. — Подходи к Свете, я уже тут сижу.

— Да ты что, Алька! — Отозвался Васюня. — Стреляют же!

— Далеко стреляют. В Соцгороде. Судя по всему, их там остановили, так что до нас сегодня не доберутся. Выходи.

— Меня Люся отпускать не хочет...

— Так бери её с собой. Или я пива ей не налью?

Минут через пятнадцать Васюня со своей супругой Люсей уже сидели за одним столом с Аликом и размышляли о том, как лучше всего поступить в этой ситуации. Васюня с Люсей в один голос твердили, что нужно уходить — хоть тушкой, хоть чучелом — и как можно дальше, и лучше всего немедленно, ибо ничего хорошего ждать уже не приходится. Алик же, наоборот, предлагал подождать, хотя бы до конца дня, а там посмотреть.

Ожидание получилось драматическим. Спустя совсем непродолжительное время в заведение ввалился взмыленный человек с безумными глазами, окинул взглядом всех присутствующих и тяжело рухнул за столик. Отдышавшись,

он и произнёс, не обращаясь ни к кому:

— В жизни так не бегал...

— Что там? — обернулся к нему Васюня.

— Там страшно, — просто и бесхитростно ответил человек.

— С утра подъехали танки к блокпосту и всех, кто там был, расстреляли в упор. И пошли в город. А я по Парковой улице шёл. И попал — с одной стороны танки, с другой ополчение им навстречу. И стрельба. А мне ополченцы кричат: беги, мол, мужик, отсюда, пока цел! Ну я и побежал. От Парковой сюда без остановки. Ох, как бежал...

Последние слова человек произнёс с усмешкой, словно рассказывал о чём-то забавном.

— Нормально, успокойся, — заявил ему Алик. — Жить будешь. Водки выпьешь?

— Денег нет, — вздохнул человек.

— Да какие деньги! — воскликнула услышавшие последние слова Света. — Из-под пуль выскочил, и о каких-то деньгах говорит! Сейчас я тебе налью, выпей, приди в себя, и забудь ты об этих деньгах! Не только деньгами всё измержется.

За последующие два месяца Алик не раз и не два убеждался в справедливости её слов. А тогда если даже и удивился, то вида не подал. Просто подвинулся ближе к Васюне и добавил:

— Давай к нам за столик. Негоже в одиночку пить. Как тебя зовут?

Человек представился, завязалась беседа.

Не прошло и получаса, как в дверях возник ещё один мужик — такой же взмыленный, тяжело дышащий и явно ошарашенный всем происходящим.

— Что? — спросил его Алик. — Тоже из Соцгорода прибежал?

— Ага, — односложно ответил мужик, едва отдышавшись, и спросил у Светы двести граммов водки.

А далее — словно прорвало. Один за другим в заведение приходили люди, убежавшие оттуда, и все как под копирку — потные, взмыленные, запыхавшиеся, с пеной у рта,

и, отдышавшись, рассказывали всякие ужасы. Про стрельбу, про горы трупов, про горящую технику, про упорный бой... про всё, что можно было не только увидеть, но и представить себе. Среди этих рассказов мелькали крупницы, внушающие уважение и оптимизм, но их было крайне немного. А под занавес в заведение вбежал никому не известный тип, который трагически возопил с порога:

— Взяли НКМЗ³⁰!!!

— Заткнись! — резко оборвал его Алик. — Брешешь, как пёс шелудивый.

— Как?! — опешил тип.

— Каком кверху, — последовал незамедлительный ответ. — Ты что, своими глазами видел, как его взяли? И прапор красно-чёрный повесили? Ты хоть сам представляешь себе, что такое НКМЗ? Или чужие слова повторяешь?

— Ну...

— Гну. НКМЗ — это город в городе со своей вооружённой охраной. Там каждый цех — это укреплённый форт, а весь завод вместе — натуральная Брестская крепость. Чтоб его взять, целая армия нужна, а не полроты или сколько там к нам приехало. В зад у них не кругло с ходу НКМЗ захватить. Так что заткнись и язык прикуси. И вообще... — Алик задумался, и затем выдал свежее предложение: — Васюня, давай ему морду набьём, больно он на провокатора похож.

— С удовольствием, — подхватил Васюня тему.

Мужики заворчали. Кто-то неспешно поднялся из-за стола. Паникёра словно ветром сдуло.

Алик вздохнул.

— Васюня, Люсенька, пойдёмте отсюда. Ничего

³⁰ НКМЗ — Новокраматорский машиностроительный завод. Крупнейшее машиностроительное предприятие Украины. Гордость Краматорска, гордость Донбасса. При СССР завод считался вторым предприятием тяжёлого машиностроения в Союзе после «Уралмаша» (прим. авт.).

принципиально нового мы сегодня уже не узнаем. Завтра нам всё расскажут.

Ребята поднялись и вышли на улицу. Тут же Алик заметил:

— Васюня, Люся, посмотрите, — и показал в сторону Соцгорода, откуда в небо поднималось огромное облако чёрного дыма на фоне непрекращающейся стрельбы.

Люся, зажмурив глаза, молча покачала головой.

— Ни хрена себе, — вздохнул Васюня. — Это что ж там такое горит?

— Даже не представляю, — отозвался Алик.

— Может, крыши, как в Киеве?

— Может быть.

— Что угодно, — тихо сказала Люся, — лишь бы не дома.

— Ах, Люсенька, — произнёс Алик. — Я никак не могу с тобой не согласиться.

На этом друзья и разошлись.

Дома Алик, как мог, успокоил маму, рассказав ей о том, как в реальности обстоят дела в городе и заверив, что сюда, в Старый город, каратели не пройдут. Он был в этом твёрдо убеждён. Маму же и не нужно было сильно успокаивать, ей было достаточно того, что Алик вернулся живым и здоровым. О чём она ему и сообщила.

Под вечер Алик снова попытался усадить себя за работу, но дело по-прежнему шло из рук вон плохо, поскольку стрельба на улице так и не стихала. И наконец, она начала звучать тише, удаляться... и вдруг взорвалась такой канонадой, что заснувший было кот, не просыпаясь, взлетел как птичка на платяной шкаф (Алик долго удивлялся, как ему это удалось, учитывая его габариты и вес), а мама, тоже было придремавшая, вмиг проснулась и спросила одним словом:

— Что?..

Алик же мгновенно выскочил на балкон, увидел в полутёмном небе следы трассирующих пуль — и всё понял.

И воскликнул:

— Мама, это салют! Мы их прогнали!

А на следующий день — Алик был прав — очевидцы рассказали всё. И об ужасе, с каким просыпаешься от стрельбы прямо под окнами, и о том, как ополченцы мгновенно заняли оборону и успешно отстреливались от карателей, и о том, как люди, придя в себя после первого приступа страха, выскочили на улицы и пытались перекрыть дорогу бронетехнике, как в Старом городе две недели назад. Алик не осуждал убежавших, страх — понятие неконтролируемое. Но призадумался.

На сей раз вояки не были намерены останавливаться, они медленно, но упорно шли вперёд, и тут (все очевидцы рассказывали об этом с неописуемым восторгом) из храма на улице Парковой, буквально в двух кварталах от штаба ополчения, куда и была направлена атака, вышел настоятель. Отец Сергей. В красной рясе, надетой нараспашку поверх десантного тельника. И встал перед танками. С крестом в руках. И остановил их. Он не разговаривал с вояками, он просто стоял, и давить священника никто не решился. И пока он их удерживал, ополченцы успели перегородить ведущую к штабу дорогу парой троллейбусов и поджечь их. Уже буквально в половине квартала от штаба. Вот там-то атака карателей и захлебнулась.

Услышав об этом, Алик сказал только одно:

— Ну, ребята, при всём моём скептическом отношении к священникам я готов подойти к этому батюшке под благословение и поцеловать ему ручку. И с большим удовольствием.

Вернувшись домой и уже в охотку сев за работу, Алик залез в интернет (привычка пагубная, но временами необходимая) и прочёл там следующее сообщение:

«3 мая 2014 года. Украинские силовые структуры начали

спецоперацию в Краматорске (Донецкая область). Вооруженные люди в форме без опознавательных знаков пытались провести «зачистку» города от «сепаратистов». В окрестностях Краматорска боевики Национальной гвардии убили девушку-медсестру (Ю. Изотову, 21 год) и трех ее друзей. Автомобиль, на котором молодые люди пытались выехать в безопасное место, расстреляли из автоматического оружия. По данным департамента здравоохранения Донецкой облгосадминистрации, в ходе боёв в Краматорске погибли 6 человек, 15 человек с огнестрельными ранениями доставлены в больницы»³¹.

— Вот так, — прокомментировал Алик. — Хрен им, а не зачистку.

А вечером позвонил Васюня.

— Алька, — сказал он, — завтра утром на площади возле штаба будут отпевать погибших. Мне кажется, нужно сходить проводить людей.

— Конечно нужно, — согласился Алик.

— Пойдёшь?

— Мог бы и не спрашивать.

— Транспорт не ходит...

— Пешком доберёмся.

И назавтра ранним утрачком Алик с Васюней отправились к штабу.

Путь пешком был неблизким. В мирное время полчаса автобусом, ну а пешком — можно себе представить. Мягко говоря, несколько дольше. Но Алик с Васюней прошли всего метров пятьсот, как обогнавшая было их машина остановилась, и оттуда высунулся водитель.

— Вы куда, мужики?

— К штабу.

³¹ Текст сообщения подлинный (прим. авт.).

— На панихиду?

— На неё.

— Садитесь, подвезу.

— У нас с деньгами туговато.

— Да какие деньги? Война на дворе. Не нужны мне ваши деньги, главное — живыми останьтесь. Садитесь.

В этот день Алик впервые столкнулся с подобным смещением ценностей. Потом он к этому если и не привык, то охотно пользовался. И понимал, что на войне, перед лицом смерти, это выглядело именно по-людски. Но тогда он слегка удивился. Тем не менее, они с Васюней быстро прыгнули на заднее сиденье, и машина тронулась.

Минут через пятнадцать они уже вышли у площади Ленина, где, собственно, и находился штаб. Наивный Алик думал, что они приехали рано. Боже, как он заблуждался! Площадь была до отказа заполнена людьми, пришедшими проститься с невинно убиенными. Возле штаба, точнее, возле баррикады, ограждающей штабное подворье, стояла большая фотография Юли Изотовой, первой краматорчанки, погибшей на этой бойне. Вокруг густо стояли люди. На штабное подворье не пускали никого, на то часовые и стояли, но многие влезли на саму баррикаду, обеспечив себе таким образом полный обзор. Никто вроде бы и не шумел, но над площадью стоял сплошной непрерывный гул. Все ждали.

Второй раз за эту эпопею Алик увидел настоящее человеческое море. И это море было даже побольше и пошире, чем две недели назад. И он вдруг почувствовал смену настроения: если в первый раз море было мирным, то сейчас оно стало предштормовым. Гул над площадью был грозным. В нём звучали и оскорбление, и возмущение, и готовность к ответу, и ещё Бог знает сколько чувств и эмоций, всего не перечислишь. Алик с его живым воображением представил, во что это может вылиться, и ему стало не по себе.

К Алику с Васей подошли сразу два человека с видеокамерами на штативах.

— Вы не хотите сказать несколько слов? — спросил один из них на ломаном русском языке.

— А вы кто такие? — ответили вопросом на вопрос Алик и Васюня.

— Мы журналисты, — представился один из подошедших. — Я из Франции, — и показав на другого, добавил. — А он из Чили.

Действительно, в тот день на площади было очень много журналистов со всего мира. Из самых разных стран. Кроме Украины. Киевская пресса старалась изо всех сил обходить всё происходящее на Донбассе молчанием. Когда замалчивать ситуацию стало невозможно, государственная пресса изменила тактику. На место молчания пришла ложь. Лгали все. Лгали бессовестно, всячески стараясь перещегоолять один другого. Но это было потом. А тогда они просто отсутствовали.

— Ну что ж, — задумался Алик. — Можно и сказать.

Тут же журналисты поставили на землю штативы и направили объективы на Алика с Васюней. Вокруг них как по сигналу мгновенно собралась небольшая толпа.

— Алька, — вполголоса произнёс Васюня. — Ты у нас умный, грамотный, говорить умеешь, вот сам и скажи что-нибудь. А я постою и головой покиваю. Могу щёки надувать. Как Киса Воробьянинов.

Алик улыбнулся Васюне в ответ и после небольшой паузы сказал:

— Друзья мои, я долго думал о произошедшем и пришёл к выводу, что стрельбой и убийствами мирных Украина сама себе подписала свидетельство о смерти. Всем известно, что армия стреляет в свой народ только один раз. Второй раз она стреляет уже в чужой народ. И если так называемая Украина отказалась от своего народа, то и я от неё отказываюсь точно так же.

Вокруг заплодировали. Чилиец спросил:

— Тогда к какому государству вы себя относите?

Алик не задумался ни на секунду.

— Я родился в Советском Союзе. В великой державе. Которую у меня украли вот эти самостийники и заединчики. Но я помню свою родину, память у меня никто не вытравит, и потому с этими бандеровцами мне не по пути. Я всё сказал.

— Спасибо, — ответили журналисты, и Алик с Васюней пошли ближе к штабу, продираясь сквозь всё увеличивающуюся толпу.

Спустя какое-то время на площадь въехал микроавтобус с табличкой «Груз 200» на лобовом стекле. Люди медленно расступались, давая ему дорогу. Он подъехал прямо к входу на штабное подворье, из него вынули гроб и поставили его на заранее подготовленный помост, над которым и висела большая фотография погибшей. И толпа народа мгновенно реорганизовалась, превратившись в нескончаемую очередь, потянувшуюся к гробу. Началось прощание с первой жертвой войны.

Алик и Васюня втиснулись во многотысячную очередь и продвигались к гробу вместе со всеми. И не роптали, хотя оба очередей с детства терпеть не могли. В конце концов они подошли к гробу, и каждый из них прошептал какие-то слова прощания. В этот момент туда же подошёл молодой священник и приготовился к отпеванию.

— Сергей... — пронеслось по толпе. — Тот самый... Отец Сергей.

Алик мгновенно подошёл к отцу и молча встал под благословение. Отец Сергей благословил его, после чего Алик поцеловал ему руку и шёпотом сказал:

— Спасибо, отец Сергей. За всё.

Отец посмотрел Алику в глаза и не стал уточнять, за что именно Алик его благодарит. Он просто грустно улыбнулся и ответил:

— Всё будет хорошо.

Затем началось отпевание. А по завершении службы отец Сергей поднял руку, призывая всех к тишине, и произнёс

короткое слово. Всего сказанного Алик, конечно же, не запомнил, но одна фраза напрочь врезалась в его память:

— Война — это всегда горе. Убийство — это всегда преступление. Но я сейчас оплакиваю не столько погибшую, сколько детей, которых она могла бы родить.

И лучше сказать было невозможно.

А когда всё закончилось и гроб взяли на плечи и понесли, Алик с Васюней увидели, как два молодых парня макнули украинский флаг в ведро с бензином, выжали, чтоб резко не вспыхнул, швырнули его под ноги похоронной процессии и вдогонку бросили горящий коробок со спичками. Флаг вспыхнул. Процессия на минутку приостановилась, чтобы дать флагу прогореть, а потом тысячи людей прошли по опалённому куску жовто-блакитной тряпки, и никто не сказал, что это было неправильно.

На кладбище ребята не пошли. Больно далеко оттуда возвращаться. Они пошли сразу в сторону дома, но не успели сделать и нескольких шагов, как Алик столкнулся со своей старой приятельницей. Та шла вместе с какой-то своей знакомой.

— Здравствуй, Алёна, — радушно сказал Алик.

— Здравствуй, Алик, — ответила Алёна. — Что-то мы встречаемся не при самых весёлых обстоятельствах.

— Да уж...

— Ты завтра придёшь? Отсюда ещё пятерых будут уносить.

— Да нет, мне, наверное, и одного раза хватит.

— Ну а что? Она сама была неправа, — вдруг грубо произнесла знакомая Алёны, ни на кого не глядя. — Когда военные подъехали, она поджигала покрышки на блокпосту. Вот её и пристрелили. А что им ещё оставалось делать?

Алика передёрнуло. Он посмотрел на эту даму очень недобрыми глазами и поинтересовался:

— А вы бы, наверное, с цветами их встречали?

Алик с Васюней довольно быстро добрались домой, снова на остановившейся попутке, сели в любимом заведении, рассказали и Свете, и всем присутствующим о том, что увидели, помянули всех погибших и попытались подвести для себя некоторые итоги.

— Знаешь, Алька, — начал Васюня. — Страшные времена наступили. А будут ещё страшнее. Честно скажу, я уже думаю о том, что пора уезжать. Куда угодно. Всё равно. Кроме Киева, конечно. И переждать эту напасть.

— Васюня, — отозвался Алик. — Ну допустим, ты уедешь, я уеду, вот Света уедет. А кто останется? Ты дом свой с собой заберёшь или бандеровцам на разграбление оставишь?

— Ну а что делать? — посетовал Васюня. — Я же видел сегодня людей на площади. Лица их видел. Глаза их видел. И понял: это всё. Люди не простят. А народ у нас упрямый. Значит, что? Значит, война будет. Во всех её видах. И позиционная, и диверсионная, и партизанская, и какая угодно. Конечно же, мы их выгоним, но это же сколько времени пройдёт...

— Да-да, конечно. Мы их выгоним. А ты хочешь отсидеться в стороне в ожидании этого момента, а потом явиться сюда в белом смокинге. А теперь представь себе, что тогда люди у тебя спросят: «А где ж ты был, Васюня?» И что ты ответишь? И какими глазами будешь смотреть на людей? Я бы удавился от стыда!

— А какой из меня боец? Я же воевать не умею. И профессия у меня самая мирная — дизайн ландшафта. Оборудовать на диком участке земли кусочек цивилизации — с садиком, с цветами, с бассейном — это ко мне. А воевать...

— Васюня, свой выбор ты делаешь сам. А я не уеду.

— А что посоветуешь?

— Хм... К Насреддину пришёл юноша и спросил: «Ходжа, ты мудрый человек. Посоветуй, жениться мне или нет». И Насреддин ответил: «Если я посоветую тебе жениться, ты

потом будешь меня проклинать. Если я посоветую тебе не жениться, ты потом тоже будешь меня проклинать. Ничего я тебе не скажу».

В то время очень многие люди задавались теми же вопросами и принимали для себя какие-то решения. Кто-то уезжал. И впоследствии Алику было очень стыдно слышать о том, как толпы здоровых мужиков, способных сокрушить любого врага — при желании, разумеется, — сидят в лагерях беженцев и ждут как милости предоставления статуса беженца. Впрочем, Алик их и не осуждал. Они сделали свой выбор, им с этим жить. А кто-то оставался. И оставался до конца. А были и такие, которые приезжали. Воевать за правое дело. И воевали, и гибли, и оставались инвалидами, и не жалели об этом. Дай им всем, Боже, всего хорошего!

А вечером, рассказав всё маме, Алик как обычно сел поработать, и прочёл в интернете:

«Краматорск, 5 мая. Жители Краматорска помнят все и не простят. 5 мая 2014 года в подвенечном платье похоронили совсем юную 21-летнюю медсестру Юлию Изотову, которая погибла во время обстрела Нацгвардией Украины автомобиля на блокпосту. Утром 3 мая на блокпосту в Краматорске украинский БТР расстрелял машину с гражданскими. Погибли четыре человека, в том числе 21-летняя девушка, медсестра Юлия Изотова. В девушку попали две пули калибром 14,7 мм через заднее сиденье машины. Юля недавно закончила медучилище и оказывала первую помощь раненым ополченцам, подвозила к блокпостам воду и еду. Вместе с ней в машине на месте погибли трое парней.

Это был страшный день для Краматорска, ставший точкой невозврата. На похоронах Юлии 5 мая жители Краматорска пообещали отомстить. Проститься с погибшей девушкой пришел практически весь город.

Тогда же на похоронах жители растоптали и спалили украинский флаг, флаг, который сегодня, к сожалению, является в Краматорске государственным»³².

Вот таким образом Краматорск выдержал первый бой. И выдержал его достойно. И показал пришедшим укровосякам свой характер. И действительно, эти три дня стали точкой невозврата для многих. Особенно для тех, кто сомневался. Сомнений не осталось — на Донбасс пришли каратели с приказом уничтожать всех. И люди, множество людей поднялось против государственной вооружённой агрессии.

³² Текст сообщения подлинный (*прим. авт.*).

Сергей Сороковиков

УСТАВШИЙ ТАНК

Общеизвестный факт: танки, они железные. Но танк можно и поломать. Узлы, механизмы, усталость металла. От долгого напряжения, перегибов механических вдруг происходит звонкое «цзинь», все, вот он, слом. Разрыв. Дырка. Нет, танк не разлетается кусками, не детонация БК³³, это сильно тише. Конечно, такое не случается в бою, когда у танка, вместе с его экипажем, нет времени на усталость. Нервы на пределе и все на адреналине, все заряжено и направлено в одну точку, а мысли нацелены исключительно на выполнение боевой задачи. Нет. Слом от усталости, это по-другому. Бой закончился. Тишина вокруг. Встали отдохнуть, а дальше с места сдвинуться уже не получается. Физически можно, а заставить себя нельзя. Уперся триплексом, как пустым взглядом, перед собой, в никуда, и катки не проворачиваются. Вообще никак.

Износ ствола. Цель. Выстрел. Командир называет себя, не по имени. Сейчас у него нет имени, только «позывной», «ушел» кричит, это он подтверждает, что нормально все с выстрелом. Давай, командир, загружай лоток, в «карусели», зарядов много, хватит еще. Поправка в прицел. Выстрел! Загружай. Выстрел! Выстрел! Выстрел! Как там эти, экипаж, не задохнулись? Выстрел! Выстрел! Выстрел! Неплохо так день начался, работаем. Ствол не жалко, ствол заменят. А экипаж пусть тот же остается, он свой танк любит. Чистят, маскируют. Украшают, вон, решетку от дронов поверх башни — «мангал», приварили.

³³ БК — боекомплект.

Все равно устал. Даже не понимаю, кто из нас больше железный, танк или экипаж? Танку баки залили, а сами поесть еще не садились. Все им некогда. Не спят третий день. Мне спать вроде и не надо, а им-то надо. Может, они все-таки точно больше железные, чем я? Раз не спят, БК новый грузят, вприпрыжку бегают, вместо обеда у них такое развлечение, будто вчера на задачу вышли, а не полгода без продыху на боевых. Сколько «каруселей» отстреляли, все им нейдет, про ордена не говорят, не вспоминают, все они про штурмовиков — «боевых бомжей» — говорят и к ним торопятся. Те вида жуткого, только вот лезут в места, куда танку ехать нельзя, а эти, экипаж, блин, за штурмами свой танк тащат. Туда же, на рожон им надо, понимаешь, до безумства «отважные Алеша» нашлись. Сиди лучше, смотри, чтобы «вонючим ветром»³⁴ от гранатометчика не прилетело. И опять, и снова насыпай! Выстрел, заряжай, выстрел, заряжай. Да когда же это закончится! Ну ладно, ладно, хотя бы когда это уже закончится!

Давеча с закрытых огневых работали, только начали свои «огурцы» раздавать, уже квадрик DJI Matrice, «матрас» нашему, «бандерложий» срисовал нас. За «матрасом» «дискотека» началась, обстрел, значит. Танк железный, терпи огня «осадки» с неба. Когда сверху льется — молись экипаж, чтобы прямым не прилетело. Железный танк все, что рядом упадет, стерпит, чтобы его экипаж, как говорится, в случае печального исхода не пригорюнился, танк все стерпит.

А терпеть надоело! Эй, командир, поехали на сборный пункт поврежденных машин. Да вообще без вопросов твой танк там примут. Ты же видел, как борта осколками посечены. От активной защиты одни лохмотья остались. Аккумуляторы померли. Про ствол помнишь? Который тебе не жалко, давай ствол поменяем. Да другие, на другом танке, поддержат этих

³⁴ Вонючий ветер — выстрел гранатомета (совр.армейский жаргон).

штурмов, не один твой экипаж во всём полку. Эй, командир, давай, завязывай, поехали, меня к ремонтникам, ты с экипажем в пункт временной дислокации, шаурму поедите. Во! Командир! У тебя же сигареты закончились, а там, в ПВД «сто пудово» покурить есть.

Не слышит. Заладил свое: «Выстрел, да», «наблюдаю, ушел», «заряжай, заряжай!» Командир, ты другие слова еще помнишь? Зря я его железным называл, да разве он железный, раз все другие слова позабыл. Взгляд стеклянный. Не видит ничего. Ему бы поспать. Или хотя бы пожрать. И поспать, и пожрать хотя бы. Как же мне они надоели! Здесь на линии боевого соприкосновения с вайфаем плохо, в смысле его совсем не бывает. Вайфай только в ПВД, в кафешке есть. Здесь, без вайфая, им никакой связи с домом. А им из дома «видосы» шлют, там дети их танцуют, песни поют, жены слова говорят правильные, что ждут их, скучают. А у этих бошки ошалелые от недосыпа, глаза «вампирские», кровью залитые, и: «Выстрел! Выстрел! Выстрел! Выстрел! Выстрел! Выстрел! Выстрел!»

Да задолбали вы свой танк! Эй, экипаж! Задолбали! Взяли мы этот город. Или это деревня? Да по барабану что это, здесь уже штурмы сапоги пропечатали! Ну есть же! Все уже! Что вам еще надо?!

Слышь, командир, ты там что ищешь? Не, нам с тобой не здесь надо прятаться, не, не, не. Ты что, в этих развалинах собрался ночевать? Ты путаешь, командир, здесь танк не спрячешь, это вообще не развалины, здесь мы с тобой все кирпичи с землей смешали, здесь «передок» теперь, чистое поле — «открытка», короче, вычислят на раз и накроют. Какая такая новая задача? Где тебе сектор держать нарежали?

Как же устал! Зачем мне этот экипаж? Надоели. Не видеть и не слышать их совсем. Не хочу больше, чтобы мехвод рычаги дергал. Хочу в Сибирь. В Омск. На завод хочу. Двигатель хочу новый, он куда мощнее. Комплекс радиоэлектронного

противодействия дронам «Волнорез» хочу. Главное, научите меня спать. Хочу спать, в парке, в ангаре, а не месить грязь траками.

Сергей Сороковиков

ДО ВСТРЕЧИ, БРАТ

Дрон-разведчик заметил его случайно. Оператор сразу вызвал эвакуационную группу. Он понимал, что они не успеют. Сто процентов, без шансов. Очень далеко. Но это ничего не меняло, группа все равно дойдет. Штурмовик увидел дрон, он тоже понял, что за ним пошли, и тоже знал, что они не успеют. Слишком далеко. Дрон висел рядом, это все, что мог сделать оператор. Дать понять брату: не брошен, свои делают, что могут. Просто не могут больше. Наверно, штурмовику так должно быть легче. Да точно легче. Он «уходил». Тяжело. Но не был один. Не брошен.

Прилет, взрыв, и осколок, совсем небольшой осколок, пробился, нашел дырочку и зашел глубоко в легкое. Осколок маленький, поэтому убивал медленно. Легкие заполнялись кровью, каждое новое мгновение дышать было труднее и труднее. Каждый раз любая попытка вдохнуть или выдохнуть шла через боль. Пронзающая иглой через все тело — боль.

От боли выплеснуло адреналин, штурмовик, сжав зубы, оттолкнулся двумя руками и, перевалившись через бок, поднялся на колени. Боль снова швырнула его на землю. Повторил. Снова на колени. Дернул за тросик быстрого сброса, освободил завязки с боков, потом рывком скинул «броник», подняв переднюю секцию и перекинул ее назад, через голову. Это движение отняло слишком много сил. Опять упал. Замер. Три секунды ждал. Набирался сил, последних, больше не оставалось.

Перевернулся на спину. Не выдох, хрип. Кровь на губах. Вдохнуть еще можно, раз или два. Нет, пока не получается.

Распахнул, почти разорвал бушлат. Холодный воздух обжог грудь. Все же, преодолевая невозможное, вдох. Опять нужно переваливаться на бок, встать на колени. Да хоть десять, хоть сто раз, если бы не дикая боль. Он осмотрел себя спереди. Нет, ранение со спины. Взрыв был позади и в стороне.

Вколоть промедол? Лучше закурить. Еще можно успеть выкурить сигарету. Если отвлекаться, то не успеешь. Надо попробовать закурить. Сел, выправив ноги вперед. Подтянул рюкзак. Пачка была в кармашке на ляжке. Ударом ладони в дно пачки попытался выбить сигарету. Не получилось. Еще раз. Еще. Выскочили несколько штук, упали на землю. Он поднял одну. Запихал в рот. Огня нет. Спички... Зажигалка... Голова не помнила, где они. Он вынул сигарету, сломал ее пальцами и бросил. Огня уже не надо. Он не успеет закурить. Отпустило. Нет боли. Свет. Пора, время, сейчас.

Оператор разговаривал с ним. Он точно знал — все слова в пустоту, штурмовик его не слышит. Слишком далеко. Но оператор дрона делал все, что он мог. А он мог только держать рядом «птичку» и говорить.

Тебе пора в Рай, брат. Жди нас, нам тоже туда. Кому-то завтра, кому-то годы ждать. Годы, годы, вспоминаешь годы, что прошли, понимаешь, это был лишь день. И впереди может быть только день. Если тебе дадут, целый день. Всем, кто живет праведно — чистит мир от скверны — всем дорога в Рай. Увидимся там, брат!

Наталья Колмогорова

ПУТЬ, УСТЛАННЫЙ ЛЕПЕСТКАМИ

Весенний воздух горчит.

При каждом вдохе он въедается в глотку, вызывая першение и спазм. Воздух чёрным туманом окутывает плечи, холодной тишиной звенит на дне колодца. Такой весны Лида не припомнит! А вёсен в её жизни случилось немало... Но одно Лида знает точно — эту весну она запомнит навсегда!

У крыльца, словно чёрная метка, её поджидает первая мартовская проталина. Запах сырой земли щекочет ноздри. Лида осторожно обходит проталину, стараясь не испачкать сапог. Поднимает голову: с длинных, свисающих с крыши сосулек срываются капли воды и, словно шрапнелью, пробивают подтаявший рыхлый снег. Гулкий звук над головой идёт по нарастающей, и Лида с замиранием сердца наблюдает, как самолёт, протаранив розовое облако, берёт направление строго на запад. Снег на горизонте, в лучах заходящего солнца, отливает пурпурно-красным...

Неясный шорох за спиной вывел женщину из состояния оцепенения. Соседка баба Соня, прозванная за глаза «Сорокой», сверлит её подозрительным взглядом сквозь щель в заборе.

— Лидк, а Лидк! Звонил?

Куцая шаль на птичьей старушечьей голове повязана крест на крест так туго, что бабка с трудом разжимает челюсти.

— Нет, не звонил.

Лида поворачивается к Сороке спиной, чтобы уйти.

— Слыхала, вчера в Ивантеевку солдатака привезли? Говорят, сгорел заживо.

Старуха суетливо, мелко крестится.

Ноги больше не держат Лиду... Подхватив мгновенно отяжелевшее ведро с колодезной водой, она спешит в избу. Не разуваясь, опускается на стул тут же, в прихожей, возле трюмо. Поспешно жмёт на кнопку старенького телефона. Входящих звонков — ноль. Прислонившись спиной к стене, сидит долго, не раздеваясь, в сотый раз возвращаясь мыслями в тот день, когда видела сына в последний раз...

В пёстрой и разноголосой толпе мобилизованных её Степан на голову выше многих. Он из тех, кому предстоит тяжёлый и опасный путь, усеянный не лепестками роз, а опасными лепестками — минами. Твердолобый, как отец, с горячим норовом Степан частенько не церемонился там, где нужно было защитить слабого или наказать обидчика. Сколько раз Лиду вызывали в школу! И стыдили, и увещевали, и просили принять меры по отношению к сыну...

Лида плохо помнит, какие напутственные слова говорили призывникам в этот день. Запомнились только обрывки фраз — «специальная военная операция», «фашизм»... Господи, что это? Страшный сон или страшная правда современной жизни? Откуда взяться фашизму? Вот они стоят перед глазами: взрослые мужики и совсем ещё мальчишки... Румяный, кровь с молоком, парень Андрей из соседнего села. Его похоронят, спустя пару месяцев после призыва. А на руках жены останется двое совсем ещё маленьких ребятишек...

Мобилизованные напоминают лицедеев из балагана, одеты все вразнобой — джинсы, куртки, спортивное трико, зимние ботинки, берцы. Кто-то нервно дымит сигаретой, кто-то звонит по телефону, кто-то успокаивает плачущую мать.

— Не пуцу! Не имеее права! Мой сын болен! Вот справка!
— седая расхристанная баба трясёт в воздухе какой-то бумажкой.

— Мама, не позорь меня! — высокий детина не знает, куда спрятать глаза от стыда.

Лида вот-вот заплачет... Степан смотрит на мать в упор, и она читает во взгляде: «Не смей делать так же. Слышишь?»

Сын позвонит домой, спустя почти две недели. Лида потеряет голову от радости:

— Сынок! Ты как? Ты где?

— Пока на учениях, ма. Я теперь командир отделения.

— Очень трудно?

— Нормально. Ребята потихоньку привыкают, осваиваются. Правда, вчера одному пришлось заехать в зубы.

— Стёпа, ты опять за старое? За что?

— За то, что мокроту развёл! Типа, за что воюем, кому это надо?.. А так всё нормально!.. Как Барс с Ладой? Охрану исправно несут?

Полуовчарку Барса и дворнягу Ладу сын подобрал возле городской заправки, когда возвращался с вахты домой. Голодные щенки, словно новогодние ёлки, были обвешаны насосавшимися крови клещами. Кота Ерофея и кошку Марусю Степан подобрал за околицей пару лет назад... А теперь тот, кто спасал от смерти бездомных животных, волею судьбы должен взять в руки оружие и сеять вокруг смерть! Справедливо ли это?

У Лиды от таких мыслей закружилась голова. Что такое есть «человек» и почему он не может жить в мире с себе подобными? Лида никогда и ни с кем в деревне не ссорилась. Всего-то пару раз с бабкой Соней из-за огородной межи и кустов вишни, оккупировавших её, Лидин, огород. Но эти распри не в счёт...

Лида набирает из ведра пригоршню ледяной воды и подносит ко рту. Челюсти моментально сводит от ломоты... Вдруг некстати вспоминается случай, как Степан, будучи ещё подростком, явился домой изрядно навеселе. Лида тогда не стала ругаться, хвататься за ремень. Напротив, достала из серванта бутылку «беленькой», выставила на стол:

— Что, понравилось?

— Гы-гы-гы! — пьяно засмеялся сын. — Прикольно!

— Может, ещё рюмочку, чтобы стало ещё прикольнее?

Похмелье у сына оказалось тяжёлым. Лида несколько раз

подносила то таз, то кружку воды, то таблетку активированного угля.

— Ну что, сынок, понравилось? Может, ещё рюмочку?

— Ма-а-а, ну, хватит! — сквозь рвотные позывы стонал Степан.

— Ну, хватит, так хватит.

Конечно, Лида тогда сильно рисковала! Но после того памятного случая Степана напрочь отворотило от спиртного. Иногда, правда, мог пива выпить с друзьями, но всегда в меру.

За окном низким утробным басом залаял Барс. И кого несёт на ночь глядя? Судя по собачьему лаю идут свои, на чужих Барс реагирует иначе. Негромкий топот в сенях... Бабка Соня просунула в дверь своё согбенное тщедушное тело:

— Можно? Гляжу, свет не горит. Дай, думаю, загляну, мало ли что.

Старуха, не ожидая приглашения, сняла коричневый, потёртый на обшлагах и карманах цигейковый полушубок, размотала шаль.

— Да, Лида, дела...

Лида не хотела обижать старуху, но сил и желания разговаривать не было вовсе. Баба Соня опустилась рядом на стул. В ранних сумерках серое лицо её, похожее на сморщенное мочёное яблоко, выражало скорбную озабоченность.

— Вот ты скажи, баб Сонь, — Лида первая нарушила молчание, — неужто нельзя было обойтись без войны? Ведь Стёпка — единственный смысл моей жизни!

Сорока пожамкала сухими потрескавшимися губами:

— Моя покойная мать, бывало, говорила — «паны дерутся, у холопов чубы трещат». Знаешь, Лида, я малой девчонкой ишшо была, когда фрицев с нашей земли гнали... А теперича время совсем другое! Помню, раньше и двери друг от дружки не запирали. Палочку али метлу к двери снаружи приставят — значит, хозяев дома нет. А как жили дружно! Особливо после войны. И хозяйство вместе, скопом, подымали. А теперича

што? Душу дьяволу готовы продать за нарядную тряпку али новую машину!

— Всё так, баба Соня. Оттого и горько на душе. И страшно.

— А ишшо моя бабка сказывала, будто в Святцах вычитала: мракобесие настанет, и земля-матушка от нашей непотребщины с ног на голову перевернётся!

— Ой, не пугай, баб Сонь, и так на душе кошки скребут! У Стёпки болячек разных полным-полно. Беспokoюсь, как он там в холоде да сырости, да под пулями?

— Материнская молитва — могучая сила. Молись, Лида! Стёпка твой славный, авось, Бог убережёт. Хоть бы и Россиюшку нашу от супостатов уберёт!

— Ты прости меня, баб Сонь.

— За шо?

— А помнишь, за вишню с тобой воевали?

— Да Бог с ней, с вишней-то, забыла давно.

И тут Сорока сделала то, чего Лида никак не ожидала: обняла и крепко прижала к своей впалой старческой груди.

— Храни, Господь, робятушек наших!

Лида с шумом вздохнула. Напряжение последних дней лопнуло, как чирей, и она, наконец, дала волю горьким слезам...

Проснулась Лида посреди ночи от того, что телефон звонил, не умолкая.

— Стёпушка! Слава Богу, жив! Когда в отпуск?.. Как — в июне?! Вроде бы, раньше обещался? Последним, после всех придёшь? Ох, Стёпа, Стёпа! Плохо слышно!.. У кого день рождения? У командира вашего? А как вы справляли, если кругом война?

Лида слушала, не перебивая... Про то, как Степан подобрал голодного, обезумевшего от страха пса и смастерил для него конуру. Про то, как в походных условиях научился жарить вкусные котлеты. Про то, как подкидывали они именинника в воздух, а после принятых «боевых сто грамм», горланили знакомое: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

В качестве подарка командиру презентовали найденную на пепелище и чудом уцелевшую книгу «Сто рецептов блюд из картофеля». «Эх, пацаны, вот вернёмся домой, всех жду ко мне в гости, в Самару! — листая книгу, улыбался виновник торжества. — Накормлю до отвала украинскими галушками, белорусскими драниками... И, конечно, печёной картошкой по-русски!» Его спросили про водку. «А водку, за встречу, сам Бог велел».

Лида слушала: и смеялась, и плакала:

— А я тебе пельменей налепила! Мордовских, с фаршем, с лучком, с картошкой. Как ты любишь, Стёпушка!

— Я тебя люблю, ма, — тихо сказал Степан и дал отбой.

А Лида не сомкнула глаз до самого утра...

Наталья Колмогорова

КАПОЧКА, ВЕРНИСЬ!

Телефон звонил, не умолкая.

Тётя Фая, лавируя в узкой прихожей между трюмо и полкой для обуви, кое-как протиснула свою широкобёдрую «корму» в направлении вешалки.

— Шоб тебе провалиться, подлюка проклятый!

Отыскав возмутителя спокойствия в кармане плаща, тётя Фая недоверчиво уставилась на экран телефона. Она не доверяла не только изобретениям человечества, но и всему человечеству в целом.

Продавцы местного рынка всегда готовы отдать по бросовой цене отборную черешню или виноград, лишь бы тётя Фая не задержалась около прилавка!

— Я имею вам кое-что сказать... Это томат? Я вас спрашиваю, это томат? За это безобразия вы просите сумасшедшие деньги!

Поторговавшись и получив за товар приличную скидку, тётя Фая, раздвигая толпу локтями, гордо удалялась восвояси. У окружающих тётя Фая вызывала, мягко говоря, изжогу, как, например, просроченный кефир или прогорклая сметана.

Скупердяйство тёти Фаи не знало предела! Каждый чайный пакетик, используемый не единожды, она просушивала и складывала в специальную банку.

— Фаечка, зачем тебе столько просроченного чая? — интересовалась соседка.

— А вдруг — опять?

— Шо опять?

— Налёты, бомбёжки... Божечки, ещё один такой ужас я не переживу!

— Фаечка, всё давно в прошлом. Забудь, яки страшный сон.

Тётя Фая недоверчиво шмыгала длинным увесистым носом, откидывала со лба редкие седые кудряшки. Однако по-прежнему впрок собирала чайные пакетики, сушила сухари, а в пластиковые кеги разливала про запас воду.

Телефонного звонка тётя Фая ровным счётом не ждала! Поэтому была крайне удивлена, когда на экране высветился незнакомый, чудной номер.

— Шо за идиёт звонит в двенадцатом часу дня?

Тётя Фая от волнения даже вспотела. Она присела на краешек трюмо и, подслеповато щурясь, прочла вслух номер:

— Восемь, шесть, два, один.

В ней боролись два чувства: недоверие и любопытство. От сильного напряжения на кончике её носа повисла прозрачная капля. Наконец, тётя Фая приняла решение. Низким и хриплым, словно прокурренным, голосом она произнесла в трубку:

— Альё? Кто это?

Телефонная трубка в ответ радостно взвизгнула, закудахтала, затем послышались неясные рыдания, нечленораздельные звуки и, наконец, чей-то истеричный женский голос пискнул:

— Фаечка, ты ли это?! Как хорошо, что живая!

Если бы среди белого дня грянул гром, тётя Фая удивилась бы гораздо меньше, чем сейчас.

— О, боже, Капа? Не расчёсывай мне нервы! Ты ли это?

— Я, Фаечка! Я!

— Ты таки хочешь мне сказать, что спустя три года вспомнила про свою старую Фаю?

— Почему вспомнила? Я и не забывала! Ой, подруга, мне нужно столько тебе рассказать! Как ты?

— Не хочу тебя расстраивать, но у меня всё хорошо. Откуда звонишь? Надеюсь, не с того света?

— Ой, Фая, узнаю твои шуточки! Звоню тебе из города Челябинска.

— А шо ты там забыла? Я думала, тебя давно отпели.

В трубке громко всхлипнули.

— Я тоже так думала, Фая, пока не услышала твой голос.

— Ты терзаешь моё сердце, Капа. Скажи, где ты нашла мой номер телефона?

— Ой, не спрашивай, кто ищет, тот найдёт! Расскажи лучше про себя.

— Ты же знаешь, Капа, шо из меня рассказчик, как из Ёси (помнишь моего Ёсю?) сапожник.

— Конечно, помню! Как там у вас в городе, наладилось?

— Капа, ты меня убила наповал! Шо значит — «у вас»? Разве Донецк — не твой родной город тоже?

— Прости, ляпнула, не подумав.

— Город, конечно, сильно изменился с тех пор, как ты с детьми уехала в неизвестном направлении. Тикала так, аж пятки сверкали!

— Фая, за ради бога, ты меня обижаешь! Разве ты не помнишь, какие были обстоятельства? Эта военная операция...

— Это ты меня, старую дуру, прости. Конечно, помню! Разве ж такое забудешь?

Фая громко шмыгнула носом, и солёная капля, сорвавшись с кончика, шлёпнулась на морщинистую руку.

— А шо, Фая, наш любимый парк таки восстановили?

— А то ж! Очень даже хорошо восстановили.

— О, божечки! А рынок? От него, помню, только камни остались...

— Всё в порядке. Но ты не представляешь, какие сейчас на рынке цены!

— Ты совсем не изменилась! — рассмеялась Капа.

— А любимая лавочка, где мы с тобой ели мороженку?

— И лавочка на месте, и поликлиника работает. Новый доктор очень внимательный, почти как мой Ёся в молодости. Царствие ему небесное!

Тётя Фая всегда была однолюбкой и искренне любила

только Ёсю и подругу Капочку — полную свою противоположность. Капа была мелкая, юркая, как воробей, но жутко терпеливая. Благодаря терпению с её стороны, их дружба оказалась крепкой, как дамасская сталь.

— Альё, Капа?

В трубке стояла гробовая тишина. Тётя Фая подумала было, что прервалась связь.

— Я здесь, дорогая, — всхлипнула Капа. — Хочу хоть одним глазком взглянуть на мой город!

— Таки ехай обратно! — воскликнула тётя Фая.

— Куда? Ты же знаешь, от моего дома ничего не осталось.

— Ну таки шо с того? У тебя есть подруга Фая. А у Фаи — уютная «двушка».

— Ты, правда, хочешь, чтобы я приехала?

— Капа, не делай мне нервы! Приезжай! Я буду варить тебе манную кашу.

— А мы пойдём с тобой в кино?

—

Ну конечно! Накрутим букли, покрасим губы — и держись гопота! А если тебе надоест манная каша, вернёшься в Челябинск. У тебя есть ещё внуки?

— Внучка в Челябинске родилась.

— Таки все обратно ехайте!

— Не знаю. У зятя хорошая работа и хорошая зарплата.

— Капа, зять в доме — это инородное тело!

— Таки да.

— Капа, ну шо ты тут рассусоливаешь? Ты меня утомляешь.

— Ой, Фая, не надо меня уговаривать! Я, наверно, и так соглашусь.

Спустя какое-то время, тётя Фая снова засобиралась на рынок. В этот раз, она готовилась более тщательно, чем обычно. Вместо авоськи она достала с антресолей небольшую тележку на колёсиках, смахнула пыль. Из потайного местечка, известного только ей одной, достала пачку купюр, перетянутых резинкой. Отсчитала несколько штук,

поколебавшись, добавила сверху ещё парочку. Да, тётя Фая умела быть щедрой с теми, кого любила!

Перебрав несколько платьев, достала из шкафа самое любимое — синее в белый горошек. Это платье она уважала за то, что фасон удачно корректировал тяжеловесную, грушеподобную фигуру тёти Фаи.

— Так, яйца не забыть! Вареники с вишней налеплю, как любит Капочка. И ещё колбаски домашней, и вина хорошего.

В этот день тётя Фая произвела на рынке настоящий фурор! Она не торговалась с продавцами, как обычно. Ну или практически не торговалась, разве, что самую малость. А всё потому, что счастливый человек торговаться с жизнью не должен.

Расталкивая прохожих своей шикарной тазобедренной композицией, тётя Фая, гружёная продуктами, медленно двигалась в сторону дома.

Завтра или послезавтра она покажет Капочке любимый Донецк. Новый Донецк — мирный, красивый, уютный!

Но это будет завтра... А сейчас тётя Фая в нарядном платье и широкополой старомодной шляпе гордо шагала по знакомой улице и улыбалась каким-то своим потаённым мыслям. Всё рано или поздно возвращается на круги своя.

Наталья Колмогорова

ДОРОГА В ОДИН КОНЕЦ

Шансов остаться и жить, как прежде, в своей квартире практически нет. Шансов остаться в живых — ещё меньше. Город сутки бомбят плотно, по-настоящему, без передыха на сон и обед. Земля содрогается, покрываясь оспами многочисленных воронок. В ушах стоит невыносимый гул.

Алька наспех собирает чемодан, руки предательски дрожат. В первую очередь документы и деньги, потом всё остальное. Впереди — зима, неизвестность и суровая правда жизни. Что ещё? Ах, да! Незавидный статус беженца, чужая постель, чужие люди. Дорога в один конец!

— Сынок, паспорт взял? — голос у Альки вот-вот сорвётся на самой высокой ноте.

— Взял, мам, — сын стоит в дверном проёме неподвижно, руки, как плети, безвольно обвисли. На лице смятение и непонимание происходящего.

Алька вздрогнула — бабахнуло где-то совсем рядом. И вдруг неожиданно стихло...

Алевтина вопросительно смотрит на сына:

— Что?

— Ничего, — отвечает Лёшка бесцветным голосом и берёт из рук матери чемодан.

В тяжёлой, внезапно наступившей тишине громко лязгает замок. Чемодан-чуть ли не Алькин ровесник, он помнил ещё времена Советского Союза.

Алевтина обводит комнату прощальным взглядом... Новый, купленный около года назад, телевизор. Фотография в рамочке: Алёшка и она, Алька, первого сентября у крыльца школы. Лица счастливые, в руках — букеты цветов.

Алька на миг задумалась: если даже в этом аду дом выстоит, то шансов вернуться назад нет. Или почти нет...

Алька не чувствует, как слёзы сами катятся из глаз. Только губам почему-то солоно.

— Мааам, — умоляюще смотрит Алёшка, переминаясь с ноги на ногу. Он не решается переступить порог дома первым.

— С Богом! — Аллька тихо прикрывает за собой входную дверь и поворачивает ключ на два оборота.

Хорошо, что у Алльки нет ни кошки, ни собаки, ни даже попугая. Что бы она делала с бедными животными? Отпустила бы на волю накануне зимы, да ещё во время войны? Нет, это на верную гибель! Аллька очень любит животных, жалеет их, но график работы на железнодорожной станции, плюс частые командировки сына не позволяли держать дома даже нетребовательную к содержанию черепаху.

Алька горько усмешается собственным мыслям: люди гибнут тут и там, а она про кошек да черепах...

Сын идёт впереди крупным шагом, Аллька, стараясь не отставать, еле за ним поспекает. Поток людей и машин на улице почему-то движется только в одном направлении — на север. Там железнодорожный вокзал.

Не сегодня-завтра в город войдут те, с кем буквально вчера слушала Аллька одни и те же песни, готовила одни и те же блюда, пила горилку, и, возможно, сидела за одним столом... Или это не те, а другие? Те, о которых она, Аллька, толком ничего не знает? Те, что пленным выкалывают глаза и стреляют по ногам безоружных? Аллька не знает ответа на этот вопрос. Как и соседка Юлька, которая бежит сейчас как оголтелая к автобусу, прижимая к груди трёхлетнюю дочку. Или дядя Саша, инвалид из квартиры напротив. Старик неловко выворачивает правую протезированную ногу, торопится, боясь остаться в осаждённом городе, и, кажется, вот-вот упадёт.

— Аллька поднимает глаза к небу: три чёрные точки, словно

три хищных птицы, высматривающих жертву, стремительно приближаются. Паника и хаос нарастают. Крики людей. Сирены автомобилей. Звон стекла. Плач детей. Запах гари. Животный страх...

Такси, автобусы, частные автомобили — всё под завязку забито людьми. Отчаяние накрывает Альку с головой. В город скоро войдут чужие. Белые — красные, красные — белые... Вчера в городе была одна власть, сегодня — другая. Альке не к месту вспомнился эпизод из фильма «Бумбараш» и нелепая песня из кинофильма — «Журавль по небу летит, корабль по морю плывёт...» Алька хохочет навзрыд, до колик в животе, слёзы катятся из глаз и крупными каплями падают на рукав пальто. Сын смотрит непонимающе, в глазах его стынет ужас. Он трясёт Альку за плечо:

— Мама! Мама!

Алька приходит в себя.

— Тётя Аля, бежите скорее к нам! У нас как раз два места осталось в машине.

Знакомый из соседнего подъезда по имени Артём призывно машет рукой. Алёшка тянет её за рукав пальто... Думала ли когда-нибудь Алька, что будет до смерти рада прокатиться на ржавых старых «Жигулях»? Ей бы только Алёшку спасти! Она, худо-бедно, пожила своё на свете, а ему, Лёшке, надо ещё многое сделать...

Они всё-таки успели запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Спустя двое суток изматывающей дороги и нерадостных мыслей оказались почти в центре России, у старых добрых знакомых. Но Алька не может спать уже три или четыре ночи — адреналин зашкаливает. Сын перенёс дорогу немного спокойнее — молод ещё, психика более гибкая.

Спустя неделю после приезда, начались Алькины мытарства по инстанциям, кабинетам, и чиновникам разных мастей.

— Паспорт российский имеется?

— Нет.

— А трудовая книжка?

— Нет.

Кто-то из чинуш недовольно поджимает губы, кто-то сочувственно кивает головой, кто-то смотрит надменно и свысока, всем видом давая понять: «Зачем вы здесь? нам и своих проблем хватает». Разве могут они, чинуши, имеющие кров и стабильную зарплату, в полной мере понять тех, кто потерял всё в одночасье? Конечно, Алька с сыном были здесь чужими, пришлыми, ненужными, и оба прекрасно это понимали, но не обижались. Разве может сытый уразуметь голодного?

Алькино настроение менялось на дню по несколько раз. На смену равнодушию и апатии вдруг приходило мимолётное желание что-то делать, куда-то бежать. Затем это желание внезапно пропадало, и надежда на «светлое завтра» сменялась отчаянием, ощущением своей ненужности и неприкаянности...

Наконец, после долгих скитаний, Лёшка смог устроиться на работу. Работа, конечно, не сахар, тяжёлая и грязная, но разве у них был выбор?

— Не раскисай, — уговаривала себя Алька. — Нам ещё повезло, мы живы! А каково тем, кто находится сейчас под обстрелами?! Кто прячется с детьми по подвалам! Кто лишился всего — друзей, родных, близких, крыши над головой! Каково им?

Судя по последним неутешительным сводкам от Алькиного небольшого городка не осталось и половины...

А зима буквально наступала на пятки. Птицы большими стаями собирались на юг. Где-то там, на юге, осталось уютное Алькино гнёздышко. А может быть, уже и нет этого гнёздышка... Хорошо, что Алька догадалась взять тёплое пальто! Но сыну нужна зимняя обувь, тёплый свитер, шапка. Зимы в России ох как суровы! А ещё каждый день нужно было что-то кушать. Денег катастрофически не хватало! Но Алька не плакала. Сердце словно окаменело. А ещё, она не хотела

расстраивать сына, Алёшка и так настрадался, не дай Бог никому...

Алька бесцельно бродила по улицам провинциального городка и не могла придумать, чем себя занять. Пожухлая листва мягко шуршала под ногами. По-осеннему терпко и свежо пахли последние георгины и астры на клумбах. Алька, мысленно оглядываясь назад, не могла понять: та, прошедшая её жизнь была в самом деле или только привиделась? Алька не заметила, как ноги сами привели её к воротам храма. Утренняя служба, видимо, закончилась, на дверях висел большой замок. Она прислонилась к витой чугунной ограде, прочла надпись: «Храм в честь святого великомученика Димитрия Солунского». Почему-то вдруг пришло ясное осознание: Небо не оставит их с сыном в беде! Как не оставит и тех, кто жаждет мира всем сердцем.

— Спаси, Господи, всех нас, неразумных!

Накрапывал мелкий дождь, и ветра совсем не было слышно. На душе стало легко и спокойно, как не бывало давно.

— Служба закончилась. Приходи, милая, завтра.

Алька оглянулась: незнакомая сухонькая старушка в тёмном платке смотрела на неё тихо и печально.

Алька кивнула в ответ и зашагала в сторону дома с таким чувством лёгкости, словно чья-то невидимая рука сняла с души непосильный груз.

Нина Левина

ИЛЮШКА

Илюшка родился в конце апреля 2014 года в Луганске, в тот самый день, когда было объявлено о создании Луганской Народной Республики. Но Илюшка ничего об этом не знал. В то время как вершилась история, он заходился громким надрывным криком. Илюшку обмыли в тёплой воде, перевязали пуповину и положили маме на животик. Илюшка затих, услышав знакомый ласковый голос и привычные удары маминого сердца, и ему было всё равно, о чём говорят женщины, находившиеся поблизости.

— Что же получается, теперь мы тут все террористы? — тихо спрашивала молоденькая медсестра, складывая в металлическую ёмкость грязные инструменты.

— Получается, да, — отвечала пожилая акушерка, тщательно намыливая руки. — Против нас объявили антитеррористическую операцию. Пошлют к нам войска на зачистку. Танки, самолёты...

— Да они что там в Киеве совсем с ума посходили? Неужели стрелять по нам будут?

— Как знать, как знать...

— Не может такого быть! Двадцать первый век на дворе.

Но двадцать первый век оказался богат на сюрпризы. Домой Илюшку принесли как раз в тот день, когда в Одессе живьём сжигали людей. Тех, кто смог выбраться из огненного ада, добивали прямо на улице. Илюшкиной маме папа запретил смотреть новости, чтобы не волновалась, а сам иногда включал телевизор и быстро выключал его с потемневшим от гнева лицом.

В тот день Илюшка узнал, что кроме мамы и папы

в квартире живут ещё бабушка и прабабушка. У прабабушки был маленький домик с большим садом далеко от Луганска, возле города Красный Луч. Она была очень старенькая, еле передвигалась по комнатам, и бабушка последние годы забирала её осенью в город до лета. Прабабушка мечтала, как они вместе с маленьким Илюшкой и его мамой поедут летом в деревню, где станут пить коровье молоко, собирать сладкую малину и дышать свежим воздухом. Илюшка ничего не понимал, но внимательно слушал и сладко засыпал под тихий голос прабабушки.

А в это время в Киеве всерьёз решили наказать области, Луганскую и Донецкую, не согласившиеся с государственным переворотом и провозгласившие себя независимыми Народными Республиками. Начались обстрелы городов республик из «Градов» и миномётов, мужчины брали в руки оружие и шли в ополчение, чтобы защитить свои семьи. Но многие жители ещё не верили, что их будут убивать. Часто женщины и старики становились на дорогах живым щитом, пытались образумить солдат, едущих к ним на танках по приказу из Киева. Иногда это получалось, иногда — нет. Полилась кровь.

Илюшка об этих событиях не знал. Он много спал и хорошо ел, начинал самостоятельно держать головку и улыбаться. Наступало лето, и прабабушка с бабушкой всё чаще обсуждали поездку в деревню. А 2 июня прямо над центром Луганска пролетел самолёт и по команде из Киева сбросил на людей бомбы. Это был тёплый солнечный день. День для жизни, а не для смерти...

В тот же вечер из Киева бабушке позвонила её племянница. Она когда-то тоже жила в Луганске, но потом переехала в столицу к мужу.

— Нас бомбили, — говорила бабушка в трубку и плакала, — как в войну, понимаешь? Разве это люди? И ты на их стороне?

— Никто вас не бомбил! — резко отвечала племянница. —

Я слежу за новостями. Это ваши бандиты-сепары устроили перестрелку, вот кондиционер и взорвался.

— Какой кондиционер? О чём ты? — кричала бабушка. — Самолёт сбросил бомбы на центр города! Погибли люди! Много раненых!

— Не смотрите российские каналы! — отрезала племянница. — Там всё врут!

— Какие каналы? Мы живём здесь! Или ты забыла?

Илюшка тогда перед сном долго чихал и фыркал. Ему совсем не понравился резкий медицинский запах, расплзшийся по квартире после разговора бабушки с племянницей.

Тем временем лето вступило в свои права, и в молодых республиках стало по-настоящему жарко, но не от палящего солнца, а от разрывов бомб и снарядов. Вокруг Луганска было беспокойно, всё чаще Илюшка просыпался по ночам от грохота орудий и плакал. Мама его успокаивала, прикладывала к груди, но молоко было наполнено тревогой и страхом, и напившись его, Илюшка плакал ещё сильнее. На улицах начали возводить укрепления, а на дорогах — блокпосты. Город готовился к тяжёлым боям. Папина и бабушкина работа закрылись, и теперь мать и сын часто сидели дома и спорили.

— Может, пока не все дороги перекрыты, успеем увезти Илюшку в деревню? — с тревогой спрашивала бабушка. — Что там с автобусами? Ещё ходят?

— Не ходят, автовокзал под обстрелом, — говорил папа. — И нельзя в деревню. Там вражеские танки. От дома, скорее всего, ничего не осталось.

— Бог с ним, с домом, — бабушка умоляюще складывала руки, — Илюшку и себя спасайте...

Начинались самые страшные дни, когда по Луганску била артиллерия. Позвонила племянница из Киева и позвала к себе.

— Как я поеду к тебе, если ваши солдаты стреляют по мирному городу? — говорила бабушка. — Они убивают

женщин и детей. Мы для Киева враги.

— Это неправда! — кричала в трубку племянница. — По вам стреляют россияне. Они с вашими сепарами заодно. Специально бьют по домам и людям, чтобы сделать картинку для СМИ.

Бабушка тогда что-то резко ответила и оборвала разговор, а на следующий день папа велел всем быстро собираться в дорогу.

— Наши ополченцы формируют колонну из гражданских автомобилей, будут сопровождать до границы с Россией. Выезжаем через четыре часа. Берите только самое необходимое.

Бабушка с прабабушкой сказали, что никуда не поедут. Прабабушка была слишком старенькой и не хотела оказаться обузой в дороге, а бабушка решила, что не оставит свою мать одну. Илюшка недовольно хныкал и не понимал, почему его мама почти не обращает на него внимание, а мечется по комнатам с сумками, складывая в них вещи. Папа в это время уговаривал бабушку с прабабушкой, но они отвечали:

— Мы уже старые, умирать не страшно. Зато будем знать, что вы в безопасности.

Папа внезапно опустил глаза и сказал:

— Я только вывезу Илюшку с женой, обустрою их и сразу вернусь.

— Как вернёшься?

Мама Илюшки замерла с пелёнкой в руках и взглянула на папу с тревогой.

— Я ведь военный...

— Бывший! Ты уволился несколько лет назад!

— Я опытный офицер! — Папа повысил голос, и все женщины в квартире замолчали. — И я нужен своей Родине. Я был в военкомате и восстановился, — папа добавил чуть тише, — я уже пообещал мужикам, они рассчитывают на меня. Разговор закрыт.

Папа всегда считал, что сорок километров от Луганска до границы с Россией — это ерунда. Он даже не думал, какой дорога может быть бесконечно долгой, когда едешь под артобстрелом. Мама почти всю дорогу пролежала на заднем сиденье, закрывая собой Илюшку. Колонна то останавливалась, то мчалась, то ползла вдоль обочин, объезжая воронки. Иногда гремело совсем рядом, и камни с комьями земли летели в стёкла. Через несколько часов колонна прибыла в безопасное место. Папа еле дотянул до него на спущенном колесе, посмотрел на обшарпанные бока машины и с облегчением вздохнул:

— Выбрались.

Он отвёз Илюшку с мамой в Крым, поселил у знакомых, а сам вернулся в Луганск. В Крыму было спокойно, Илюшка снова сладко спал по ночам, хорошо ел и быстро рос. Только чувствовал, как скучает мама по папе. Она очень обрадовалась, когда узнала, что в сентябре подписали какие-то соглашения, а спустя две недели приехал папа. Он забрал маму с Илюшкой домой, потому что тоже сильно по ним соскучился.

Но после соглашений мало что изменилось. Разве что снаряды больше не летели по центру города, а только по окраинам. Илюшка снова просыпался по ночам от звуков разрывов, а потом зимой были подписаны ещё одни соглашения... Почему-то им больше никто из взрослых не радовался, а совсем наоборот.

Илюшка уже начал ходить, и ни мама, ни бабушка не могли его удержать, когда он бежал навстречу папе. Тот хватал смеющегося Илюшку, подбрасывал к потолку, ловил, а потом прижимал к себе. Илюшкин нос упирался в папин камуфляж, пахнувший взрослой суровой жизнью.

Иногда папа долго не возвращался с работы, Илюшка скучал, а мама произносила странную фразу: «Похороны боевого товарища». Потом приходил папа, но не один, а с такими же мужчинами, как он, тоже одетыми в камуфляж. Хмурые лица светлели при виде Илюшки, а потом снова

суровели. Папа и мужчины располагались на кухне. В тесноте, плечом к плечу, рассаживались вокруг стола. Илюшка протискивался между ними и устраивался у папы на коленях. Илюшке нравились громкие мужские голоса, он чувствовал себя большим и сильным. Он выплёвывал пустышку, сверкал тёмными, как у папы, глазёнками и улыбался всем подряд, видя, что ему очень рады. Только одного Илюшка не мог понять. Почему у мужчин сдвигаются брови и сжимаются кулаки, когда кто-то из них произносит:

— Если бы не проклятые соглашения...

Илюшка засыпал у папы на коленях и не слышал, как папа вставал и уносил его в кроватку.

Теперь Илюшка совсем взрослый и многое понимает. В апреле ему исполнилось девять лет, и он чувствует себя настоящим богатырём. Его не пугают доносящиеся издалека звуки взрывов. Он привык к ним за восемь лет, а за последний год взрывов почти не слышно — фронт отодвинулся от Луганска на сто километров. В городе стало непривычно тихо. Иногда только доносятся одиночные отзвуки дальнобойных вражеских снарядов, да на окраины проникают диверсанты, чтобы подорвать что-нибудь важное. Вот в Донецке гораздо хуже. Там снарядами бьют прямо по центру города и часто разбрасывают маленькие мины, отрывающие людям ноги. Мины называются обманчиво красиво — «лепестки», но с цветами у них нет ничего общего. Илюшка прекрасно знает, как выглядят эти мины, им постоянно рассказывают о них в школе. Учится Илюшка хорошо, а ещё он занимается боксом и довольно успешно. Жаль, что не успеваешь обо всём рассказать папе, когда тот приезжает из-за «ленточки» на короткую побывку домой.

На каком участке фронта сейчас папа, никто дома не говорит Илюшке, но он часто слышит слово «Кременная». Мама с бабушкой могут ничего не рассказывать, но все ребята

в классе прекрасно знают, что Кременная — это очень горячо. Там идут жаркие кровопролитные бои, и там находится папа. Каждый раз, когда папа приезжает, все по очереди бросаются ему на шею: Илюшка первый, за ним — мама, а потом и бабушка.

Прабабушки больше нет, она умерла три года назад, так и не побывав в своей любимой деревне. Иногда Илюшка заставляет бабушку снова рассказывать, как им с прабабушкой жилось тогда, когда его совсем крохотного вместе с мамой папа вывез из города. Бабушка показывает самый дальний угол прихожей и объясняет, как соорудила здесь на полу спальное место для себя и прабабушки. Прихожая оказалась самой лучшей частью квартиры, защищённая стеной от летящих осколков. Их девятиэтажке повезло — только повыбивало все окна взрывными волнами и посекло обшивки балконов. Хотя улице досталось прилично, в два соседних дома попали снаряды, от целых подъездов остались одни развалины. Бабушка рассказывает, как на четвереньках пробиралась на кухню, чтобы взять еды себе и прабабушке, а в это время на улице всё гремело и содрогалось.

— Вам не было страшно? — спрашивает Илюшка.

— Ещё как! — отвечает бабушка. — Прабабушка твоя часто плакала и всё спрашивала, неужели это немцы снова пришли?

Прабабушка пережила войну, о которой детям часто говорят в школе. Они много читают на уроках о подвигах прадедов, а потом на переменках рассказывают друг другу о подвигах своих отцов и старших братьев. Для Илюшки и его одноклассников война — это не книжки с картинками, а реальный запах пороха и гари. Это гордость за проносящиеся над городом истребители и рокочущие вертолёты. Это долгое ожидание папы домой на побывку и встречающиеся на улице мужчины без ноги или руки. Это похоронные процессии и женщины в армейском камуфляже или чёрных косынках. Война — это соседка тётя Тамара, поседевшая от горя. О её сыне ничего не было известно больше двух месяцев, а потом

вдруг оказалось, что он среди пленных, которых обменяли на вражеских солдат. Илюшка помнит тот день, когда сын соседки вернулся домой. Бабушка почему-то плакала, а мама всё обнимала Илюшку и папу, приехавшего тогда на побывку. Ночью Илюшка проснулся от душераздирающего крика за стеной и ужасно испугался. Папа, натягивая спортивные штаны, выскочил из квартиры и рванул к соседке. Илюшка хотел бежать за ним следом, но мама непустила. Из-за двери тётки Тамары доносились женские всхлипывания, возня, и рёв не человека, а раненого зверя.

После приезда скорой папа вернулся в квартиру. Он отправил женщин спать, а сам сел на кухне, подперев голову руками. Илюшка заметил, как дрожат у папы руки и спросил:

— Это кричал сын тётки Тамары? Но почему? Он ведь живой вернулся...

Папа посмотрел на Илюшку долгим тёмным взглядом и ответил:

— Он, сынок, в плену побывал. У тех, к кому в плен нельзя попадать. Лучше бы он погиб...

Илюшку словно холодом обдало от этих слов, он прижался к папе и прошептал:

— Но ведь и ты можешь попасть в плен?

— Нет, — твёрдо ответил папа, притянул Илюшку к себе и крепко обнял, — я никогда не попаду в плен.

— Последний патрон для себя?

— Граната надёжней.

В ту ночь Илюшка забыл, что он взрослый, и долго плакал на папиной груди, умоляя его остаться в живых.

Через три дня домой из больницы вернулся сосед. Он пришёл к папе, и они о чём-то долго и обстоятельно говорили на кухне. А утром папа снова уехал туда, где горячо, в Кременную. Вместе с папой уехал сын тётки Тамары. Илюшка почему-то был уверен, что он больше никогда не попадёт в плен.

Бабушка по полночи стоит на коленях перед иконами

и зажжённой лампадкой. Илюшка слышит, как она молится. О них с мамой, о папе и обо всех воинах, которые сейчас там, где идут бои на ЛБС. Илюшка знает, что ЛБС — это линия боевого соприкосновения. Бабушка молится, чтобы большая могучая страна, частью которой они стали, поскорее победила, и наступил долгожданный мир. Племянница из Киева больше бабушке не звонит. Последний её звонок был год назад. Тогда она рыдала, кричала, что их бомбят, и требовала всё остановить. Бабушка спокойно выслушала и ответила:

— Посеявшие ветер, пожинают бурю. Вспомни о кондиционерах и о том, как мы сами себя обстреливали.

Плач в трубке прекратился, племянница разразилась проклятьями. Илюшка услышал часть из них, прежде чем бабушка прервала связь.

Илюшка часто вспоминает тот звонок, а перед глазами встаёт большой белый памятник, установленный в Детском парке. Погибшим детям Луганщины. Детские силуэты, расправив белоснежные руки-крылья, взмывают к небу. Илюшка с одноклассниками приносят цветы к этому монументу. А иногда они приходят сюда вдвоём с мамой и приносят игрушки. Илюшке тогда кажется, что из синевы небес доносится весёлый детский смех. Потихоньку от мамы Илюшка машет рукой детям, которые уже никогда не станут взрослыми. А в Донецке совсем другой памятник. Там целая Аллея Ангелов, и она продолжает расти. Илюшка мечтает когда-нибудь приехать в это место и положить не цветы, а много-много конфет. Ведь все дети любят сладкое. Донецким Ангелам тоже должно понравиться.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — спрашивает у Илюшки бабушкина подруга, пришедшая в гости.

— Буду вместе с папой бить фашистов! — отвечает Илюшка.

Бабушка с мамой переглядываются.

— Не приведи, Господи, чтобы война столько длилась, — вздыхает бабушка.

— А какой подарок ты себе попросил на День Рождения? — продолжает спрашивать бабушкина подруга.

— Не скажу! — выпаливает Илюшка и уходит в свою комнату.

Он никому не хочет говорить о подарке, потому что бабушка с мамой не могут осуществить его мечту. Илюшка достаёт из потайного угла шкафчика маленькую иконку со строгим бородатым святым. Это его покровитель — богатырь Илья. Илюшка стащил иконку у бабушки. У неё их много, она, наверное, и не заметила. Илюшка не хочет в подарок ни игр, ни машинок. Ему не нужен даже новый телефон. Он просит у строгого богатыря с нимбом вокруг головы, чтобы всё небесное войско пришло папе и его товарищам на помощь. Чтобы в день Илюшкиного рождения папа приехал домой, бросил рюкзак в угол, улыбнулся и сказал:

— Больше никуда не уеду. Всё. Мы победили.

Об авторах

Тугова Олисава Владиславовна

Участник боевых действий, волонтер, действующий сотрудник оборонного предприятия. Награждена медалью «За всемерную поддержку отечественного фронта по ликвидации антироссийских угроз».

Член Союза писателей России. Основатель Рыбинского отделения Совета молодых литераторов. Лауреат премии «Золотое перо Руси» (2019). Финалист литературного конкурса журнала «Север» (2019). Призер международной литературной премии «Перископ» (2019). Лауреат конкурса «Русский Гофман» (2021).

Публиковалась в газете «Литературная Россия», «День литературы», литературных журналах «Наш современник», «Юность», «Дон», «Александръ», «Симбирск», «Перископ», «Бельские просторы», «Веретено» и других.

Савченко Александр Карпович

г. Новокузнецк.

Родился в Омске. Бывший инженер-гидротехник. Автор трех книг. Печатался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Шмель», в альманахах «Притяжение», «Кузнецкая крепость», в сборниках Москвы, Волгограда, Самары, Орла, Брянска и др. Лауреат ряда международных конкурсов. Награжден медалями Пушкина, Маяковского, Бунина и «ЭКСПО-70» (Япония).

Литвиненко Наталья Юрьевна

г. Донецк.

Член Союза писателей ДНР и поэтического клуба «Логос». Православная. Член Компартии ДНР и КПРФ. Была в ополчении. Член концертной бригады «Донбасский характер». Автор книги стихов «То, что хотела сказать Перепелка», соучастник множества сборников: «Пять стихий», «Доброй улыбки свет», «Я жил в такие времена» и др. Участник и лауреат литературных конкурсов.

Некрасовский Марк Викторович

г. Луганск.

Заведующий отделом абонемента ГУК ЛНР «Луганская молодёжная библиотека». Председатель Луганского Республиканского отделения Союза писателей России

Автор книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы всё же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022)

Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского, «Молодой гвардии», Олега Герасимова, Владимира Гринчукова (МПС), «Гранатовый браслет» (СПР).

Ковальчук Юрий Сергеевич

Годы жизни: 1983-2021.

Журналист. Участник ополчения города Краматорска. Военный корреспондент.

Родился и проживал в городе Новая Каховка Херсонской области. В 2014 году одним из первых приехал на Донбасс и вступил в ополчение ДНР.

В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживал в Краснодонском районе. Умер в

2021 году. Причиной смерти стали перенесенные в плену пытки.

Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году. Публиковался в сборниках «Время Донбасса», «Донбасс-Петербург», в журналах «Александрь», «Северо-Муйские огни», альманахе «Территория слова», в альманахе «Глаголь». Публицистические статьи вошли в сборники «Россия и Сербия на поворотах истории» (Москва, 2019), «Записки Балканиста» (2019-2021).

Лауреат литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая проза России» (2019), победитель (посмертно) литературной премии Партии «Справедливая Россия» в номинации «Молодая публицистика России» (2022).

Горячева Ольга Викторовна

Живет на Псковщине.

Пишет небольшие рассказы, ведёт блог в соцсетях. Несколько рассказов для детей опубликованы в журналах "Фома" и "Завалинка". В основном публикуется на своей странице в ВК и на сайте Проза.ру.

Черняев Иванн Аристархович

г. Горловка, ДНР, Россия.

Член Союза писателей России, Межрегионального СП (Луганск), Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Проза и публицистика публиковалась в литературных газетах и журналах. Автор нескольких книг малой прозы и публицистики.

Следков Александр Юрьевич

г. Санкт-Петербург

Физиолог, историк и литератор. Доктор биологических наук. Председатель правления Общества изучения истории водозлазного дела им. Р. А. Орбели. Академик ПАНИ. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор 175 научных работ, опубликованных в России и за рубежом, в том числе 14 монографий, прозаических и поэтических произведений.

Карасёв Иван Владимирович

г. Санкт-Петербург

Кандидат исторических наук, литератор, член Союза писателей Санкт-Петербурга. С 1992-го по 2001 год жил и работал во Франции. В 2001-м возвратился в Россию, занимался бизнесом, создал оптовую компанию.

В 2016 году начал писать. В журналах «Аврора», «Сфинкс» и «Рог Борея» (все — Санкт-Петербург) напечатаны более шестидесяти рассказов. Автор двенадцати книг в жанре художественной литературы и нон-фикшн.

Марков Александр Анатольевич

г. Санкт-Петербург

Член Союза писателей России. Доктор социологических наук, профессор. Член-корреспондент РАЕН. Эксперт ПМЭФ. Заведующий кафедрой международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Бобылев Дмитрий Викторович

г. Санкт-Петербург.

Член Санкт-Петербургского союза литераторов, член ЛИТО авторов Донбасса «Стражи весны». Автор пятисот печатных публикаций (стихи и проза), в том числе в «Литературной газете», в журналах «Аврора», «День и ночь»,

«Знамя», «Наш современник», «Нева», «Юность» и др. Автор книг стихов «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017), «Улица Бобылева» (СПб, 2023); книги прозы «Ксякся» (СПб, 2023). Лауреат литературной премии имени Олега Герасимова (2019). Участник литературной резиденции АСПИР на Урале.

Гуляев Александр Александрович

г. Тула.

Поэт, прозаик, бард. Стихотворения публиковались в литературных альманахах, периодических изданиях, поэтических сборниках. Автор более 80 прозаических произведений, напечатанных более чем в 40 журналах и сборниках различных издательств России, Белоруссии, Германии.

Победитель ряда российских и международных литературных конкурсов и фестивалей.

Автор книги «Полсотни сказок для недоповзрослевших» (2023 г.).

Член жюри международной литературной премии «Алиса-2023». Член Союза деятелей культуры и искусства. Член Союза детских и юношеских писателей.

Афонин Михаил Евгеньевич

г. Донецк.

Прозаик, журналист, литературный критик, член Союза писателей России и Донецкой Народной Республики.

Саликова Оксана Константиновна

Живет на территории, подконтрольной Украине.

Рубинштейн Юлия Григорьевна

г. Сосновый Бор Ленинградской обл.

Поэт, бард, писатель. Лауреат и дипломант бардовских фестивалей (1987-1995) и литконкурсов (2021-2024). Опубликовала около пятидесяти рассказов, три романа, две повести в различных сборниках, альманахах и журналах России, Белоруссии, Германии.

Васильев Сергей Валерьевич

Родился в г. Орске Оренбургской области. Офицер запаса ВКС. Проходил службу в боевом полку. Имеет награды. Автор книги «Сквозь пламя боли и свинца» и поэтического сборника «Жизни сны». Член Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Член Российского союза писателей.

Сурова Татьяна Сергеевна

Россия, Нижегородская область, г.Княгинино.

Писатель, сценарист. Автор романа «Одинокий камень» и сценария по этой книге. Номинант кинопремии «Золотое перо» в рамках международного фестиваля короткометражного кино «КиноStart» 2019 и кинопремии «Золотое перо». Рассказы Суровой публиковались в сборнике «Крымское приключение».

Гурьев Сергей Иванович.

г. Ялта.

Родился в Червоногвардейском районе города Макеевка Донецкой области. Вырос в обычной шахтерской семье, закончил с отличием техникум, институт ДонНТУ. Работал старшим механиком стационарных установок, заместителем энергетика на шахте «Чайкино» ГП «Макеевуголь». В данный момент — инженер-конструктор широкого профиля.

Сурнин Александр Артурович

Родился и вырос на Донбассе, в городе Краматорске. После службы в стройбате окончил Краматорский индустриальный институт. Во время Перестройки остался без работы. Долгое время бродяжничал, обошёл пешком и автостопом всю страну — от Закарпатья до Забайкалья, и от Приполярного Урала до Самарканда. Пишет стихи, прозу, делает переводы со славянских языков. Член Союзов писателей ДНР, ЛНР и России. Участвовал в краматорском ополчении. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге. После освобождения Краматорска непременно вернется туда, ибо считает, что там будет нужнее.

Сороковиков Сергей Владимирович

Уроженец Иркутска, ныне проживает в Санкт-Петербурге. Волонтер. Как отец солдата, ушедшего добровольцем на СВО, общается с бойцами, теми, что за «ленточкой». Записывает их истории, переживания — получают рассказы.

Колмогорова Наталья Ивановна

Самарская обл., ст. Клявлино.

Пишет для детей и взрослых. Автор книг: «Чужие мои дети», «Дик», «Время собирать звёзды». Публиковалась в альманахах «Параллели» (Самара), «Чем жива душа» (Ярославль), «Писатели 21 века» (Германия). Член самарского Союза профессиональных литераторов. Лауреат всероссийских и международных конкурсов, в том числе обладатель медалей имени Маяковского, «Хранители наследия в действии» (Прага), лауреат литературной премии «ДИАС», Всероссийского поэтического конкурса «Отцовский след» и Всероссийского поэтического конкурса «Ода огороду».

Левина Нина

г. Керчь.

Пишет реалистическую и фантастическую прозу. Публиковалась в различных литературных журналах и сборниках: «Сибирские огни», «Странник», «МОЛОКО», «Крымское приключение», «Истории для Алисы» и других.

Дважды победитель фестиваля «Седьмое небо», обладательница Гран-при издательства «Настя и Никита», финалист и лауреат различных литературных конкурсов, среди них: «Крымское приключение», «Удивительное рядом, но...», «Лебеди над Челнами», «Пласты и глубины» и многие другие. Автор романов «Шахматы Тамерлана», «Наследник Тамерлана», «Тайна тевтонского замка», «Сквозь портал», «Хранитель сфер», «Кровавая заутреня», сборника «Специалист по мифологии», а также книги «Жизнь напролом. Мемуары в рассказах». Член Союза писателей Крыма.

Толоконникова Наталья Валерьевна

г. Санкт-Петербург.

Родилась и выросла в городе Макеевке, Донбасс.

Художник, автор картины «Седые дети», которая использована при оформлении сборника. Картина входит в цикл «Эхо Донбасса».

Содержание

Олисава Тугова. Бронзовая девочка.....	5
Олисава Тугова. День прожитый.....	8
Олисава Тугова. Пять лепестков	12
Александр Савченко. ЧП местного значения.....	16
Наталья Литвиненко. Начало всего.....	40
Марк Некрасовский. Луганский дневник	71
Марк Некрасовский. Сепар	83
Юрий Ковальчук. Красная пыль.....	95
Юрий Ковальчук. Юго-восточный диван.....	102
Ольга Горячева. Тюльпаны Донбасса	112
Иванн Черняев. Дежавю	115
Александр Следков. Назавтра.....	121
Иван Карасёв. Котлеты от жены.....	130
Александр Марков. Подорож отрочество.....	141
Глава I	141
Глава 2.....	150
Глава 3.....	156
Дмитрий Бóбылев. Сквозняк внутри.....	163
Александр Гуляев. Шахтёрский сказ	172
Михаил Афонин. Везунчик	184
Михаил Афонин. Тося	192
Оксана Саликова. За Саньку!	199
Юлия Рубинштейн. Нарушение границы	203

1. Вместо зачина. 24.04.2024.	203
2. Октябрь 2021.....	203
3. Опять 24.04.2024.....	215
Сергей Васильев. Сашка	216
Татьяна Сурова. Харон.....	223
Сергей Гурьев. Шахта	231
Автобус.....	231
Роба.....	232
Ствол.....	232
Путь.....	233
Шашки	235
Штрек	236
На-гора.....	238
Реверс.....	240
Глаза.....	242
Александр Сурнин. Первая кровь	244
Сергей Сороковиков. Уставший танк	261
Сергей Сороковиков. До встречи, брат	265
Наталья Колмогорова. Путь, устланный лепестками.....	267
Наталья Колмогорова. Капочка, вернись!	273
Наталья Колмогорова. Дорога в один конец.....	278
Нина Левина Илюшка	283
Об авторах	293

Литературно-художественное издание

Книжные проекты альманаха «Полынья»

ДОНБАСС. ДОРОГА ДОМОЙ

Книга издана в рамках проекта «Мы наши». Выпуск 1

Главный редактор: Юлия Карасёва
Выпускающий редактор: Иван Карасёв
Художник: Наталья Толоконникова

При оформлении обложки использована картина Натальи
Толоконниковой «Седые дети»

12+

Подписано в печать 01.06.2024

Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
19 уч. печ.л.
Тираж 1000 экз.

ИД «ПОЛЫНЬЯ»

Санкт-Петербург, Английская набережная, 22

Отпечатано в АО "Т 8 Издательские Технологии"
109316, г. Москва, Волгоградский пр., 42, к.5
www.t8print.ru; info@t8print.ru